

Михаил Зощенко

Текстологические
исследования
и анализы,
семантика
и стилистика

WYDAWNICTWO
UNIWERSYTETU
ŁÓDZKIEGO

Jarosław Wierziński

Михаил Зощенко
Текстологические
исследования
и анализы,
семантика
и стилистика

Jarosław Wierzbiński – Лодзинский университет, Филологический факультет
Институт русистики, Кафедра языкознания, 90-236 Лодзь, ул. Поморска 171/173

РЕЦЕНЗЕНТ

Beata Rycielska

РЕДАКТОР

Urszula Dzieciatkowska

РЕДАКЦИЯ

Bogusława Kwiatkowska

НАБОР И ВЁРСТКА ТЕКСТА

Munda – Maciej Torz

ПРОЕКТ ОБЛОЖКИ

Katarzyna Turkowska

В оформлении обложки использован рисунок: <https://wikimediacommons.org>
Serapion_Brothers

© Copyright by Jarosław Wierzbiński, Łódź 2017
© Copyright for this edition by Uniwersytet Łódzki, Łódź 2017

Издательство Лодзинского университета

I издание. W.08064.17.0.M

Изд. лист 6,1; печ. лист 8,0

ISBN 978-83-8088-733-6

e-ISBN 978-83-8088-734-3

Издательство Лодзинского университета

90-131 Лодзь, ул. Линдлея 8

www.wydawnictwo.uni.lodz.pl

e-mail: ksiegarnia@uni.lodz.pl

тел. (42) 665 58 63

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие: предмет исследования и терминологические разыскания	7
Глава I	
Ретроспективный дискурс в литературном пространстве М. Зощенко	11
Глава II	
Приемы антономазии в структуре зощенковских произведений	25
Глава III	
Композиционно-коммуникативная организация зощенковских текстов	35
Глава IV	
Речевая стихия времени: различные деформации и отклонения	47
Глава V	
Языковая мистификация, или иллюзия иностранной речи	59
Глава VI	
Языковая специфика зощенковского сказа	73
Глава VII	
Приемы синонимизации и антонимизации слов и выражений в сочинениях Зощенко	89
Заключительное слово	107
Библиография	109
От редакции об авторе	127

ПРЕДИСЛОВИЕ: ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЫСКАНИЯ

Настоящая монография – результат многолетних научных разысканий автора в области идиостиля Михаила Зощенко. В ней представлены различные риторические приемы, оттеняющие своеобразие слога писателя. Внимание сфокусировано на индивидуальной системе построения речевых средств, а также приемах их отбора и употребления писателем.

Следует оговориться, что по отношению к индивидуальной природе языка того или иного автора в лингвистике употребляется также термин *идиолект*. Эти термины относятся к целому спектру речевых особенностей языка данного автора. Терминологические разыскания в этой области представлены в ряде трудов (см., напр.: Богданова 2011; Иванцова 2012; Старкова 2015; Жеребило 2016; Чернышева 2010; Borek 1988; Kozłowska 2015).

Термин *идиолект* греческого происхождения и обозначает ‘свой, своеобразный, или особый диалект’. По *Словарю лингвистических терминов и понятий* – это ‘1. Совокупность особенностей, характеризующих речь индивида’. В социолингвистике он понимается как ‘1) Совокупность фонетических, грамматических, лексических, стилистических особенностей носителя языка; 2) Реализация в речи индивидуума различных вариантов языка, территориальных и социальных диалектов’ (Жеребило 2016). Данный термин построен по модели термина *диалект*. Различие состоит в том, что *идиолект* обозначает индивидуальную манеру речи, он связан с особенностями речи отдельного носителя языка или отдельного автора. *Диалект* же относится к более общей модификации языка, например, территориальной, профессиональной или целых коллективов (ср., напр.: Ефремова 2000). Согласно В.Ю. Михальченко, «любой естественный язык реализуется в идиолектах носителей данного языка» (Михальченко – отв. ред. 2006: 73). *Идиолект* (называемый также языком индивида) обычно понимается как совокупность индивидуальных черт языка (фонетических, лексических, синтаксических), свойственных определенному пользователю в данном периоде его развития. Можно сказать, что это разновидность этнического языка, используемая одним человеком, во время создания им текстов (Kozłowska 2015: 73).

Зато *идиостиль* – это стиль текста данного автора. Этот стиль является способом восприятия мира – здесь ценности выражаются при помощи языковых средств. Отметим также, что *идиостиль* касается понимания текста в целом – то есть, учитываем употребление языковых средств, их порядок, интенцию автора текста и цель сообщения. В широком смысле это понятие составляет систему определенных лингвистических характеристик, присущих текстам данного автора (Borek 1988: 29).

В центре нашего внимания оказываются особенности языка и стиля произведений Михаила Зощенко (1895–1958), чье творчество продолжило гоголевско-чеховскую литературную традицию. Зощенко «находился у истоков советской сатирико-юмористической прозы» (Ершов 1973: 3). Несмотря на классические традиции в области создания комизма, у этого писателя своя природа чудовищного смеха, которую обуславливает специфический ситуативный комизм, переплетающийся с комизмом характеров, и, что самое главное – языковой комизм (Старков 1974; Белая 1975; Крепс 1986; Эвентов 1968; Drawicz 1974; Jackiewicz 1991; Śliwowski 1967).

Зощенковская самобытность предопределяется в значительной мере характером оформления словесного материала. Языковое наследие этого писателя заслуживает безусловно всестороннего анализа. В лингвистической литературе по данному вопросу имеются ценные, весьма основательные разработки (см., напр.: Виноградов 1928; Жолковский 2007; Молдавский 1977; Рубен 2006; Старков 1974; Томашевский 2004; Чудакова 1979). Значительны также в этом отношении многие диссертационные исследования (напр.: Барсукова 2004; Вертянкина 2001; Думченко 2004; Жолнина 2007), однако тематика зощенковского языкового своеобразия далеко не исчерпана.

В данной книге прослеживаются закономерности языковой структуры его текстов, проводятся наблюдения над словоупотреблением, выявляются смысловые модификации языковых единиц и особенности индивидуального стиля писателя. Критерием установления индивидуально-авторского стиля является сравнение языка писателя с языком релевантной нормы¹. Здесь будет уместно перефразировать слова Р.А. Будагова, которые применительно к нашему объекту изучения сведутся к мысли о том, что лингвист не в состоянии „угнаться” за всеми индивидуальными употреблениями, его задача – определить общие линии развития описываемого явления (Будагов 1971: 5).

¹ Значения слов и их характеристики приводятся в дальнейшем по материалам МАС и других словарей. См. сокращения названий использованных словарей в каждой части данной работы.

Слово в художественном воплощении обладает признаками, отличающими его от общеязыкового, узуального употребления. Контекст приводит к осложненности смысловой структуры лексемы, «создает неограниченные возможности варьирования значения слова, расширяет стилистические свойства слова...» (Савченко 1986: 64). Контекст порождает семантико-стилистические сдвиги, в нем слова приобретают ситуативно обусловленные созначения. В тексте, который «представляет собой сознательно организованный результат рече-творческого процесса» (Гальперин 1981: 3), расширяются синтаксические связи слова².

Своеобразие языка и стиля произведений писателя можно понять, рассмотрев как состав речевых средств, так и принципы и приемы их употребления, способы организации таких средств³. В книге затронуты также различные вопросы синтаксической семантики применительно к языку произведений Зощенко.

Словари

Ефремова Т.Ф., *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*, Москва 2000.

Жеребило Т.В., *Словарь лингвистических терминов и понятий*, изд. 6-е, испр. и доп., Назрань 2016.

Словарь русского языка, в 4-х т., изд. 2-е, испр. и доп., под ред. А.П. Евгеньевой, Москва 1981–1984. (МАС)

Словарь социолингвистических терминов, под ред. В.Ю. Михальченко, Москва 2006.

Библиография

Арутюнова Н.Д. (1972), *Синтаксис*, [в:] *Общее языкознание. Внутренняя структура языка*, Москва.

Барсукова О.А. (2004), *Музыка, живопись и театр в прозе М. Зощенко*, Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Барнаул.

Богданова Е.В. (2011), *О некоторых аспектах изучения термина идиолект в отечественной и западной лингвистике*, «Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина», № 4, т. 1, с. 100–108.

² Ср. положения о речевой обусловленности семантики слова в работе: Арутюнова 1972: 307–308.

³ По этому вопросу см., напр.: Шмелев 1977: 81 и др.

- Будагов Р.А. (1971), *История слов и история общества*, Москва.
- Вертянкина Н.Н. (2001), *Поэтика анекдота в рассказах М.М. Зощенко 1920-х годов*, Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Самара.
- Виноградов В.В. (1928), *Язык Зощенки (Заметки о лексике)*, [в:] *Михаил Зощенко. Статьи и материалы*, Ленинград, с. 51–92.
- Гальперин И.Р. (1981), *Текст как объект лингвистического исследования*, Москва.
- Ершов Л.Ф. (1973), *Из истории советской сатиры. М. Зощенко и сатирическая проза 20–40-х годов*, Ленинград.
- Думченко О.Е. (2004), *Рецептивный эффект «своего писателя» в творчестве М.М. Зощенко*, Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Томск.
- Жолковский А.К. (2007), *Михаил Зощенко: поэтика недоверия*, изд. 2-е, испр., Москва.
- Жолнина Е.В. (2007), *«Голубая книга» М.М. Зощенко: текст и контекст*, Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Санкт-Петербург.
- Иванцова Е.В. (2012), *Методологические проблемы создания словаря языковой личности*, «Вопросы лексикографии», № 1, с. 27–51.
- Крепс М. (1986), *Техника комического у Зощенко*, Benson, Vermont.
- Молдавский Д.М. (1977), *Михаил Зощенко. Очерк творчества*, Ленинград.
- Рубен Б. (2006), *Михаил Зощенко*, Москва.
- Савченко А.Н. (1986), *Лингвистика речи*, «Вопросы языкознания», № 3.
- Старков А. (1974), *Юмор Зощенко*, Москва.
- Старкова Е.В. (2015), *Проблема понимания феномена идиостиля в лингвистических исследованиях*, «Вестник Вятского государственного гуманитарного университета», № 5, с. 75–81.
- Томашевский Ю.В. (2004), *«Литература – производство опасное...» (М. Зощенко: жизнь, творчество, судьба)*, Москва.
- Чернышева Т.А. (2010), *Идиостиль: лингвистические контуры изучения*, «Вестник Череповецкого государственного университета», № 1, с. 30–34.
- Чудакова М.О. (1979), *Поэтика Михаила Зощенко*, Москва.
- Шмелев Д.Н. (1977), *Русский язык в его функциональных разновидностях*, Москва.
- Эвентов И. (1968), *Юмор Михаила Зощенко*, «Нева», № 10, с. 166–172.
- Borek H. (1988), *Co możemy wiedzieć o języku osobniczym*, [в:] *Język osobniczy jako przedmiot badań lingwistycznych*, Zielona Góra.
- Drawicz A. (1974), *Aż do kresu ironii (Michał Zoszczenko)*, [в:] A. Drawicz, *Zaproszenie do podróży. Szkice o literaturze rosyjskiej XX wieku*, Kraków, с. 46–73.
- Jackiewicz M. (1991), *Elementy groteski w krótkich opowiadaniach Michaila Zoszczenki*, [в:] *Małe formy w literaturze rosyjskiej. Słowo w tekście rosyjskim. Literaturoznawstwo*, „Studia i Materiały WSP w Olsztynie”, nr 30, с. 97–105.
- Kozłowska A. (2015), *Miejsce badań nad idiolektem w obrębie językoznawstwa*, „Poznańskie Spotkania Językoznawcze”, nr 30, с. 71–83.
- Śliwowski R. (1967), *O śmiechu – poważnie. Michał Zoszczenko*, [в:] R. Śliwowski, *Dawni i nowi. Szkice o literaturze radzieckiej*, Warszawa, с. 65–72.

ГЛАВА I

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ДИСКУРС В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ М. ЗОЩЕНКО

Данная тема вписывается в более общую проблему „текста в тексте”, что связано также с категорией „интертекстуальности”. По этому и смежным вопросам имеется богатая научная литература (Абрамова 2006; Бабенко, Казарин 2004; Вежбиньски 2008; Борботько 2007; Дымарский 2006; Кузьмина 2004; Фатеева 1998; Burzyńska 2002; Cieślukowska 1995; Dobrzyńska 1993; Duszak 1998; Kalaga 2001).

В отношении текста мы разделяем, в частности, следующие положения Е.И. Абрамовой:

Текст не автономен. Его содержание и восприятие базируются на множестве внетекстовых и межтекстовых связей. Смысл его насыщен цитатами, отсылками к другим текстам, которые либо непосредственно включены в данный текст, либо представлены в нем в виде неявных ассоциаций, порождаемых текстом. Характер репрезентации интертекстуальности в художественных текстах различен, что порождает и разную степень насыщенности его интертекстами разного рода. (Абрамова 2006: 46–47)

Все это находит своеобразное и оригинальное преломление в творчестве талантливейшего русского писателя XX столетия – Михаила Зощенко.

Писатель, излагая ряд злободневных вопросов послереволюционной действительности, вводит для контраста ретроспективный план. Зощенко ссылается на различные, нередко значительные, события прошлого или же на исторические источники. Повествование о современном писателю укладе жизни сопровождается историческими экскурсами, в том числе по памятникам письменности. Лучший образец в этом отношении представляет собой, созданный Зощенко в годы 1934–1935, цикл новелл под общим названием *Голубая книга*, где писатель изложил «краткую историю человеческих отношений», о чем сказано в посвящении Максиму Горькому (с. 162)¹.

¹ Ссылки и цитируемый материал с указанием страницы приводится по изданию: М. Зощенко, *Собрание сочинений в 3-х т.*, т. 3, Ленинград 1987.

Эта история изложена в пяти тематических отделах: *Деньги, Любовь, Коварство, Неудачи* и *Удивительные события*, каждый из которых содержит по две части – историческую и современную. В итоге данного приема перед глазами читателя протекает целая галерея исторических лиц: князей, рыцарей, дворян, баронов, графов, герцогов, купцов, помещиков, сенаторов, префектов, губернаторов, послов, консулов, представителей духовенства и т.д.

В каждом отделе современность переплетается с историческими сюжетами. Зоценко использует при этом различные изречения, сентенции и максимы, взятые из философских учений Платона, Томмазо Кампанелли, Артура Шопенгауэра и других. Приводит выдержки из текстов протопопа Аввакума, Василия Тредиаковского, Александра Пушкина, Николая Некрасова, Алексея Апухтина, Александра Блока, Альфреда де Мюссе. Ссылается на высказывания Николая Карамзина, Алексея Кольцова, Федора Достоевского. Приводит изречения Александра Македонского, цезаря Тиберия, историка Светония, императора Николая I, короля Людовика XV, композитора Людовика ван Бетховена. Ссылается на царские указы Павла I, Александра I, мемуары английского посла Хорсея, на конституционные акты Наполеона, его переписку с Жозефиной и т.д. Упоминаются также: английский король Карл I и Карл II, Кромвель, Робеспьер, римский консул Октавиан, египетская царица Клеопатра, римский консул Марк Антоний, фараон Амазис II, персидский царь Камбиз, Филипп II Испанский, римский оратор Цицерон, князь Меншиков, певец Федор Шаляпин, скульптор Бенвенуто Челлини, папа римский Лев X и многие другие.

Наша задача сводится к выявлению некоторых особенностей идиостиля Михаила Зоценко, являющихся следствием введения в языковую ткань произведения фрагментов, отраженных в судебном кодексе *Русская Правда*, который по праву считается одним из важнейших памятников древнерусской литературы и древнерусского языка. В этой части книги прослеживается функционирование именно контактного расположения различного по своей языковой природе словесного материала. В ходе анализа выявляются смысловые модификации языковых единиц, их терминологическое размежевание и, тем самым, проводятся наблюдения над зоценковским словоупотреблением.

Прием введения текста из *Русской Правды* в *Голубую книгу* создает специфический дискурс, в котором сосуществуют различные тексты с точки зрения их стилистической и семантической значимости. Сочетаются тексты разобщенные во времени. Объединяются по существу

непоследовательные речевые структуры, что вызывает языковой разлад и, прежде всего, диссонанс стилистический. Древнерусский кодекс выдержан в исторически определенной манере стиля. На фоне ранней письменности *Русская Правда* отличается языковыми средствами характерными для письменно-делового стиля. Судебному уставу свойственна особая организация текста.

Памятник отличается особенностями языка в соответствии с характером судебной литературы. Его словарь насыщен юридической терминологией, как например: *видок* ‘свидетель, который что-либо видел’; *послух* ‘свидетель, который что-либо слышал и дает показания на судебном процессе’; *вира* ‘штраф за убийство свободного человека’; *продажа* ‘штраф за преступление в пользу князя’; *голова* ‘убитый человек’; *головник* ‘убийца’; *головничество* ‘убийство’; *протор* ‘судебные издержки’; *поток* ‘изгнание, ссылка’; *разграбление* ‘конфискация имущества’ и т.д. В качестве терминов употребляются и такие единицы: *двор* ‘суд’; *мир* ‘сельская община’; *урок* ‘вознаграждение потерпевшему’; *задница* ‘наследство’; *слово* ‘письмо, грамота’; *правда* ‘свод правил, законов’ и другие. Наименования бытовых реалий и господствующих отношений в древнерусском обществе также отличаются своими особенностями, ср.: *тиун* или *тивун* ‘княжий чиновник’; *гридь* ‘княжий воин’; *людин* ‘рядовой член общества’; *мечник* ‘княжий дружинник’; *огнищанин* ‘владелец дома, хозяин’; *холоп* ‘несвободный человек, раб’; *изгой* ‘человек, выжитый из рода от немилости в своей среде, изгнанец (изгнанник)’ и т.п. Древнерусский судебный устав отличается наличием особых синтаксических структур, среди которых значительное место занимают условные сложные предложения. Господствуют конструкции с причинно-следственными связями. Характерная синтаксическая модель это: *если...*, *то...*.

В отличие от языка *Русской Правды*, который ознаменован наличием имен существительных, обозначающих лицо по признаку действия или отношения (*видок*, *послух*, *головник*, *изгой* и др.), определенной замкнутостью лексического состава и „сухостью” изложения, шаблонностью синтаксических структур и отсутствием выразительных средств, язык Зощенко имеет открытый характер с точки зрения словарного состава с тенденцией широкого употребления разговорных и просторечных форм, нелитературных слов и выражений, нередко с оттенком пренебрежительности и грубоватости, а в отношении синтаксиса характеризуется рядом повторений, свободным порядком слов, употреблением вводных, вставных конструкций и обилием раз-

нообразных структур, выдержанных в стиле сказа. Обратимся теперь к зощенковскому тексту:

Мы желаем рассказать о том, как сам господин закон почтительно относился к деньгам.

История не знает ничего более поразительного, чем это.

Вот как это у них было, согласно истории.

Там у них за уголовные преступления наказаний почти не было. И можно было убивать и так далее. И вместо наказания обвиняемый платил денежный штраф. И его после этого, пожалвав руку, отпускали. И даже, может, просили почаще заходить.

В общем, очень у них было мило в этом смысле. Легко дышалось. Чего угодно можно было делать. Были бы деньги.

Причем такая гуманная система существовала не только в России, но и во всем мире. И это длилось целые века.

Только в России в этом смысле слегка перестарались и прямо дошли до ручки. Там это очень привилось. И там даже специальные законы написали и определили, сколько и за что надо платить.

Так что уголовный кодекс выглядел у них все равно как ресторанное меню. Там цена указана за любой проступок. И каждый, согласно указанной цене, мог выбрать себе любое дело по карману. (с. 175–176)

После данного введения в определенную тематику, не лишнего к тому же юмористических акцентов, в интересующем нас фрагменте зощенковского текста имеется ситуация цитирования из *Русской Правды*, которое постоянно переплетается с комментариями автора. Ограничимся здесь несколькими примерами.

Цитирование из *Русской Правды*:

Если придет на двор (то есть в суд) человек в крови или в синяках, то свидетелей ему не искать, а обидчик пусть платит продажи – три гривны. (с. 176)

Затем следует пояснение Зощенко:

Отметим, что гривна не равнялась нашему гривеннику и этот мордобой не оценивался в тридцать копеек, не то все ходили бы с распухшей мордой. Гривна – это был кусок серебра около одной трети фунта. (с. 176)

Дальше в тексте представлена следующая разновидность наказания:

Если убьют купчину немца в Новгороде, то за голову десять гривен. (с. 176)

Данная выдержка сопровождается авторским комментарием:

Столь унизительно низкая цена за голову иностранного специалиста в дальнейшем, правда, была доведена до сорока гривен, и убийство интуристов, видимо, стало не всем по карману и не всем доступно, но все же цена была немного больше, чем удар чашей или рогом по отечественной морде. (с. 176)

И очередные цитаты из *Русской Правды*:

Если кто убьет княжого конюха, повара или подъездного – сорок гривен за голову. [...] Если кто убьет княжого тиуна (приказчика, судью, дворецкого) – двенадцать гривен. (с. 177)

За этими выдержками следует зощенковская реплика:

Судя по данным ценам, интеллигенция мало ценилась в те времена. Конюхи и повара стоили несколько дороже. (с. 177)

Обобщая судебные постановления, зафиксированные в *Русской Правде*, Зощенко пишет:

В общем, денежный штраф являлся, сколько можно заключить, единственным возмездием за всякое преступление.

И, конечно, такой закон, действующий в течение многих столетий, без сомнения, отличным образом обработал сознание у людей – кто имел побольше денег, тот мог не только своим ближним разбивать морды жердью или там чем угодно, но мог и убивать их и делать все, что ему заблагорассудится, – закон стоял на страже всевозможных мелких его интересов и душевных потребностей. И мы полагаем, что и в наше время там, где слишком почитается богатство, это высокое, гордое сознание остается неизменным. (с. 177)

Из примеров следует, что Зощенко конструирует специфическую структуру с точки зрения семантики и стилистики. В тексте осуществляется наложение двух разных языковых систем. Происходит скрепление различных стилистических традиций, а также взаимное проецирование соположенных частей текста.

Оформление собственно авторского текста заслуживает более тщательного рассмотрения. Он состоит как из нейтральных, так и семантико-стилистически отмеченных элементов. Авторские комментарии

включают лексические единицы, принадлежащие разным словарным слоям. Основным источником экспрессии в высказываниях являются выражения, свойственные живой разговорной речи. Наиболее показательны в этом отношении просторечные слова и выражения как, например: *мордобой, распухшая морда, разбивать морды*. Обращает внимание и тот факт, что авторский текст объединяет в себе лексические единицы разговорного и книжного, приподнятого стилей. Эту особенность иллюстрирует непосредственно словосочетание *отечественная морда*, или же опосредованно – выражение *разбивать морды [...] и делать все, что ему заблагорассудится*. В обоих случаях слова сочетаются таким образом нарочно, чтобы вызвать комический эффект, поскольку они в отношении языковой нормы не приспособляются стилистически.

Наиболее характерно то обстоятельство, что в тексте Зощенко особую активность обнаруживают некоторые слова и выражения, которые в узусе оказываются нейтральными. Немаркированные в языке лексемы, как *интуристы, интеллигенция*, или же выражение *иностранный специалист*, в приведенном контексте, получают особую стилистическую значимость. Их введение в данной конситуации оказывается существенным средством интенсифицирующим семантику текста. В авторских комментариях они выдвигаются на первый план и становятся своего рода стилеобразующими факторами, вызывая особый заряд экспрессивности.

Анализируя функциональный аспект такой лексики, целесообразно обратиться к некоторым лексикографическим источникам, в том числе к БАС², где наряду с грамматическими и семантическими характеристиками лексем, содержатся справки об их происхождении и даются также исторические сведения о старейшем упоминании слов в печатных словарях. Лексема *интурист* не отмечена в БАС, но показательны те исторические разъяснения, которые содержатся в словарных статьях *иностранный* и *турист*, т.е. словах, из которых было образовано в последствии сложносокращенное *интурист*. По данным БАС лексема *иностранный* фиксируется в Материалах Срезневского (1893–1912 гг.), раньше – в Лексиконе Вейсманнова (1731 г.), а *турист* отмечается в третьем издании Словаря Даля (1903–1909 гг.).

Обратимся к другим словарям: В ЦЭС указывается, что слово *турист* появляется на русской почве в XIX столетии. По данным СИС оно было позаимствовано из французского языка (*turiste*). Любопытно, что лексема *интурист* отсутствует в ЦЭС. Аналогично обстоит дело в ТСУ.

² Сокращения названий словарей смотри в конце раздела.

МАС отмечает слово *интурист* только в списке аббревиатур с объяснением: „Всесоюзное акционерное общество по обслуживанию зарубежных туристов и организации туристских поездок граждан СССР за рубеж”. Смысловой объем слова исчерпывается данным определением в МАС. Зато в Ож слово *интурист* помещено в отдельную статью, где указывается: „Сокращение: иностранный турист” и иллюстрируется его употребление: „Гостиница для интуристов”.

Поиски в словарях позволяют отнести функционирование слова *интурист*, также в интересующем нас значении, которое извлекается из зощенковского текста, в XX столетие. Терминологическое несоответствие данного слова с контекстом *Русской Правды* самоочевидно. Оно проявляется как в хронологическом аспекте, так и в плане семантики. Не избежать, конечно, некоторого смыслового диссонанса, относя термин *интурист* к содержанию древнерусского судебного устава, в котором повествуется о наказании за убийство немецкого купца. Ведь купец из любого государства, занимающийся обменом, торговлей товаров, имеет мало общего с иностранцем, который занимается собственно туризмом и путешествует в познавательных, краеведческих целях, т.е. с тем лицом, к которому примыкает ныне в русском языке определение *интурист*.

Рассмотрим теперь термин *интеллигенция*. Это слово стало функционировать в русском языке в XIX в. как модификация французского *intelligence* от латинского *intelligentia* (см. ЭС). Словарь Даля (второе издание 1880–1892 гг.), в котором – по данным БАС – слово впервые было отмечено, фиксирует исходную форму слова *интеллигенция* с одним „л” и приводит следующее толкование: „разумная, образованная, умственно развитая часть жителей”. В современных словарях оно объясняется шире. В СИС термин *интеллигенция* получил такое описание: „социальная группа, в которую входят люди, профессионально занимающиеся умственным трудом и обладающие необходимым для такого труда специальным образованием (инженеры, техники, врачи, учителя, юристы, работники науки и искусства)”. Таким образом, данный термин отождествляется с разрядом или категорией людей, получивших определенные знания, специальную подготовку, и занятых умственной деятельностью в различных областях (см. определения в ТСУ, МАС, Ож). С этой точки зрения термин *интеллигенция* функционирует как понятие социологическое. Нелишне отметить, что интеллигенция как социальная группа оформилась именно в XIX столетии. Разумеется, что она образовалась постепенно из представителей различных социальных классов: обычно дворянства, частично мещанства, реже рабочих и крестьян (ср. описание в ЭС и БСЭ).

Рассматриваемый термин порождает очередной семантико-стилистический диссонанс в тексте писателя. Его терминологическое несоответствие по отношению к древнерусскому своду законов неоспоримо. К тому же, у Зощенко данный термин распространяется на лиц, для которых основное занятие не всегда согласуется с умственным трудом, особенно в современном понимании. Наблюдается здесь преднамеренное автором, хотя и логически необоснованное, расширение смыслового объема термина. Его семантику предопределяет в данном случае столкновение с контекстом *Русской Правды*.

Сказанное выше позволяет отметить следующее: с одной стороны, рассматриваемая лексика не вписывается в стилистический контекст *Русской Правды*, с другой же – такая лексика выступает в роли опорных смысловых и стилистических звеньев текста в целом. Ее значимость определяется на фоне сопоставления речевых структур и своеобразного чередования деловой юридической информативности с авторским комментированием. Такой тип текста, в котором совмещается констатация древнерусского судебного дела с авторской оценивающей речью, включающей разнотильные элементы, также грубо-просторечную лексику, погашает нулевую модальность официального изложения в *Русской Правде*.

Языковую оригинальность текста предопределяет в данном случае всего лишь несколько содержащихся в нем слов и выражений: *интуристы*, *интеллигенция*, *иностраннный специалист*. Ни одно из них в языковой системе не отличается какими-либо дополнительными характеристиками или специфичными приметами в плане семантики и стилистики. Рассматриваемые лексемы не имеют в языке ни отрицательной, ни положительной окраски. Они нейтральны в общем употреблении, однако в исторических контекстах выявляют различные оценочные оттенки значения. О смысловом своеобразии данной лексики решают условия контекста. Такая лексика как бы окрашивается за счет отнесения в древнерусские контексты. При данной актуализации, т.е. путем свободного перемещения в историческую эпоху, эти термины обретают дополнительные оценочные компоненты значения. Коннотативную функцию лексики обуславливает прием контаминации языковых структур, которые различны по времени и по своей функционально-стилистической природе.

Особую роль в этом отношении выполняет общественно-политическая и юридическая терминология, которую писатель перемещает из одной языковой системы в другую. Наблюдается при этом свободный переход терминов в области функциональных стилей. Особых эффектов писатель достигает путем отнесения современной лексики на древнерус-

скую языковую почву. Такая лексика находит применение к историческим реалиям, что приводит в результате к семантическим и стилистическим сдвигам.

Такие единицы являются ключевыми в посегментных комментариях. Они непосредственно участвуют в формировании оценочного смысла текста. Из приведенных примеров явствует, что в зощенковских текстах уже одно слово или выражение окрашивает соответствующий фрагмент речи, придает повествованию особую сатирическую тональность.

В произведениях писателя рассказ о настоящем нередко прерывается ретроспективным планом. Содержание одного из исторических экскурсов составляет описание важнейшего события в Ватикане, происходившего в конце XV столетия: после смерти папы римского Сикста IV на папский престол избирается кардинал Перетта, который возглавил католическую церковь на пять лет. Зощенко пишет:

И вот у них начинаются *перевыборы*. Может быть *пленум*. Или там *конференция специалистов* по священному писанию. Одним словом – *выборы*. (3, с. 283)

Словесное оформление в данной ситуации сообщения вызывает по крайней мере недоумение. Шокирует неожиданное появление лексемы *пленум*. К собранию духовных лиц для разрешения важнейших вопросов в католической церкви это слово совершенно не подходит. Сфера функционирования данной лексической единицы на русской языковой почве иная. Словарное толкование заимствования *пленум* (от лат. *plenum* ‘полное’) сводится к общему собранию, в котором участвуют все члены руководящего органа партийной или государственной организации. В СИС содержится для него следующее определение: „заседание членов выборного руководящего органа какой-л. партийной, общественной, государственной организации в полном составе”. В МАС это слово-термин поясняется с помощью словосочетаний: „Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. Пленум райкома”, а в Ож оно проиллюстрировано таким примером: „Пленум Верховного суда”. Семантические рамки слова очерчены достаточно определенно. Однако его референциальное значение в речевом употреблении (см. пример) распространяется на иной состав избирателей – духовных лиц. Такой актуализатор приводит к осложнению смысловой структуры лексемы, которая выходит за пределы словарного значения. Не вызывает сомнений, что использование слова *пленум* в рассматриваемой контекстной ситуации

и в ряду слов *перевыборы, конференция, выборы*, резко меняет официальную и приподнятую настроенность сообщаемого, порождая дополнительные коннотации шутливо-иронического характера, что подкрепляется дальнейшим повествованием.

Смысловой настрой лексических единиц в произведениях Зощенко создается в значительной мере в результате пересечения разного по своей семантической и стилистической природе словесного материала.

Столкновение разных по времени реалий является весьма эффективным приемом и подспорьем языковой игры. Прибегая к историческим сюжетам и эпизодам, писатель как бы реконструирует разговорный дискурс своих героев и каждый раз сопровождает событийный план собственным комментарием. Рассмотрим пример, в котором бургундский король Гунтрам (VI ст.) разговаривает со своей умирающей супругой Австрахильдой, которую безуспешно пытались вылечить за полтора года девять врачей. Гунтрам ждет ее последних пожеланий и распоряжений. Супруги обмениваются следующими фразами:

Австрахильда говорит: – Да как-то так... Надеюсь, что это порядочные люди и что они меня вылечат, а они вот куда загнули – я теперь, как видите, умираю, наверно, через этих людей. – Не знаю, как вы, – сказал Гунтрам, – а я их на пушечный выстрел к себе не подпускаю. Это вы дали маху. Австрахильда говорит: – Вот я теперь и прошу вас отрубить головы у этих *медицинских работников*. (с. 291)

О медицинских работниках повествуется также применительно к древнему Риму, во времена императора Тиберия (42 до н.э.–37 н.э.). Будучи еще консулом, он решил встретиться с больными. С этой целью начальство распорядилось собрать всех больных в городском саду. Зощенко сообщает об этом, ссылаясь на римского историка Светония и от себя поясняет:

В общем, *медицинские работники*, вздыхая и шипя, и перекидываясь обывательскими фразами, бросились назад по своим больницам и стали там готовить больных к передвижению. (с. 339)

В отмеченных контекстах Зощенко не подражает языку древних времен. Писатель не только отступает от языковой стилизации, но наоборот – пользуется современными определениями. Нарочно вводит новейшие названия (*медицинские работники*) в исторический экскурс. Это приводит к своеобразной семантико-стилистической „стычке”, неслаженности

на уровне реалий, свойственных прошлым векам и реалий современности, что вызывает также комический эффект. Заметим при этом, что осуществляется некая демитологизация исторических личностей посредством оформления их речи, в которой звучат разговорные формы типа *они вот куда загнули* или *вы дали маху*. Таким образом Зощенко как-бы снимает временную дистанцию между представителями минувших эпох и современными участниками событий. Писатель заведомо отступает от архаизации в таких дискурсах с историческими сюжетами.

Рассмотрим очередной пример, в котором Зощенко ссылается на исторический эпизод времен Ивана Грозного. Повествуется о приезде в Россию немецкого герцога Голштинского, который намерен жениться на дочери двоюродного брата царя. Этот союз не осуществляется из-за неожиданной смерти невесты и герцог решил ехать обратно в Германию. Однако ему было предложено остаться:

– *Товарищ герцог!* Погодите уезжать. У нас еще, на ваше счастье, имеется одна барышня. Ее сестренка. Она, правда, постарше той. И она менее интересна из себя, но все-таки она, может быть, вам подойдет. Тем более такой путь сделали из Германии – обидно же возвращаться с голым носом. (с. 229)

Внимание привлекает форма обращения к гостю из Германии. Конечно же, такое обращение вряд ли было в употреблении в эпоху Ивана Грозного. В аристократических, княжеских кругах никто не пользовался данной формой обращения. Этого нет и в наше время, где соблюдаются соответствующие правила этикета. Однако отметим, что данным оборотом пользовались широко в бывшем Советском Союзе. В условиях советской России это была официальная форма обращения к взрослым вообще – к мужчинам и женщинам.

Обращение *товарищ* демонстрирует распространенный способ обращения в послереволюционной языковой стихии; тогда это слово вытеснило другие формы обращения. Сегодня в русском языке используются дореволюционные обращения типа *господин, госпожа, барыня*, которые в советское время имели пейоративную коннотацию.

В рассмотренных примерах продемонстрированы слова и выражения с юмористическим звучанием. Дело в том, что по отношению к историческим событиям и персонажам используется современная лексика. Данный прием, который в таких случаях противоречит ожидаемой архаизации, является эффективным средством, к которому прибегает Зощенко.

В рассмотренных примерах скрещиваются разные стилистические традиции. В ряде случаев роль семантико-стилистических маркеров берут на себя лексемы, которые в языковой системе и в узусе следует отнести к нейтральному языку. Коннотативную функцию такой лексики обеспечивает прием пересечения языковых структур, которые различны в хронологическом плане и в плане функционально-стилистическом.

Принятые сокращения названий словарей

БАС – *Словарь современного русского литературного языка в 17-ти т.*, Москва–Ленинград 1950–1965.

БСЭ – *Большая Советская Энциклопедия*, Москва 1950–1958.

Даль – Даль В.И., *Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х т.*, Москва 1978–1980.

МАС – *Словарь русского языка в 4-х т.*, под ред. А.П. Евгеньевой, Москва 1981–1984.

Ож – Ожегов С.И., *Словарь русского языка*, Москва 1975.

СИС – *Словарь иностранных слов*, под ред. А.Г. Спиркина и др., Москва 1980.

ТСУ – *Толковый словарь русского языка в 4-х т.*, под ред. Д.Н. Ушакова, Москва 1935–1940.

ЦЭС – Цыганенко Г.П., *Этимологический словарь русского языка*, Киев 1989.

ЭС – *Энциклопедический словарь в 3-х т.*, под ред. Б.А. Введенского, Москва 1953–1955.

Источник

Зощенко М., *Собрание сочинений в 3-х т.*, т. 3, Ленинград 1987.

Библиография

Абрамова Е.И. (2006), *Интертекстуальные связи в художественном тексте*, [в:] *Имя и слово. Сборник научных и учебно-методических трудов*, вып. 2, Брест, с. 45–59.

Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. (2004), *Лингвистический анализ художественного текста: Теория и практика*, Москва.

Борботько В.Г. (2007), *Принципы формирования дискурса. От психолингвистики к лингвосинергетике*, Москва.

Вежбиньски Я. (2008), *Семантико-культурологический аспект интертекстуальности в художественном тексте*, „Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica”, z. 4, с. 179–187.

Дымарский М.Я. (2006), *Проблемы текстообразования и художественный текст. На материале русской прозы XIX–XX веков*, Москва.

Кузьмина Н.А. (2004), *Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка*, Москва.

Лотман Ю.М. (2002), *Статьи по семиотике культуры и искусства*, Санкт-Петербург.

Фатеева Н.А. (1998), *Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе*, „Stylistyka”, t. VII, с. 159–178.

Burzyńska A. (2002), *Dekonstrukcja i interpretacja*, Kraków.

Cieślukowska T. (1995), *W kręgu genologii, intertekstualności i teorii sugestii*, Warszawa.

Dobrzyńska T. (1993), *Tekst. Próba syntezy*, Warszawa.

Duszek A. (1998), *Tekst, dyskurs, komunikacja międzykulturowa*, Warszawa.

Kalaga W. (2001), *Mgławice dyskursu. Podmiot, tekst, interpretacja*, Kraków.

ГЛАВА II

ПРИЕМЫ АНТОНОМАЗИИ В СТРУКТУРЕ ЗОЩЕНКОВСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Творческие особенности языка произведений Михаила Зощенко получили широкое отражение в ряде филологических трудов как в России, так и за рубежом (Виноградов 1928; Вертянкина 2001; Думченко 2004; Исаева 2012; Старков 1990; Молдавский 1977; Чудакова 1979; Томашевский 1994; Синявский 1989; Жолковский 2007; Захариева 1989; Колева 2013; Крепс 1986; Кротова 2010; Drawicz 1974; Grau 1986; Jackiewicz 1991; Mucha 1985; Рyykkö 1993; Scatton 1993 и др.), однако грамматика его идиостиля все требует дальнейших разысканий. Внимания заслуживает лингвистическое наполнение художественных текстов писателя с учетом когнитивных аспектов языка.

Одна из особенностей зощенковского слога связана с антономазией (гр. *antonomasia*), с приемами наименования персонажей. Антропонимы в его произведениях часто напоминают прозвища, ср. *Тяпкин* (1, 136)¹, *Бутылкин* (3, 201), *Глотов* (1, 165), *Трупиков* (1, 123), *Конопатов* (1, 302), *Скоробогатов* (3, 440), *Хлопушкина* (3, 438), *Горюшкин* (1, 196), *Питин* *Короткий* (1, 28), *Обрезкин* (3, 376), *Кульков* (3, 376), *Тыкин* (1, 204), *Ловцов* (1, 80), *Червякова* (2, 128), *Косоносов* (1, 157). Встречаются также названия более презрительные и бранные, напр.: *Рыло* (1, 26), *Лахудрина* (1, 143), *Чучелов* (3, 210), *Козьепупов* (1, 154), *Клопов* (1, 47), *Тупицына* (2, 135), *Блохин* (1, 305) и т.д.

Такой способ номинации героев созвучен со словами, которые оттеняют черты скорее пренебрежительного характера. Итак, *Блохин* ассоциируется с *блохой* – ‘мелкое паразитическое, кровососущее прыгающее насекомое’; *Тупицына* со словом *тупица* – ‘тупой, непонятливый, плохо соображающий человек’; *Клопов* с *клопом* – ‘мелкое паразитическое, кровососущее насекомое’; *Чучелов* со словом *чучело* – ‘пугало’; *Конопатов* с прилагательным *конопатый* – ‘всесущатый или рябой от оспы (о лице, а также о человеке с таким лицом)’; *Червякова* со словом *червь* и т.д.

¹ Иллюстрированный материал приводится с указанием тома и страницы по изданию: М. Зощенко, *Собрание сочинений в 3-х т.*, Ленинград 1986–1987.

Данный прием нашел широкое применение также в творчестве А. Грибоедова, Н. Гоголя, А. Островского, М. Салтыкова-Щедрина и других писателей. Сравним несколько примеров таких фамилий, которые прозвучали в произведениях А. Чехова: *Червяков (Смерть чиновника)*, *Курятин (Хирургия)*, *Дряньковский (Протекция)*, *Гадюкин (Не судьба!)*, *Очумелов (Хамелеон)*.

Вернемся однако к текстам М. Зощенко. Характерным стилистическим приемом в области имен собственных в его произведениях является инверсия, проявляющаяся в заголовке *Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова*. Обычный порядок следования имен собственных (имя, отчество и фамилия) в данном случае нарушает определение *господин*. Такое расположение имен с неожиданной трансформацией узуса усиливает выразительность цикла рассказов. Приведенная синтаксическая структура выступает в данном произведении также в другом оформлении, поскольку со словом *товарищ*, ср.:

Взошел я в домишко [...]. И вот входит в зале задумчивый приятель и удивляется: – Ты ли это, *Назар Ильич товарищ Синебрюхов?* (1, 51)

В этом случае обычный порядок следования слагаемых имен разрушается определением *товарищ*. На фоне нормативного обращения такая перестановка разнообразит стилистику синтаксических структур и тем самым авторский слог.

Теперь наши наблюдения будут сфокусированы вокруг основного объекта изучения. Начнем наши разыскания с интригующего названия, которым является *Борис Шекспир*. Фамилии и имена не переводятся с одного языка на другой, хотя и адаптируются, но по законам заимствующего языка. Английская фамилия *Shakespeare* передается в русском языке как *Шекспир*. Эта фамилия связывается в нашем сознании с конкретным его носителем, автором таких литературных шедевров, как *Ромео и Джульетта*, *Гамлет*, *Отелло*, *Король Лир*, *Макбет* и др. Фамилия непосредственно ассоциируется с английским именем *William*. Оно вошло в разные языки, но с различным звучанием. В русском языке звуковая оболочка данного имени передается как *Вильям* или *Уильям* (с тенденцией к унификации второй формы). Итак, оформление иноязычного личного имени не произвольное для носителей данной фамилии, тем более, когда оно касается столь известного автора в истории мировой литературы. Однако то, чего нет в узусе, вполне возможно в художественном тексте, в речи литературных героев.

В новелле *Бедная Лиза*, в части *Приложение к пятому отделу Голубой книги* повествуется о замужней женщине, которая в корыстных целях не без поспешности сошлась с первым попавшимся автором. Но между нами говоря, этот инженер человеческих душ, как нарочно, оказался на редкость несостоятельным и ограниченным субъектом. (3, 424–425)

Затем Лиза пыталась устроить свою жизнь с одним иностранцем, рассчитывая на его богатство, но ее надежды на этот раз тоже не оправдались. Со временем дела у мужчины резко меняются:

ей кто-то сказал, что тот самый злосчастный писателишка, с которым она недавно жила и не была счастлива, неожиданно пошел в гору. Он бросил писать свои слабые вещицы и неожиданно вдруг написал пьеску, которая по силе, говорят, не уступала *Борису Шекспиру* или что-нибудь вроде этого. (3, 427)

Итак, традиционное имя собственное английского драматурга подменяется в этом случае русским именем *Борис*. Оно славянского происхождения. Словари личных имен отмечают для него одновременно русскую и болгарскую основы. По данным таких лексиконов имя *Борис* представляет собой сокращение имени *Борислав*: от борь- (ср. борьба, бороться) и слав- (ср. слава)².

Цитируемое наименование исторической личности звучит диссонансом по сравнению с общеизвестным антропонимом. Такая модель с именем собственным является окказиональным построением, что, безусловно, создает как языковой, так и культурный контраст.

Это усиливает юмористичность новеллы, так как замена имени классика мировой литературы популярным русским именем является своего рода профанацией памяти и авторитета Шекспира. В то же время, данный художественный прием позволяет автору раскрыть и осмеять сущность мещанского менталитета героини произведения, оценка и образ которой представлены через рассуждения повествователя, рассказывающего историю Лизы. В новелле отсутствует собственно-прямая речь персонажей и о всех событиях повествователь говорит с позиции постороннего наблюдателя. Он порицает корыстность, безнравственность, убожество мыслей и чувств Лизы, о чем свидетельствуют хотя бы такие высказывания как:

² См.: Суперанская, Гусев 1987: 436, 442; Петровский 1980: 65, а также: Janowowa и др. 1991: 55–56.

Супругу же его не устраивала эта сумма. И, будучи женщиной праздной и пустенькой, со слабым мировоззрением, она мечтала о сказочной роскоши и так далее. (3, 424)

А что она после этого стала артисткой, то для нее это очень хорошо, а, для публики это, наверно, весьма посредственно. [...] А в общем, даже и зарабатывая деньги, надо стараться иметь иной характер, и иное сердце, чем у вышеуказанной молодой особы! (3, 428)

Особенно наглядно сущность Лизы проявляется в рассказе о ее браке с иностранцем. Надеясь на то, что он зажиточный человек, она не задумываясь бросает своего мужа и выходит замуж за интуриста, не понимая даже, что он говорит. Узнав, что иностранец безработный, Лиза тут же оставляет его и возвращается к мужу, который как раз получил большую премию. Одновременно с критической оценкой поведения Лизы повествователь создает иллюзию сочувствия по отношению к ней, что усугубляет комичность изображаемого и юмористичность новеллы. Об этом свидетельствует и заглавие произведения, где Лиза названа бедной, будучи собственно женщиной хищной и бессовестной.

Заглавие новеллы содержит прямое указание на весьма популярный в русской литературе мотив, родоначальником которого был Николай Карамзин – автор сентиментальной повести под аналогичным названием. В отличие от целого ряда произведений последователей Карамзина, *Бедная Лиза* Зощенко имеет пародийный характер, так как его героиня является совершенной противоположностью возвышенной и благородной Лизы Карамзина.

Сатира новеллы нацелена на разоблачение поверхностности и примитивизма внутреннего мира Лизы, отсутствия в ней способности к более глубоким чувствам и гуманному отношению к другим людям. Каждый мужчина, встреченный Лизой в жизни, оценивается ею только с точки зрения его материального положения в обществе. Ради денег Лиза способна быть с каждым, не вникая в его душевный мир и не задумываясь над его нравственными качествами.

Произведение Зощенко вскрывает более широкий подтекст. Оно является своеобразным протестом против обывательской морали, символом которой является корыстная Лиза.

Бедная Лиза предназначена для широких читательских кругов. Новелла выдержана в духе сказа и написана простым языком с использованием разговорных форм, однако комизм наименования *Борис Шекспир*

понятен только грамотному адресату искусства. В этом проявляется ненавязчивая интеллектуальность прозы Зощенко.

Исследовательский интерес представляют также другие наименования исторических личностей, которые прослеживаются в творчестве писателя, например, *Сократ Палыч* – в отношении древнегреческого философа Сократа. Свою функцию выполняют в речи зощенковских героев и антропонимы типа *Иоанн Грозный* – о царе Иване Грозном, или же *Николай Палкин* – об императоре Николае I. Такие имена собственные под давлением контекста приобретают своеобразное смысловое наполнение и в значительной степени предопределяют стилистику текстов писателя.

В одном из исторических экскурсов Зощенко в его *Голубой книге* русское имя *Иван* своеобразно чередуется с именем *Иоанн*:

Вот, например, очень забавный факт. Он нам понравился своей, так сказать, наглядностью сюжета. Он очень характерен, этот факт. Он взят из старинной русской жизни. Из эпохи *Иоанна Грозного*. А приехал в то время в Россию немецкий герцог, некто Голштинский. [...] историкам стало известно, что он прибыл в Россию, с тем чтобы жениться по политическим соображениям на дочери двоюродного брата Ивана IV. (3, 229)

Именная форма *Иоанн* связана с церковнославянской языковой традицией. Имя *Иоанн* отличается библейской коннотацией, оно ассоциируется с именем одного из двенадцати апостолов Иоанном Евангелистом или Иоанном Богословом. Имя *Иван* в русском языковом пространстве считается самым популярным и заурядным, тогда как имя *Иоанн* отличается приподнятостью из-за своей принадлежности скорее к текстам религиозным, церковным. Итак, эти имена отличаются в функционально-стилистическом плане, хотя происхождение у них общее. Форма *Иван* восходит к *Иоанн*, от которой и была образована путем замены звуков.

Это варианты одного имени, которые отличаются однако в плане своего употребления. Между тем, в приведенном фрагменте текста они замещают друг друга, имея отношение к одному историческому лицу, хотя семантическое тождество этих именных форм исключается. Имя *Иоанн* совершенно не соответствует типу личности, какой был царь Иван, прозванный Грозным, который прославился своей исключительной жестокостью, казнями и насилием³. Известны многие

³ См. об этом, напр.: Bazylow 1975, с. 97, 114, 118 и др.

факты, что для осуществления своих планов развернул беспощадную борьбу со своими политическими противниками, в том числе с боярством. Вполне понятно, что имя *Иоанн* контрастирует с таким обликом царя и приводит к очевидной противоречивости. Через соотнесение столь различных имен в одном образе достигается скорее гротескный эффект.

В одном из разделов *Голубой книги* повествуется о неудачах, которые постигли известных писателей, поэтов, историков, а также философов, начиная с древних времен:

После побед римлян многие греческие философы были привезены в Рим, где продавались в рабство. [...] Чтобы продаваемые не разбежались, торговцы держали их в ямах. [...] Только представьте себе картину. Яркое солнце. Пыль. Базар. Крики. Яма, в которой сидят философы. Некоторые вздыхают. Некоторые просятся наверх. Один говорит: – Они в прошлый раз скоро выпустили, а нынче что-то долго держат. Другой говорит: – Да перестаньте вы, *Сократ Палыч*, вздыхать. Какой же вы после этого стоик? Я на вас прямо удивляюсь. (3, 349–350)

Характер данного высказывания ассоциируется с одним из самых известных философов древности Сократом (469–399 до н.э.). Сама реплика выдержана в шутиливой форме, помимо всей сложности и серьезности ситуации, в какой оказались участники описываемых событий. Шутливый настрой усиливает употребление за именем *Сократ* отчества, которое традиционно употребляется русскими. Форма обращения *Сократ Палыч* содержит игривый элемент из-за фиктивного характера самого отчества. Официальная форма отчества на русской почве образуется с помощью форманта *-ович*, разговорный же вариант – с помощью суффикса *-ыч*. Словарь Петровского отмечает формы *Павлович* и *Павлыч*, но не *Палыч*, где наблюдается упрощение согласных. Данный прием вызывает стилистическую переоценку отчества, которое приобретает при таком звуковом оформлении пренебрежительно-иронический характер. В *Предисловии* к своему словарю Петровский отметил следующее:

Отчество – знак вежливости, почтительного отношения к человеку. В просторечии существует обычай называть человека в знак глубокого уважения к нему не по имени, а только по отчеству (Михайлович, Андреевич или Михайлыч, Андреич. (Петровский 1980: 18)

Отмеченная в тексте Зощенко форма отчества *Палыч* придает по отношению к Сократу некую фамильярность. Такая бесцеремонная форма обращения не только удивляет, но и раздражает, а также смешит. Обращение *Сократ Палыч*, сам способ адаптации отчества в случае этой исторической личности не вписывается в культурно-языковой узус, однако является ярким приемом в достижении сатирических целей.

Следующий пример нестандартного использования имен собственных продемонстрирован в фельетоне *В пушкинские дни*. Юбилейная речь о поэте выдержана в следующем стиле:

Конечно, не будем останавливаться на биографических данных поэта: это всем известно. Но тоже, как говорится, с одной стороны – личная жизнь, квартира в семь комнат, экипаж, с другой стороны – сам царь, *Николай Палкин*, придворная жизнь, лицей, Дантес и так далее. И, между нами говоря, Тамара ему, конечно изменила... (*Шум в зале. Крики. Наталья, а не Тамара.*) Разве? Ах да, Наталья. Это у Лермонтова – Тамара... Вот я и говорю. А *Николай Палкин*, конечно, сам стихов не писал. И поневоле, конечно, мучился и завидовал поэту... (2, 420–421)

В этом выступлении дважды упоминается *Николай Палкин*. Имеется в виду русский царь Николай Романов, который в годы своего правления подавил восстание декабристов, а также преследовал писателей и поэтов. В фельетоне оратор заменил нормативное обозначение с помощью римской цифры, похожей по начертанию на палку (Николай I) названием Палкин, которое ассоциируется с данным знаком, но оно оскорбительное, ироническое и презрительное. Кроме того, такое название напоминает палку, т.е. тонкий ствол дерева или дубинку как ударное оружие, орудие насилия и может символизировать деспотизм. Итак, официальная форма имени царя становится как бы его прозвищем.

Сказанное в этой части книги можно обобщить. Во-первых, прием контаминации среди имен собственных разнообразит слог писателя. Такие названия, в которых имена собственные нарочно не согласуются являются стилеобразующим фактором. Во-вторых, экспрессивную значимость таких имен обуславливают конкретные исторические персонажи. Эта значимость усиливается, так как касается незаурядных личностей в области литературы, философии или истории государства. Иллюстративный материал с привлечением исторических лиц свидетельствует о том, что язык произведений Зощенко является неповторимым источником языковой игры.

Словари

- Петровский Н.А. (1980), *Словарь русских личных имен*, науч. ред. О.Д. Митрофанова, Москва.
- Суперанская А.В., Гусев Ю.М. (1987) (ред.), *Справочник личных имен народов СССР*, Москва.
- Janowowa W., Skarbek A., Zbijowska B., Zbiniowska J. (1991), *Słownik imion*, red. A. Zaręba, Wrocław–Warszawa–Kraków.

Источник

- Зоценко М., *Собрание сочинений в 3-х т.*, Ленинград 1986–1987.

Библиография

- Вертянкина Н.Н. (2001), *Поэтика анекдота в рассказах М.М. Зоценко 1920-х годов*, Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Самара.
- Виноградов В.В. (1928), *Язык Зоценки (заметки о лексике)*, [в:] В.В. Виноградов, *Статьи и материалы*, Ленинград, с. 51–92.
- Думченко О.Е. (2004), *Рецептивный эффект «своего писателя» в творчестве М.М. Зоценко*, Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Томск.
- Жолковский А.К. (2007), *Михаил Зоценко: поэтика недоверия*, изд. 2-е, испр., Москва.
- Захариева И. (1989), *Рассказы Михаила Зоценко*, «Болгарская русистика», № 1, София, с. 9–19.
- Исаева Л.А. (2012), *Коммуникативный и коннотативный аспекты книжных лексических и фразеологических единиц в художественных текстах (на материале рассказов М.М. Зоценко)*, Назрань.
- Колева И.П. (2013), *Михаил Зоценко: искусство пародии: традиции отечественной юмористики XIX века в творчестве М.М. Зоценко*, Москва.
- Котова М.А. (2005), *Драматургия М.М. Зоценко в контексте литературного процесса 1930-х–1940-х гг.*, Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Москва.
- Крепс М. (1986), *Техника комического у Зоценко*, Benson, Vermont.
- Кротова Д.В. (2010), «Голубая книга» М.М. Зоценко как симфония, «Вестник Московского университета. Серия 9: Филология», № 5, с. 121–134.
- Молдавский Д.М. (1977), *Михаил Зоценко. Очерк творчества*, Ленинград.
- Синявский А. (1989), *Мифы Михаила Зоценко*, «Вопросы литературы», № 2, с. 50–67.
- Старков А. (1990), *Михаил Зоценко. Судьба художника*, Москва.
- Томашевский Ю. (1992), *Пятнадцать минут из жизни Музы*, «Столица», № 8, с. 61–62.

- Томашевский Ю. (1994), *Судьба Михаила Зоценко*, [в:] Зоценко М. *Собрание сочинений в 5-ти томах*, т. 1, Москва, с. 9–18; т. 5, Москва, с. 339–407.
- Чудакова М.О. (1979), *Поэтика Михаила Зоценко*, Москва.
- Bazyłow L. (1975), *Historia Rosji*, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk.
- Drawicz A. (1974), *Aż do kresu ironii (Michał Zoszczenko)*, [в:] A. Drawicz, *Zaproszenie do podróży. Szkice o literaturze rosyjskiej XX wieku*, Kraków, с. 46–73.
- Grau M. (1986), *Нарушения лексической, лексико-семантической и семантической сочетаемости в рассказах двадцатых годов М.М. Зоценко*, „Hamburger Beiträge für Russischlehrer“, Bd. 35, Hamburg, с. 67–79.
- Jackiewicz M. (1991), *Elementy groteski w krótkich opowiadaniach Michaiła Zoszczenki*, [в:] *Małe formy w literaturze rosyjskiej. Słowo w tekście rosyjskim. Literaturoznawstwo*, Olsztyn, с. 97–105.
- Mucha W. (1985), *Opowiadania satyryczne i humorystyczne Michaiła Zoszczenki (1921–1932). Z zagadnień poetyki i komunikacji literackiej*, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź.
- Pyrykkö R. (1993), *Отражение лексических изменений послереволюционного периода в рассказах Михаила Зоценко*, „Studia Slavica Finlandensia”, Tomus X, Helsinki, с. 119–131.
- Scatton L.H. (1993), *Mikhail Zoshchenko. Evalution of a Writer*, Cambridge.

ГЛАВА III

КОМПОЗИЦИОННО- -КОММУНИКАТИВНАЯ СТРУКТУРА ЗОЩЕНКОВСКОГО ТЕКСТА

Предпринимаемые в данном разделе разыскания связаны с текстологией или лингвистикой текста. Такое отождествление понятий встречается, например, в работе Р. Харвега (Harweg 1968). По проблемам лингвистики текста имеется большая литература. Укажем здесь лишь некоторых авторов: Р. Барт (1978), С.И. Гиндин (1981), И.Р. Гальперин (1981), М.Я. Дымарский (2006), А.Т. Кривоносов (1986), Т.М. Николаева (1977), Л.М. Лосева (1980), В.В. Одинцов (1980), Г.В. Колшанский (1980), Н.И. Чиркова (1993). Внимания заслуживают также труды: Р.-А. Бегранда и В. Дресслера (Beaugrande, Dressler 1990), К. Бринкера (Brinker 1972), Г. Йелитте (Jelitte 1984), И. Курч (Kurcz 1992) и др.

В связи с проблематикой исследования учитываются следующие методологические установки:

– во-первых, текст понимается нами как сложное и специально организованное семантико-стилистическое целое, как «законченное смысловое единство» (Pfutze 1970: 7) и как «когерентная последовательность» (Brinker 1972: 50) синтаксических сегментов;

– во-вторых, исходим из двуединства формы и содержания, из представления об их взаимообусловленности и взаимоотнесенности в тексте. Другими словами: особенности текста предопределяются соотношением „плана выражения” и „плана содержания”, поскольку содержание передается определенными языковыми средствами, обеспечивающими когерентность¹ текста.

Художественное произведение многогранно. Наш анализ направлен на выявление стилеобразующих факторов, а следовательно на показ языковых средств и их связей, способов их организации. В поле зрения находятся особенности словоупотребления, синтаксические построения, т.е. в целом – функционирование языковых средств.

¹ Данную текстовую категорию, как и другие признаки текста (связность или когезия, интенция, информативность, ситуативность, интертекстуальность) понимаем вслед за толкованием Р.-А. Бегранда и В. Дресслера (Beaugrande, Dressler 1990).

Содержание текста обычно опирается на логические отношения между понятиями. Являясь процессом и результатом линейного развертывания определенной темы, текст выстраивается по тема-рематической схеме, т.е. повествование осуществляется по модели от известного к новому сообщению.

Однако в текстах Михаила Зощенко эти логические связи и, следовательно, тема-рематическое движение текста неоднократно обрывается. В результате создается особый и специфический функционально-смысловой тип повествовательной речи.

У этого писателя свой слог и неповторимое, особое строение фразы². Зощенко в своих произведениях отображает реальную послереволюционную действительность, в том числе языковую действительность, художественно моделируя ее, насыщая поэтическими приемами и средствами, доводя ее неоднократно до абсурда, в итоге чего смысловое движение текста резко нарушается.

Для анализа нами отобраны различные произведения М. Зощенко. Начнем с рассказа *Обезьяний язык*³. Этот небольшой по объему текст переполнен словами и выражениями иноязычного происхождения. Рассказ начинается со своеобразного тезиса – повествовательной ремарки, включающей также рассуждение:

Трудный это русский язык, дорогие граждане! Беда, какой трудный.

Главная причина в том, что иностранных слов в нем до черта. Ну взять французскую речь. Все хорошо и понятно. Кескесе, мерси, комси – все, обратите ваше внимание, чисто французские, натуральные, понятные слова.

А нуте-ка, сунься теперь с русской фразой – беда. Вся речь пересыпана словами с иностранным, туманным значением.

От этого затрудняется речь, нарушается дыхание и треплются нервы. (1, 264)

В дальнейшем текст рассказа содержит диалог, который и будет собственно предметом нашего анализа. Диалог предваряет следующая ремарка:

Я вот на днях слышал разговор. На собрании было. Соседи мои разговорились.

Очень умный и интеллигентный разговор был, но я, человек без высшего образования, понимал ихний разговор с трудом и хлопал ушами. (1, 264)

² Обширное изложение и обоснование данного вопроса представлено в нашей монографии (Wierzbinski 1999).

³ Иллюстративный материал приводится с указанием на том и страницу по изданию: М. Зощенко, *Собрание сочинений в 3-х т.*, Ленинград 1986–1987. (Курсив везде наш. – Я.В.)

Итак, нами получена информация об умном и интеллигентном разговоре, хотя и с оговоркой повествователя о его недостаточном образовании. Адресату задано определенное толкование предстоящего разговора, но сама диалогическая речь направляет движение мысли в обратном порядке, поскольку диалог построен на неожиданных смысловых поворотах, на семантических сдвигах.

Ниже воспроизводим текст, в котором функцию основного конструктивного приема выполняет диалогическая речь:

Началось дело с пустяков.

Мой сосед, не старый еще мужчина с бородой, наклонился к своему соседу слева и вежливо спросил:

– А что, товарищ, это заседание *пленарное* будет *али как*?

– *Пленарное*, – небрежно ответил сосед.

– Ишь ты, – удивился первый, – то-то я и гляжу, что такое? Как будто оно и *пленарное*.

– Да уж будьте покойны, – строго ответил второй. – Сегодня *сильно пленарное*, и *кворум* такой подобрался – только держись.

– Да ну? – спросил сосед. – Неужели и *кворум* подобрался?

– Ей-богу, – сказал второй.

– И что же он, *кворум*-то этот?

– Да ничего, – ответил сосед, несколько растерявшись. – Подобрался, и все тут.

– Скажи на милость, – с огорчением покачал головой первый сосед. – С чего бы это он, а?

Второй сосед развел руками и строго посмотрел на собеседника, потом добавил с мягкой улыбкой:

– Вот вы, товарищ, небось не одобряете эти пленарные заседания... А мне как то они ближе. Все как-то, знаете ли, выходит в них *минимально по существу дня*... Хотя я, прямо скажу, последнее время отношусь довольно *перманентно* к этим собраниям. Так, знаете ли, *индустрия* из пустого в порожнее.

– Не всегда это, возразил первый. – Если, конечно, *посмотреть с точки зрения*. *Вступить*, так сказать, *на точку зрения и отсюда, с точки зрения*, то – да, *индустрия конкретно*.

– *Конкретно фактически*, – строго поправил второй.

– Пожалуй, – согласился собеседник. – Это я *тоже допущаю. Конкретно фактически*. Хотя как когда...

– Всегда, – коротко отрезал второй. – Всегда, уважаемый товарищ. Особенно, если после речей *подсекция заварится минимально*. Дискуссии и крику тогда не оберешься...

На трибуну *взошел* человек и махнул рукой. Все смолкло. Только соседи мои, несколько разгоряченные спором, не сразу замолчали. Первый сосед никак не мог помириться с тем, что *подсекция заваривается минимально*. Ему казалось, что *подсекция заваривается* несколько иначе.

На соседей моих зашикали. Соседи пожали плечами и смолкли. Потом первый сосед наклонился ко второму и тихо спросил:

– Это кто ж там такой *вышел*?

– Это? Да *это президиум вышел*. Очень острый мужчина. И оратор первый. *Завсегда остро говорит по существу дня*.

Оратор простер руки вперед и начал речь.

И когда он произносил надменные слова с иностранным, туманным значением, соседи мои сурово кивали головами. Причем второй сосед строго поглядывал на первого, желая показать, что он все же был прав в только что законченном споре.

Трудно, товарищи, говорить по-русски! (1, 265–266)

Естественно возникает вопрос о критериях порождения, построения и развертывания данного текста. К нему необходимо подойти по крайней мере с двух точек зрения: во-первых, со стороны участников диалога и, во-вторых, с позиции адресата искусства.

Будучи относительно самостоятельной художественной конструкцией, диалог вместе с тем включен в структуру рассказа. Диалог становится композиционно-стилистическим его центром. Реплики коммуникантов, хотя и не связываются друг с другом, укладываются в рамки вопросно-ответной формы.

Логико-смысловые связи в структуре этого диалога обрываются. Диалог насыщен необоснованным использованием заимствованной терминологии, ср.: *кворум, пленарный, перманентно, индустрия*, но именно она и несет основную экспрессивную и коммуникативную нагрузку. Наблюдается противоречивость оценок, противоположность разных смыслов, которые вкладывают в эти термины собеседники. Получается нечто вроде комического недоразумения. Участники диалога употребляют термины непонятные им, но делают вид, якобы все знают. Совершенно очевидно, что нелогичность в данном случае выступает как экспрессивный прием.

Структурно-стилистические особенности рассматриваемого текста обусловлены интенцией автора, которому важно было передать с помощью языковых средств некую коммуникативную модель, в которой происходит чередование реплик, причем с сильной их деформацией.

Исходное положение об умном разговоре превращается в свою противоположность, хотя текст для читателя не теряет своей когерентности,

связности и цельности. Смысловая цельность нарушается для участников диалога.

Диалог представляет собой развертывание первоначального тезиса, но скоро выясняется, что он превращается в антитезис.

Экспрессию текста создают отклонения от нормы, т.е. она строится на нарушении нормативного употребления терминов и, тем самым, на нарушении линейных логических связей.

Сталкиваемся с усложненной композицией, отличающейся от стандартной речи, от обычного изложения. Композиция диалога запутанная, сложная, что вызвано речевым поведением собеседников, т.е. их неумением строить речь, понятно выражать свои мысли. Но усложняя композицию, автор стремится увеличить эффект воздействия речью на читателя. Ведь и этот текст, как и любой другой, задан писателем в расчете на читателя.

На выходе текста тезис о разумном разговоре окончательно разрушается.

Художественный эффект достигается неэмоциональными речевыми средствами. Именно в них сосредоточен собственно экспрессивный потенциал диалогической речи. Специфика текста создается как языковыми средствами, так и общей конструктивной схемой диалога. Как ни парадоксально, но эта схема обеспечивает структурную и смысловую целостность текста.

Логический тип изложения нарушается посредством включения в диалог неожиданных терминов, что усиливает речевой контраст. Он обусловлен серией экзотических выражений, ср.: *сильно пленарное* (о собрании), *минимально по существу дня*, *вступить на точку зрения*, *подсекция заварится минимально* и другие. Карикатурность подобного типа усиливает одно уточнение, ср. *конкретно фактически*.

Рассматриваемый текст интересен способом передачи разговора героев. Каждый из них сыграл свою роль. Стиль реплик обоих коммуникантов ничем не отличается. Почти не связанные между собой реплики усложняют синтаксис, в котором обрываются причинно-следственные связи. Вопросно-ответная структура диалога по существу лишена ожидаемой логической информативности для его участников.

Текст скрепляет ремарка *Трудно, товарищи, говорить по-русски!* Важным структурным элементом рассказа является и ремарка в самом начале *Трудный это русский язык, дорогие граждане!* Ремарка в целом выделяется на фоне представленного диалога. Она усиливает экспрессивность и художественную выразительность повествования.

В стилевой организации диалогической речи значительную роль играет тоже разговорная лексика и фразеология, ср.: в вопросных конструкциях *это заседание пленарное будет али как?* вместо *или как?*; *Это кто ж там такой вышедши?* вместо *вышел*; *оттуда* вместо *отсюда*, *допускаю* вместо *допускаю*.

Языковая коммуникация нуждается в грамматической согласованности лексических единиц и их смыслов, т.е. в логике изложения. Несоблюдение этого требования может привлечь к семантическому срыву и непониманию. Зощенко воспроизводит речевое поведение своих героев, которое неоднократно противоречит всякой логике. Писатель тем самым отражает языковую стихию послереволюционного времени. Ср. с этой точки зрения выступление товарища Фиолетова в защиту женщин, продемонстрированное в рассказе *Светлый гений*:

– Гражданки! Вы которые эти белые рабыни плиты и тому подобное. И которые деспот муж элемент несознательно относится. И кухня которая эта и тому подобное. Шитье одними словом. Довольно этих про этих цепей. Полное раскрепощение, к свету нога об руку и техникой. (1, 267)

Такое обращение к женщинам товарища Фиолетова лишено семантической связности. Оно, казалось бы, противоречит элементарным нормам коммуникации, однако публика была довольна его речью:

Несколько женщин бросились на оратора [...] и принялись качать, неловко подбрасывая фиолетовское тело под самую электрическую люстру. [...] восторженные гражданки [...] наперерыв жали ему руки, восхищаясь симпатичной его речью. Какая-то немолодая гражданка [...] робко сказала: – Вы этот, как его, *светлый гений человечества в окне женичины*. (1, 267)

Приведенная сценка с речевым поведением на уровне адресант и его адресаты расценивается как карикатурная. Однако она содержит в себе глубокий подтекст тех отношений, которые – хотя и представлены в гиперболизированной форме – складывались в послереволюционный период.

У Зощенко данный прием определяет стилистику ряда текстов, которые построены на ломке логических законов, что приводит к срыву элементарных правил коммуникации. Показательна в этом отношении следующая выдержка из рассказа *Агитатор*, в котором сторож авиационной школы во время летнего отдыха стал агитировать жителей деревни к пожертвованиям на развитие авиации:

– Так вот, этого... – сказал Косоносов, – авиация, товарищи крестьяне... Как вы есть народ, конечно, темный, то, этого, про политику скажу... Тут, скажем, Германия, а тут Китай. Тут Россия, а тут... вообще...

– Это ты про что, милый? – не поняли мужички.

– Про что? – обиделся Косоносов. – Про авиацию я. Развивается, этого, авиация... Тут Россия, а тут Китай.

Мужички слушали мрачно.

– Не задёжживай! – крикнул кто-то сзади.

– Я не задёжживаю, – сказал Косоносов. – Я про авиацию... Развивается, товарищи крестьяне. Ничего не скажу против. Что есть, то есть. Не спорю... (1, 158)

В дальнейшем Косоносов агитирует примерно в такой же стилистике, что приводит к противоположным результатам, т.е. дезориентированная публика не стала больше слушать оратора и просто разошлась.

Административно-бюрократический облик языка советских времен весьма образно отражен в комедии *Парусиновый портфель*. Остановимся на одном из сюжетов: в кабинете директора Баркасова проходит производственное совещание. Директор представляет отчет и докладывает о достигнутых результатах за последние месяцы:

В январе текущего тысяча девятьсот тридцать шестого года мы уже имели сто два процента плана. Год назад мы были бы довольны достигнутым. Но теперь внешняя обстановка такова, что мы не можем почить на лаврах. И поэтому шаг за шагом движемся вперед... В феврале мы имели сто четыре процента плана, в марте – сто шесть и, наконец, в апреле – сто десять. Эти показатели дают нам великую надежду на дальнейший успех. (2/2, 321)⁴

Это типично канцелярское, шаблонное и в то же время когерентное выступление, в котором повествуется о росте производительности труда. Однако эта деловая картина сразу меняется, когда слово попросил его заместитель Тятин:

Товарищи! Я взял, понимаете ли, слово для того, чтобы подвести итоги нашей полугодовой работе... Товарищи! Что мы видим в данном отрез-

⁴ Здесь и в дальнейшем при таком описании первая цифра указывает на двухтомное издание, за косой линией указан соответствующий том и страница. См.: М. Зощенко, *Избранное в 2-х т.*, Минск 1983.

ке времени? В данном отрезке времени мы, так сказать, наглядно или, проще сказать, воочию видим достаточно, в сущности, яркие показатели. Показатели, которые с полной очевидностью сигнализируют нам, иными словами, дают нам знать, поясняют нам – каковы сами по себе эти показатели как таковые. И как таковые они сами по себе указывают нам, каковы результаты нашей полугодовой работы. И мы, учитывая данные показатели... (2/2, 321)

Тут и вмешался Баркасов, сделав замечание:

Иван Силыч, да говори ты нормальным человеческим языком! (2/2, 321)

Затем директор и его заместитель обменялись следующими репликами:

Т я т и н. А я как же говорю?

Б а р к а с о в. А ты какую-то потустороннюю речь загибаешь. Говори проще, без ораторского нажима.

Т я т и н (*расстроившись*). Нет, Алексей Гаврилыч, без ораторского нажима у меня не выйдет. Ведь если говорить проще, так и говорить, понимаешь, не о чем. Сто десять процентов плана. Что же я могу добавить к этой цифре, которая и без того поясняет картину? (2/2, 322)

Выступление Тятинина лишено какой-либо новой информации, а поэтому теряет смысл. Оно представляет собой набор пустых фраз. Повторяются уже известные факты с теми же выражениями и формулировками, которые вместо уточнений и дополнений «размывают» уже полученную информацию о достижениях предприятия.

Таким же образом «снимается» целесообразность различных мероприятий, в том числе и то, о котором повествуется в фельетоне *В пушкинские дни*. Жители коммунального дома по случаю юбилейной даты решили почтить память Пушкина, отметить столетие кончины поэта двумя выступлениями. Однако первое из них, вместо торжественной речи, сводится к критическим замечаниям в адрес бухгалтера Цаплина. Слушатели напоминают оратору цель встречи, но получили следующий ответ:

А я про Пушкина и говорю, а не про Лермонтова. Стихи Пушкина, я говорю, вызывают удивление. Каждая строчка популярна. Которые и не читали, и те его знают. (2, 417)

Вторая юбилейная речь также расходится с основной темой, поскольку докладчик упоминает о своих родственниках, или о других авторах:

Что же касается Гоголя и Тургенева, то их могли нянчить все мои родственники, поскольку еще меньше времени отделяло тех от других. Вообще я так скажу: дети – украшение нашей жизни, и счастливое детство – это, как говорится, очень и очень немаловажная проблема, разрешенная в наши дни. Детские ясли, очаги, комнаты матери и ребенка на вокзалах – все это суть достойные признаки одного и того же дела... Да, так про что же я? (2, 414)

Кто-то из слушателей напоминает тему и докладчик продолжает:

Ах да... Вот я и говорю – Пушкин... Столетняя дата. А там, глядишь, вскоре ударят и другие славные юбилеи – Тургенев, Лермонтов, Толстой, Майков и так далее, и так далее. И пойдет чесать. (2, 419)

Выступления совершенно не связаны с ожиданиями их слушателей. Они противоречат основному замыслу, представляя собой произвольный набор каких-то фраз и сравнений.

Вопрос пустословия и отсутствия компетенции затрагивается также в фельетоне *Поучительная история*. Его герой это совершенный дилетант, который в течение двадцати лет занимал разные весьма престижные должности (возглавлял даже местком, был председателем правления и т.д.), не имея на то малейшей подготовки и специального образования. Отличался зато речами на собраниях:

Тут он, как говорится, парил как бог в небесах. Он загибал разные речи, произносил слова, афоризмы, лозунги. Каждое собрание он открывал вступительной речью о том о сем. И все думали, что без него мир к черту перевернется. Все его речи, конечно, стенографировались для потомства. (2, 431)

Накануне двадцатилетнего юбилея, после его выступления на собрании слово взял вагоновожатый:

– Тут мы сейчас слышали убедительную речь тов. Ч. Хотелось бы его спросить: ну и что он этим хотел сказать? Двадцать лет мы слышим его тенор: ах, рабочие, ах, труд, ах, пятое-десятое... А позвольте его спросить: что представляет из себя этот Ч. на нашем участке работы? Что он – техник, инженер, или он оперный артист, присланный к нам сюда для интереса? Или что-нибудь он умеет делать? В том-то и дело, что *он ничего не умеет делать. Он только произносит голые речи.* (2, 432)

На эту критику последовал следующий ответ:

– Собственно говоря, что вы на меня взъелись? Я-то тут при чем? Это вы меня выдвигали. А я этому не переставал удивляться... Я с самого начала говорил, что я ни уха ни рыла не понимаю в вашем деле. (2, 433)

Любопытно то, что этот деятель пользовался многолетним доверием своих избирателей. Он переизбирался, видимо, по инерции как заслуженный деятель, хотя никаких заслуг и положительных результатов на его счету и не было.

У Зощенко многие тексты, а в них стилистические приемы, построены на нарушении логических законов. Его рассказчик часто пользуется обобщениями, банальной фразеологией и формулировками, лишенными содержания (см. также рассказы и фельетоны: *Честный гражданин*, *Испытание героев*, *Поминки*, *Происшествие на Олимпе*). Писатель сталкивает с собой контрастные понятия и образы. Цепная логико-смысловая связь часто деформируется а иной раз полностью обрывается.

Источники

Зощенко М., *Собрание сочинений в 3-х т.*, Ленинград 1986–1987.

Зощенко М., *Избранное в 2-х т.*, Минск 1983.

Библиография

Барт Р. (1978), *Лингвистика текста*, [в:] *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. 8, Москва, с. 442–449.

Гиндин С.И. (1981), *Что такое текст и лингвистика текста*, [в:] *Аспекты изучения текста*, Москва, с. 25–32.

Гальперин И.Р. (1981), *Текст как объект лингвистического исследования*, Москва.

Дымарский М.Я. (2006), *Проблемы текстообразования и художественный текст. На материале русской прозы XIX–XX веков*, Москва.

Колшанский Г.В. (1980), *Контекстная семантика*, Москва.

Кривоносов А.Т. (1986), «Лингвистика текста» и исследование взаимоотношения языка и мышления, «Вопросы языкознания», № 6, с. 23–37.

Лосева Л.М. (1980), *Как строится текст*, Москва.

Николаева Т.М. (1977), *Лингвистика текста и проблемы общей лингвистики*, «Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.», т. 36, № 4, с. 304–313.

Одинцов В.В. (1980), *Стилистика текста*, Москва.

Чиркова Н.И. (1993), *Аспекты лингвистического изучения текста. Методические рекомендации к спецкурсу*, Ижевск.

- Beaugrande R.-A., Dressler W. (1990), *Wstęp do lingwistyki tekstu*, tłum. A. Szwedek, Warszawa.
- Brinker K. (1972), *Textlinguistik. Zum Forschungsstand einer neuen linguistischen Teildisziplin*, [в:] *Gegenwartssprache und Gesellschaft*, Dusseldorf.
- Harweg R. (1968), *Textologische Analyse einer Zeitungsnachricht*, „Replik“, Nr. 2.
- Jelitte H. (1984), *Sowjetische Textlinguistik*, [в:] *Handbuch des Russisten*, Hrsg. Von H. Jachnow, Wiesbaden, c. 280–309.
- Kurcz I. (1992), *Język a psychologia. Podstawy psycholingwistyki*, Warszawa.
- Pfütze M. (1970), *Grundgedanken zu einer funktionalen Textlinguistik*, [в:] *Textlinguistik I*, Dresden.
- Wierzbński J. (1999), *Stylistyczny fenomen języka artystycznego Michała Zoszczenki*, Łódź.

ГЛАВА IV

РЕЧЕВАЯ СТИХИЯ ВРЕМЕНИ: РАЗЛИЧНЫЕ ДЕФОРМАЦИИ И ОТКЛОНЕНИЯ

Язык художественных текстов Михаила Зощенко находится в тесной зависимости от эпохи, в которой писателю пришлось заниматься литературной деятельностью. Словесная организация его произведений обусловлена, следовательно, рядом исторических предпосылок и других экстралингвистических факторов, существенных для послереволюционного периода.

После революции люди оказались в совершенно новых условиях. Сам писатель подчеркивал, что «Старой России нет... передо мной – новый мир, новые люди, новая речь» (цит. за: Ершов 1973: 6).

Внутренняя ситуация России во многом осложнилась. Революция не преодолела общественных конфликтов, а социальные контрасты скорее усилились. Многие с трудом находили свое место, поскольку трудно было разобраться в новой обстановке. Зощенковский герой и повествователь прямое свидетельство этих сложных исторических процессов.

В поисках духовного и нравственного перерождения человека Зощенко осуждал и обличал различные искривления и пороки в послереволюционной жизни России. Писатель избрал для этого краткую форму повествования – новеллу, рассказ, зарисовку, юмореску. В центре его рассказов оказывается преимущественно простой и малокультурный мещанин, обыкновенный „маленький” человек, который живет по-старому и еще не привык к тому, чтобы самостоятельно принимать решение и действовать. Мещанин того времени это

[...] злобствующий обыватель, согнанный с насиженной лежанки, думать не умел, трудиться не желал, в коммунизм не верил. Главной его задачей было – маскироваться и ждать [...] Пройдохи разного калибра рядились в рабочие блузы, толкали революционные речи, старались дойти в доверие к новой власти. (Антонов 1984: 210)

Тот же мещанин старался всячески приспособиться к окружающей действительности. Общественно-политические преобразования повлекли за собой изменения в отношениях между людьми, что привело к из-

менениям в области языка. Данное стремление нашло свое отражение также в речи зощенковских героев.

Специфика зощенковского слога в этой области находит отражение, в частности, в работах Томашевского (1986, 1992), Синявского (1989), Рубена (2001), Захариевой (1989), Крепса (1986), Дравича (Drawicz 1985), Мухы (Mucha 1985), Пююккё (Pyukkö 1993), Грау (Grau 1986) и др. Этой проблематике посвящается также настоящий раздел, дополняющий имеющиеся в литературе сведения по вопросу словоупотребления в текстах писателя и развивающий отдельные положения о стилеобразующих факторах в его творчестве.

В произведениях Зощенко рядом с фактами нормативными сосуществуют явления, которые далеки от литературных стандартов. Его тексты отражают разговорный язык, который, как и живое общение, отличается во многом от нормализованной и литературно складной, обработанной речи.

В сочинениях писателя, кроме обиходных фраз, просторечных и областных слов, демонстрируются также различные деформации и отклонения от языкового регламента, которые прослеживаются на всех уровнях языка – фонологическом, морфологическом, грамматическом, лексико-семантическом и стилистическом. Нелитературные лексические единицы и неправильные грамматические формы засвидетельствованы в следующих примерах:

(1) – [...] Деньги *требоваешь* за проезд. С родного дядю? Ты не махай на меня руками. Хотя ты мне и родной родственник, но я твоих рук не *испужался*. (1, 240)¹

(2) – Довольно свинство с вашей стороны. Которые без денег – не *ездют* с дамами. (1, 173)

(3) – Приходите, говорю, Катюша, ко мне на квартиру. У печки, говорю, посидим. После *фильму* пойдем посмотрим. (1, 287)

(4) [...] она, с перепугу, что ли, дверь поскорее хлопнула и руку мне прищемила по локоть. Я ору благим матом и кручусь перед дверью, а *ихняя пудель* заливается *изнутри*. Даже до слез обидно. О чем имею врачебную записку, и, *окромя* того, кровь и *теперь текетъ*, если, например, ежедневно сдирать болячки. (1, 162)

¹ Примеры приводятся с указанием на том и страницу по изданию: М. Зощенко, *Собрание сочинений в 3-х т.*, Ленинград 1986–1987. (Курсив в цитатах наш. – Я.В.)

(5) – С чего бы, говорю, вам некогда? Какие, *извините за сравнение*, дела-то у вас? А парнишечка, дитя природы, отвечает басом: – Стареть начнешь, коли знать будешь много. Вот, думаю, *какая парнишечка попалась*. (1, 297)

В контекстах проиллюстрированы различные нарушения языкового узу-са. В примерах (3), (4), (5) обращают внимание отклонения от родовой нормы, что сказывается естественно и на звуковом оформлении слов или целых выражений. Ошибочная родовая отнесенность деминутивного деривата *парнишечка* определяет выбор в примере (5) словоформ *какая* и *попалась* вместо корректных форм мужского рода *какой* и *попался*. Не лишне отметить, что выражение *извините за сравнение* в этом примере лишено смысла, поскольку ставится вопрос, а сравнение как таковое отсутствует; ничто здесь не поддается никакому сравнению.

Существительное *пудель* в примере (4) отнесено к женскому роду, на что указывает родовая разновидность просторечной формы притяжательного местоимения *ихняя*. Нормативная модель сочетаемости требует в данном случае отнесенности к мужскому роду. В примере (3) родовая принадлежность существительного *фильм* тоже противоречит нормативной парадигме склонения.

В примерах нарушаются флективные нормы языка. Деформация привычных окончаний прослеживается также в примерах (1), (2). Нарушаются фонологические закономерности образования ряда словоформ: *требоваешь* (1) вместо *требуешь*, *испужался* вместо *испугался*; *текеть* (4) вместо *течет*. Часть словоформ в примерах принадлежит к просторечным образованиям. Ср. с этой точки зрения возвратный глагол *испужался* (1), наречие *теперь* (4) и др.

Об отклонениях от языковой нормы свидетельствуют выпадения звуков или вставки, редукция фонем и/или замена одних звуков другими. Ср.:

(6) Так вот подошли мы к старичку. Позвали *фершала*. *Фершал* ранку осмотрел. (1, 52)

(7) – Палька, говорим, откройся, *ослобони* свою совесть. Чем ты, говорим, бродяга, кормишься? (1, 344)

(8) – [...] Я, говорю, хотя и безработный и питаюсь не ахти как, но говорю, спички есть. *Взойдите*. (1, 252–253)

В этих контекстах звуковые просчеты самоочевидны, но, к тому же, они по-разному сказываются на смыслах слов. В примерах (6), (7) они не меня-

ют узуальных значений, в то время как в примере (8) вместо *войдите* используется *взойдите* в данном значении, которое уже мало кем осознается ныне как устаревший и просторечный вариант для слова *войдите*. Лексема *взойти* семантизируется в современном русском языке следующим образом: 1. Идя, подняться куда-либо (взойти на гору); 2. Появиться, подняться над горизонтом (взошло солнце); 3. *Разг.* Вздываясь, подняться (взошло тело); 4. Проросши, показаться над поверхностью почвы (семена взошли); 5. В значении *войдите* с указанными выше стилистическими пометами.

Слова у Зощенко обрастают непривычными смыслами или же подвергаются переосмыслению. Часто они лишаются своего словарного смысла. Взять, к примеру, функционирование термина *аудиенция* в следующей конситуации: обеспокоенный вопросами прохожего ночной сторож, который караулит магазин (он между двух закрытых дверей), выражает свое недовольство по этому поводу:

(9) – [...] Налил мне водички и иди себе с богом. Только мне спать мешаешь. Трещишь как сорока. Тут сторож допил свою воду, вытер рот рукавом и закрыл глаза, желая этим показать, что *аудиенция* закончена. (2, 451)

Заемствованное слово *аудиенция* (от лат. *audientia* – слушание) по словарям обозначает официальный прием у лица, занимающего высокий государственный пост.

Иноязычная лексика, которой так охотно пользуется зощенковский повествователь, теряет свои смыслы. Такие слова часто применяются им в самых неожиданных контекстах и вопреки закреплённой за ними семантике. Они используются нередко также в извращенной форме. В качестве речевых средств в произведениях Зощенко вполне справедливо называется «прием обесмысливания иноязычных слов» (Рууккё 1993: 123).

Неизменяемые по падежам и числам слова в речи зощенковских персонажей неоднократно подвергаются изменениям. Несклоняемое существительное *пальто* приобретает падежные окончания как в единственном, так и в множественном числе, причем отдельным формам могут сопутствовать некоторые другие звуковые деформации. Ср.:

(10) Хорошо. Надеваю эти штаны, иду за *пальтом*. Пальто не выдают – номерок требуют. [...] Вербка тут, на ноге, а бумажки нет. Смылась бумажка. (1, 279)

(11) – По веревке, говорит, не выдаю. Это, говорит, каждый гражданин настрижет веревок – *польт* не напасешься. (1, 279)

Существительное *кофе* несклоняемое. Флективные изменения обнаруживаются для вариантов *кофей* и *кофий*, которые, однако, имеют устаревший и просторечный характер. Ср.:

(12) – [...] Не будь его [телеграфиста], я бы, Машка, вчера еще с Домной Павловой *кофей* бы пил... (2, 20)

(13) А Авдотья Петровна выкушала два стакана *кофея*, кроме съеденных булок [...] (1, 209)

(14) – [...] Так ты бы его к столу пригласил. Сказал бы: вот, мол, Домна Павловна *кофею* просит выкушать... (2, 24)

Нарушения в области синтаксиса могут быть проиллюстрированы употреблением предлога *в* (*во*):

(15) Он [врач] послушал через трубку мое утомленное сердце и говорит: – Небось высокогато живете? *В пятом* или *в шестом этаже*? Эвон как сердце трепыхается. – Нет, говорю, живу *во втором этаже*. (2, 440)

(16) Все жильцы, и я в том числе, сожалели, что кантора у нас находится не *в седьмом этаже*, а *в первом*. (2, 458)

Показательна в этом отношении также речь иностранца:

(17) Но что касается восьми часов, то в восемь часов, любезный коллега, мы уже *идем в концерт*. (2, 408)

Среди речевых средств, к которым прибегает Зощенко, особую стилистическую активность обнаруживают выражения, в которых соединяются семантически несовместимые понятия. Создаются, таким образом, словесные единства, которые противоречат устоявшимся связям слов. Ср.:

(18) Одна симферопольская жительница, зубной врач О., *вдова по происхождению*, решила выйти замуж. (3, 206)

Основное словарное значение лексемы *происхождение* касается принадлежности человека по рождению к какой-либо нации, классу, словию. По рождению можно быть, к примеру, крестьянином, рабочим, а также русским, поляком, венгром и т.д. Обычно это слово определяет социальное происхождение, т.е. принадлежность людей к данным слоям

в обществе, но никак оно не ассоциируется со статусом вдовы. Вдовой оказывается женщина после смерти мужа, а не от, предположим, классовой принадлежности. Фраза *вдова по происхождению* совершенно нелепа по смыслу.

(19) – [...] товарищ докторша, рубашку переменял, а другое, извиняюсь, не трогал. Вы, говорит, на них [ноги] не обращайтесь внимания во время операции. Докторша, *утомленная высшим образованием*, говорит: – Ну, валяй скорей. Время дорого. (1, 399)

Причина такой утомленности вызывает по крайней мере недоумение. Утомленным человек становится, скажем, от интенсивной деятельности, сопровождающейся большим напряжением, от усиленной умственной и/или физической работы. Испытывать усталость по поводу высшего образования, т.е. из-за совокупности знаний, полученных когда-то в результате обучения в мединституте – настоящий абсурд.

(20) – Предлагается, – сказал городской товарищ, – *выставить кандидатуру лиц*. Михайло Бобров [...] сделал жест, приглашая немедленно *выставить кандидатуру лиц*. Общество молчало. (1, 273)

Между компонентами любого выражения должны соблюдаться семантико-грамматические отношения. В данном случае эти связи деформируются. Проявлением языковой нормы является синтаксическая структура *выставить чью-нибудь кандидатуру*, т.е. выдвинуть кого-то, предложить для обсуждения, для избрания куда-либо. За выражением *выставить кандидатуру* следует в узусе фамилия того, кто предполагается к избранию.

Показательны в речи зощенковских персонажей и такие смысловые и синтаксические ляпсусы:

(21) /Жена мужу:/ [...] я служить не буду. *Я не имею намерения в душевной канцелярии терять высокую квалификацию своей красоты и молодости*. (3, 246)

(22) /Инвалид Гаврилыч отвечает соседям:/ [...] не могу я теперича уйти. Мне, говорит, сейчас *всю амбицию в кровь разбили*. (1, 323)

Выделенные словесные конфигурации в примерах (21), (22) полностью извращают логичный ход рассуждений. Регламентированный способ выражения нарушает и такая конструкция:

(23) Ну, напишешь ему [больному]: душевная болезнь, и с этой диетой отпускаешь. (2, 241)

Речь идет о распознавании болезни, о диагнозе и это отождествляется с диетой, которая обозначает соблюдение определенного режима питания при различных заболеваниях.

Разумным умозаключениям противоречит также следующая иллюстрация:

(24) Конечно, ему чудные похороны закатали. Музыка играла траурные вальсы. (2, 339)

Сочетание *траурные вальсы* оксюморонного типа, т.е. в нем соединяются слова, которые взаимно исключаются. На похоронах исполняется, как правило, траурный марш, а не вальс, музыка которого выдержана в ритме плавного танца и в радостных тонах. Траурных вальсов не бывает, в то время как марши могут быть веселыми и печальными, мрачными.

Очень выразительны и такие смысловые несоответствия лексических единиц, которые являются по существу результатом „антонимической подмены” (определение Крепса 1986: 39). Ср.:

(25) И пес ее знает, откуда она [свинья] забрела. Но факт, что забрела и явно нарушает общественный беспорядок. (1, 506)

(26) – Глядите: больной, и еле он ходит, и чуть у него пар изо рта не идет от жара, а также, говорит, наводит на все самокритику. (2, 268)

Нарушать можно *общественный порядок*, а *наводить на все* – *критику*. Выбор словоформ *порядок* и *критику* определяется семантико-грамматическими свойствами соответствующих глагольных форм: *нарушать* и *наводить*. В речи зощенковских персонажей такие нормативные связи между словами, однако, обрываются за счет введения антонимичных слов. Из приведенных контекстов (25), (26) следует: в первом случае – нарушается то, что уже само по себе является отсутствием или нарушением порядка; во втором же получается, что больной критически относится к себе, вскрывает собственные ошибки, на самом деле герой критически относится к персоналу больницы, выявляя его недостатки по уходу за пациентами.

В ряде примеров прослеживаются случаи неуместной сочетаемости слов. Прилагательное *интеллигентный* употребляется обычно в сочета-

нии с одушевленными существительными, напр.: *интеллигентный ученик, человек* и т.д. Между тем данное определение встречается в ином окружении:

(27) Приносят, конечно, мне лимонаду на *интеллигентном подносе*. (1, 363)

Ср. также:

(28) И сам ученый агроном прищурил свои *ученые глаза* и велел мальчишкам отойти от тележки, чтобы видней было. (2, 11)

Прилагательное *ученые* в нормативной речи не сочетается с существительным *глаза*. Оно обычно употребляется в случае характеристики многознающего человека. Поэтому стандартное употребление это *умные глаза*. К тому же из рассказа следует, что образованность агронома значительно преувеличена.

Небезынтересно употребление в речи зощенковских героев глаголов:

(29) – [...] Я человек без высшего образования, *писать знаю* плохо. (1, 222)

Отмеченная сочетаемость глаголов противоречит грамматическим нормам.

Очередной алогизм основан на неправильном употреблении существительного *пикничок*. В словарном толковании оно обозначает загородную прогулку с закуской, совершаемую компанией. В рассказе же данное существительное употребляется совсем неуместно, поскольку рассказчик называет этим словом поминки, ср.:

(30) Тут недавно маляр Иван Антонович Блохин скончался по болезни, а вдова его, средних лет дамочка, Марья Васильевна Блохина, на сороковой день небольшой *пикничок* устроила. (1, 305)

Несопоставимость слов оксюморонного характера прослеживается в следующем примере:

(31) Час или два писал, вспотел, но написал: «Я здоров, и папаша *покойный здоров* во имя отца и святого духа. Дворник дома № 6. Андрон». (1, 223)

Значения рядом стоящих слов (*покойный здоров*) взаимоисключаются, их употребление указывает на нелепость ситуации, в которой оказались герои рассказа.

От любого текста ожидается, как правило, движение содержания, его развертывание, т.е. тема-рематическая прогрессия очередных сегментов. Речевые единицы в речевом потоке должны объединяться по смыслу. Коммуникативная последовательность высказываний нуждается также в соблюдении грамматических, логических, стилистических связей. Между тем, зощенковский герой достаточно регулярно объединяет слова произвольно, нарушая или полностью обрывая связи между единицами текста. Примером может послужить следующий фрагмент обращения чиновника к женщинам за их раскрепощение:

(32) – Гражданки! Вы которые эти белые рабыни плиты и тому подобное. И которые деспот муж элемент несознательно относится. И кухня которая эта и тому подобное. Шитье одним словом. Довольно этих про этих цепей. Полное раскрепощение, к свету нога об руку с наукой и техникой. (1, 267)

Из примеров явствует, что в зощенковских текстах весьма часты случаи нарушения регламентированного способа выражения, языкового узуса. Отступления от языкового узуса многоаспектны. Различные языковые деформации определяют особую сатирическую тональность текстов писателя. Они обнаруживаются в авторской речи, но отражены преимущественно в языке представителей различных социальных слоев. В речи его персонажей нарушается родовая отнесенность слов, не соблюдается языковое согласование или звучат неправильные грамматические формы, о чем свидетельствуют и такие примеры:

(33) /швейцар обращается к посетителю гостиницы:/ Напрасно будете заходить – *номерей* нету. (3, 325)

(34) /весовщик отправителю ящиков говорит:/ [...] у меня мало времени *возжаться* с вами. (3, 310)

(35) /из речи посетителя бани, который ищет шайку:/ Потянул я третью шайку, хотел, между прочим, ее себе взять, а гражданин *не выпускает*. (1, 278)

Итак, язык зощенковских текстов далек от литературных стандартов. В нем наблюдается постоянное нарушение закономерностей литературной речи. Отметим попутно, что примеры деформирования речи в целом направляют анализ не только в сторону безобидного пародирования неуклюжих выражений, что они воспроизводятся не только ради смеха. В них отчетливо проявляется социологическая наблюдатель-

ность писателя, который разоблачает различные отрицательные явления в языковой действительности.

Писателя неоднократно упрекали в том, что его язык предстает в искаженном виде, что речь впадает в карикатуру. Критика негодовала по поводу словесного оформления его текстов, нарушения логических связей и традиционных принципов построения фраз. Эти „искажения”, по всей вероятности, лишь отчасти можно отнести к языковой игре. В этом плане показательны высказывания самого Зощенко, который не соглашается с критическими замечаниями редактора журнала «Современник»:

[...] Ваши рассказы очень талантливы... Но согласитесь сами – это немножко шарж. – Это не шарж, – говорю я. – Ну, взять хотя бы язык... – Язык не шаржирован. Это синтаксис улицы... народа. Быть может, я немного утрировал, чтоб это было сатирично, чтоб это критиковало... (3, 507)

Язык произведений Зощенко характеризуется скрещиванием различных семантико-стилистических структур. В одном контексте совмещаются по существу несовместимые слова и выражения. Данный прием порождает ряд смысловых и стилистических сдвигов. Столкновение разных речевых структур приводит к особым трансформациям словарных смыслов. Наблюдается усложнение семантической структуры общеизвестной и зачастую нейтральной в словарном отношении лексики, которая в определенной конситуации приобретает неожиданные смысловые акценты, дополнительные коннотации (в том числе эмотивные и экспрессивные).

Формирование дополнительных оттенков смысла обнаруживается при окказиональном употреблении лексем, которое осуществляется в определенном лингвистическом и ситуативном окружении. Заданные смысловые приращения возникают на базе оформления текста как сложного структурно-семантического целого, они проецируются, по мере его движения.

Итак, язык зощенковских текстов не подражает литературной речи. Он не приспосабливается трафаретным образцам, а характеризуется нарушениями в области флективных парадигм и грамматической категории рода, отсутствием – в ряде случаев – логической последовательности и формальной гармонии между единицами текста, наличием необычных смысловых оттенков и переосмыслением слов. Ему свойственны особые сочетания и синтаксические построения, доведенные, иной раз, до абсурда. Критика не щадила в свое время писателя по поводу передачи столь

деформированной речи. В действительности же, Зощенко типизировал тот язык, на котором говорили широкие слои населения в послереволюционный период. Писатель «стремился зафиксировать многое из речевой стихии времени и комически это использовать» (Рууккё 1993: 122). Произведения Зощенко являются в этом отношении богатейшим воплощением языковой действительности во всем ее многообразии.

Источник

Зощенко М., *Собрание сочинений в 3-х т.*, Ленинград 1986–1987.

Библиография

- Антонов С.М. (1984), *М. Зощенко. Становление стиля*, «Литературная учеба», № 6, с. 203–213.
- Аулов А.М. (1998), *Рассказы М. Зощенко 20-х годов. Проблема жанра и стиля*, Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Москва.
- Вежбиньски Я. (1995), *Иноязычные вкрапления в русской художественной литературе (на материале произведений Михаила Зощенко)*, „Beiträge zur Slavistik“, Bd. 27: *Innerslavischer und slawisch-deutscher Sprachvergleich*, Н. Jelite, Т.Р. Troškina (Hrsg.), Frankfurt am Main–Berlin–Bern–New York–Paris–Wien, с. 241–253.
- Гуль Р. (1993), *Михаил Зощенко*, «Дружба народов», № 8, с. 201–203.
- Ершов Л.Ф. (1973), *Из истории советской сатиры*, Ленинград.
- Захариева И. (1989), *Рассказы Михаила Зощенко*, «Болгарская русистика», № 1, с. 9–19.
- Крепс М. (1986), *Техника комического у Зощенко*, Benson, Vermont.
- Молдавский Д. (1977), *Михаил Зощенко. Очерк творчества*, Ленинград.
- Рубен Б. (2001), *Алиби Михаила Зощенко*, Москва.
- Синявский А. (1989), *Мифы Михаила Зощенко*, «Вопросы литературы», № 2, с. 50–67.
- Томашевский Ю. (1986), *Рассказы и повести Михаила Зощенко*, [в:] М. Зощенко, *Собрание сочинений в трех томах*, т. 1, Ленинград, с. 5–24.
- Томашевский Ю. (1992), *Пятнадцать минут из жизни Музы*, «Столица», № 8, с. 61–62.
- Филимонова А.А. (1996), *Ритмико-звуковая и лексическая организация сатирической прозы М.М. Зощенко*, Борисоглебск.
- Drawicz A. (1985), *Moralista z powołania, humorysta mimo woli*, [в:] М. Zoszczenko, *Punkt widzenia. Opowiadania i powieści*, Warszawa, с. 529–540.

- Grau M. (1986), *Нарушения лексической, лексико-семантической и семантической сочетаемости в рассказах двадцатых годов М.М. Зощенко*, „Hamburger Beiträge für Russischlehrer“, Bd. 35, Hamburg, c. 67–79.
- Jackiewicz M. (1991), *Elementy grotesku w krótkich opowiadaniach Michaiła Zoszczenki*, [w:] *Małe formy w literaturze rosyjskiej. Słowo w tekście rosyjskim. Literaturoznawstwo*, Olsztyn, c. 97–105.
- Mucha W. (1985), *Opowiadania satyryczne i humorystyczne Michaiła Zoszczenki (1921–1932). Z zagadnień poetyki i komunikacji literackiej*, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź.
- Mucha W. (1991), *Zoszczenko w Polsce. O niektórych aspektach teorii i praktyki przekładu artystycznego*, [w:] *Przekład artystyczny*, t. 1: *Problemy teorii i krytyki. Prace Naukowe Uniwersytetu Śląskiego w Katowicach*, Nr 1146, Katowice, c. 110–119.
- Pyykkö R. (1993), *Отражение лексических изменений послереволюционного периода в рассказах Михаила Зощенко*, „Studia Slavica Finlandensia”, Tomus X, Helsinki, c. 119–131.
- Wierzbński J. (1995), *Język utworów Michaiła Zoszczenki w konfrontacji przekładowej*, „Slavia Orientalis”, nr 2, t. XLIV, c. 203–214.
- Wierzbński J. (1999), *Stylistyczny fenomen języka artystycznego Michaiła Zoszczenki*, Łódź.

ГЛАВА V

ЯЗЫКОВАЯ МИСТИФИКАЦИЯ, ИЛИ ИЛЛЮЗИЯ ИНОСТРАННОЙ РЕЧИ

Изучение особенностей языка и стиля, способов организации словесного материала в художественных текстах получило довольно широкое развитие (см., напр.: Бабенко, Казарин 2004; Борботько 2007; Григорьев 1983; Гиршман 2002; Демидова 1988; Иванчикова 1992; Шанский 1984; Червинский 1984; Язикова 1985; Михайлов 1987; Гореликова, Магомедова 1989; Маслова 2004; Носов 1989; Попов 1990; Попов 1991).

Особого внимания в этом плане заслуживает творчество Михаила Зощенко – величайшего русского прозаика XX в. И хотя своеобразие зощенковского слога неоднократно уже подвергалось анализу как в языковедческой, так и в литературоведческой литературе (см., напр.: Ардов 1992; Виноградов 1928; Жолнина 2007; Салагаев 1973; Ершов 1973; Колева 2013; Старков 1974; Чудакова 1979; Захариева 1989; Вежбински 1991; Drawicz 1985; Mucha 1985; Jackiewicz 1991; Kotkiewicz 2013), в ней есть еще немало лакун, которые ждут своего исследователя. В частности, совершенно не изучены иноязычные вкрапления, которым и посвящен данный раздел книги.

Прежде чем мы дадим им рабочее определение, остановимся коротко на общей характеристике словаря и синтаксиса произведений этого писателя, ибо с учетом этого фона понятнее станет зощенковская манера использования данного языкового средства. Зощенковский словарь функционально-стилистически размежеван и богат словами, получившими переосмысление в речевой структуре произведений писателя. Они поворачиваются в ней различными оттенками смысла. «Слово у Зощенко, – замечает Андрей Синявский по поводу *Сентиментальных повестей*, – идет впереди сюжета и управляет сюжетом, который затем реализует это слово» (Синявский 1989: 51). Такого же взгляда придерживается Дмитрий Молдавский. Рассматривая *Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова*, он отмечает, что в них «Смысловая нагрузка легла не на фабулу, а на язык героя, своеобразный и претенциозный» (Молдавский 1977: 9). В контексте таких обобщающих и итоговых формулировок важным представляется также наблюдение Анджея Дравича, который усматривает самобытность зощенковского слога преимущественно на двух уровнях – семантическом и синтаксическом (Drawicz 1974: 63).

В структуре зощенковских текстов постоянно наблюдается нарушение закономерностей литературной речи. Различные языковые деформации прослеживаются в них на всех ярусах – фонологическом, морфологическом, лексико-семантическом и синтаксическом. Смысловую несообразность и синтаксическую неслаженность передают различные контексты, которые продемонстрированы с различных точек зрения в этой книге.

Многие синтаксические конструкции противоречат традиционным принципам сочетаемости слов и построения фраз. В речи зощенковского повествователя в одном синтагматическом ряду совмещаются по существу несовместимые понятия.

Языковые искривления в речи зощенковских героев смешат и обличают одновременно. Сатира писателя направлена на различные пороки в общественной жизни России послереволюционного периода. Она распространяется и на языковую действительность. Особое место здесь отводится неправомерному использованию иноязычных вкраплений, под которыми понимаются лексемы, выражения и предложения чужого языка.

Иноязычные вкрапления достаточно регулярно вовлекаются в языковую ткань текстов писателя, выполняя в них различные функции. С их помощью достигается не только социально-психологическая характеристика персонажей, но и различные языковые эффекты. Вкрапления – в отличие от заимствований, которые в словарной системе русского языка образуют значительный слой лексики¹ и употребляются в различных стилях языка, – функционируют в основном в рамках индивидуальной речи литературных героев.

Языковое поведение зощенковского повествователя своеобразно и неповторимо. Для достижения определенной цели он может решиться на самые неожиданные и непредсказуемые действия, в случае необходимости может схитрить, прибегая даже к иностранной речи. Таким он, например, предстает в заключительном рассказе *История с переодеванием* из третьего раздела *Коварство в Голубой книге*.

Семантико-синтаксическое поле данного рассказа сфокусировано в диалоге с элементами монологической речи посетителя гостиницы

¹ *Словарь иностранных слов*, изд. 7-е, перераб., Москва 1980 (сокр. СИС) включает около 19 тыс. заимствований. Лексемы иноязычного происхождения пополняют словарный состав любого заимствующего языка. Ср., к примеру, для польского языка: *Słownik wyrazów obcych*, Warszawa 1980 включает около 27 тыс. словарных статей. См. также: Kania, Tokarski 1984: 139–146.

и портье. Гость пытается реализовать свое намерение с помощью соответствующих внешних атрибутов:

[...] выворачиваю наизнанку свое резиновое международное пальто с клетчатой подкладкой, напяливаю кепку на нос, покупаю сигару и ее закуриваю и вот в таком неестественном виде со своим экспортным чемоданом вламываюсь снова в эту гостиницу (3, 325)²,

при котором речевому поведению отведена решающая роль. В связи с этим он начинает свою речь именно с иноязычного вкрапления, которое должно сигнализировать о его статусе интуриста:

– *Ейн шамбер-циммер*, говорю, *яволь*?

Портье говорит: – Батюшки-светы, никак иностранец к нам приперся. И сам отвечает тоже ломаным языком:

– *Яволь, яволь*. Она, *шамбер-циммер*, безусловно *яволь*. *Битте-дритте*, сию минуту. Сейчас выберу номер, какой получше и где поменьше клопов. (3, 325)

И дальше:

Портье, любитель поговорить на иностранном языке, спрашивает:

– *Пардон*, говорит, господин, извиняюсь. *Ву зет* Германия, *одер*, может быть, что-нибудь другое?..

«Черт побери, думаю, а вдруг он, холера, по-немецки кумекает? И сейчас на этом языке разговорится».

– Но говорю, *их бин ейне шамбер-циммер* Испания. *Компрене?* Испания. Падеспань. (3, 325–326)

На такое заявление портье отреагировал следующим образом:

– Батюшки-светы, говорит, никак к нам испанца занесло. Сию минуту, говорит. Как же, как же, говорит, знаю, слышал – Испания, падеспань. (3, 326)

И последовал ответ посетителя:

– *Яволь*, говорю, *битте-цурбитте*. Несите, говорю, поскорей чемодан в мою номерулю. А после, говорю, мы поговорим, разберемся что к чему.

² Здесь и далее цит. по изданию: М. Зощенко, *Собрание сочинений в трех томах*, Ленинград 1986–1987. Первая цифра в скобках обозначает том, вторая – страницу. Курсив везде наш – Я.В.

– *Яволь, яволь*; – отвечает портье; – не беспокойтесь.

А у самого, видать, коммерческая линия перевешивает.

– Платить-то как, говорит, будете? Инвалют *одер* все-таки неужели нашими? (3, 326)

Что эксплицировано в приведенном тексте?

Коммуниканты не владеют иностранными языками даже на начальном этапе обучения немецкому, французскому или испанскому языку. В речи участников диалога осуществляется своеобразная мистификация путем создания иллюзии свободного собеседования на языке, который воспринимается ими как иностранный. Участники разговора, каждый по-своему, разыгрывают забавную сценку. Их усилия на использование иностранной речи смешны. Диалог выдержан в юмористическом ключе, делая конситуацию в целом комичной.

Портье „знаком” с иностранными языками весьма поверхностно, скорее всего на основе слышанного. Ему известны отдельные элементы западных языков, усвоенные им, видимо, механически в гостинице за счет вербальных контактов с иностранцами, которые там останавливаются. „Интурист” пользуется иностранной речью в равной мере неудачно, что и портье – „любитель поговорить на иностранном языке”.

Итак, причудливым совмещением русской и „чужой” речи Зоценко достигает особого комического контраста. В квазиинностранной речи содержится множество языковых искривлений, несладких и нелепостей, однако зоценковским героям иной раз выгодно оказаться в роли иностранца.

Речь участников диалога представляет собой смесь русских и чужеродных элементов. В диалоге, предполагавшем обмен фразами на иностранном языке, преобладают русские слова и выражения, причем разговорного и просторечного характера (*батюшки-светы, приперся, кумекает, испанца занесло, в мою номерулю, черт побери, холера*). Вовлекаются также иноязычные вкрапления, восходящие к немецкому и французскому языкам. Заметим кстати, что все они имеют русский графический облик. Характерно, что чужая лексика вводится участниками диалога совершенно произвольно. Ее синтагматическое оформление говорит о том, что герой мыслит на русском языке, что и прорывается в его речи.

Рядом располагаются слова (франц. *chambre*, нем. *Zimmer*), обозначающие одно и то же понятие *комната*. Диалог демонстрирует словесные объединения, которые доведены до смыслового абсурда. Таким является созвучное сочетание глагола с порядковым числительным, где нем. *bitte-dritte* переводится буквально *пожалуйста-третий*. Одинаково бессмыс-

ленным является соседство нем. *ich bin* с остальной частью предложения, в которой наслаивается уже отмеченное чередование французского и немецкого слов, выражающих смысловое тождество: *eine chambre-Zimmer Испания*. Подобного типа смещение иноязычных компонентов, порождающее межъязыковую тавтологию, составляет одну из отличительных особенностей слога зошненковских героев. Ср. с этой точки зрения перформативное высказывание с глаголами, обозначающими в разных языках идентичное действие: франц. *pardon* и русск. *извиняюсь*.

Многие конструкции рассматриваемого диалога функционируют в искаженном виде. Различные соединения слов лишены семантических связей. В этом убеждает и образование *bitte-zurbitte*, или же вопросительная конструкция с начальным французским вкраплением: *Vous êtes Германия, oder [...]*?. Совмещением элементов, свойственных различным языковым системам, создается в тексте неповторимая словесная конфигурация.

Обращает на себя внимание и тот факт, что участники диалога „пользуются” немецким и французским языком, хотя в разговоре выясняется, это гость является „испанцем”. Сама диалогическая речь предваряется следующим юмористическим рассуждением портье:

– Знаете, я прямо удивляюсь на современную публику. Как пароход приходит так все непременно к нам. Как будто у нас тут гостиница. Ну – гостиница. Но номеров у нас нет. Переполнение. (3, 325).

„Номерный вопрос” выясняется в заключительной части рассказа, которой предшествует эпизод, разоблачающий гостя. Подлинный его статус обнаруживается в момент перемещения чемодана, который

[...] при плохом замке раскрывается. Раскрывается мой чемодан, и, конечно оттуда вываливается, прямо скажем, разная дрянь. Ну там, бельишко залапанное, полукальсоны, мыльце «Кил» и прочая отечественная чертовщина. (3, 326)

В рассказе переплетаются две разновидности комизма – языковой и ситуативный. Второй создает своеобразный фон, демонстрирующий несообразность диалогической речи с иноязычными вкраплениями, которые „отобраны” собеседниками.

Указанный тип комизма использован также в рассказе *Западня*. В нем повествователь ссылается на сообщение знакомого поэта, вернувшегося после зарубежной поездки. Оно касается двух эпизодов. Первый связан с герцогиней и происходит в ресторане:

Заказывает она себе *инельклопс* и в разговоре говорит: – Да, знаете, я уже, пожалуй, неделю мясного не кушала.

Ну, поэт кое-как по-французски и по-русски ей отвечает, дескать, помилуйте, у вас *а ла мезон* столько домов, врете, дескать, наворачиваете, приbedня-етесь, тень наводите.

Она говорит: – Знаете, уже полгода, как жильцы с этих домов мне квартплату не вносят. У населения денег нет. (2, 234)

Второй эпизод касается лично поэта, который оказался в туалете:

Просто так, для смеху. Заглянул – верно ли есть отличие, – как у них и у нас. [...] А после, напевая последний немецкий фокстротик «*Ауфвидерзейн, мадам*», хочет уйти на улицу. (2, 235)

Герой не знает, что дверь открывается там механически лишь после спуска воды.

Начал легонько стучать. Никто не подходит. Начал бить ногой в дверь. Слышит – собирается народ. Подходят немцы. Лопочут на своем диалекте. Поэт говорит: – Отпустите на волю, сделайте милость. Немцы чего-то шушукуются, но видать, не понимают всей остроты ситуации.

Поэт говорит: – *Геноссе, геноссе, дер тюр*, сволочь, никак не открывается. *Компренешен*. Будьте любезны, отпустите на волю. Два часа сижу.

Немцы говорят: – *Шпрехен зи дейч?*

Тут поэт прямо взмолился: – *Дер тюр*, говорит, *дер тюр* отворите. А ну вас к лешему!

Вдруг за дверью русский голос раздается: – Вы, говорит, чего там? Дверь, что ли, не можете открыть?

– Ну да, говорит. Второй час бьюсь (2, 236).

В приведенном фрагменте текста иностранные слова и фразы изобилуют различными искажениями. Особенно пародийны здесь контаминированные немецко-французские построения. Столкновение в синтагматическом ряду элементов нескольких языков (гибридизация) порождает смысловые несоответствия и синтаксические противоречия.

В зощенковских текстах преобладают иноязычные вкрапления в виде отдельных слов и/или выражений. Такое функционирование вкраплений прослеживается в рассказах: *Отхожий промысел*, *Китайская церемония*,

Обезьяний язык, Баня, Качество продукции, Мадонна, Старуха Врангель, Жертва революции, Иностранцы, Веселая жизнь и ряде других.

Вкрапления встречаются в речи героев-иностранцев и русских – представителей различных групп и слоев общества. Это может быть генерал:

Ну, *машер, машер*, приехали. Вот взгляните. Кисловодск. Кругом восхитительные места, кавказская природа, [...]. (1, 77);

актер: – *Ентре*, Машенка, [...]. *Ентре*, пожалуйста. (1, 101);

граф или графиня: Увидела она меня и говорит сквозь слезы: – Ах, говорит, Ефим, *комси-комса*, не вы ли сперли мои дамские часики, девяносто шестой пробы, обсыпанные брильянтами?

И дальше: Нет, говорит, не иначе как вы сперли, *комси-комса*. (1, 169)

Иноязычные вкрапления передаются в произведениях писателя неоднократно от имени рассказчика. Ср.:

А раз утром девица встала и стучит кулаком в стенку. – Эй, говорит, *мон шер*, нет ли у вас спичек? (1, 252);

Трудный это русский язык, дорогие граждане! [...] Главная причина в том, что иностранных слов в нем до черта. Ну взять французскую речь. Все хорошо и понятно. *Кескесе, мерси, комси* – все, обратите ваше внимание, чисто французские, натуральные, понятные слова. (1, 264)

В форме несобственно-прямой речи засвидетельствованы также отдельные англо-американские и немецкие вкрапления. Ср.:

Говорят, граждане, в Америке бани очень отличные. Туда, например, гражданин придет, скинет белье в особый ящик и пойдет себе мыться. Беспокоиться даже не будет – мол, кража или пропажа, номерка даже не возьмет. Ну, может, иной беспокойный американец и скажет банщику: – *Гут бай*, дескать, присмотри. Только и всего. (1, 278);

Хозяйка, *мадам* Гусева, дама честная, ничего про нее такого не скажешь, намекнула немчику перед самым отъездом – дескать, *битте-дритте*, не впопыхах ли изволили заграничную продукцию оставить. Немчик головой лягнул, дескать, *битте-дритте*, пожалуйста, заберите, об чем разговор, жалко, что ли. (1, 365)

Характер иноязычных вкраплений с точки зрения их семантико-грамматической корректности неодинаков. Объясняется это преимущественно спецификой зощенковского повествователя, в разной степени искажающего их. Ср. высказывания одного из повествователей, который решительно меняет прежний образ жизни, что связано с его продвижением по службе:

Раньше-то и внимания не обращал – что это за такой Невский, какие на нем люди ходят и магазины какие. [...] А на тротуарах этих разнообразнейшие люди фланируют и спешат некоторые... И все перед тобой чуть что – извиняются... А ты идешь таким испанцем, небрежной, что ли, походкой и всё – *пардонк*, гражданин, *пардонк*, сударыня. И все сторонятся. (1, 117)

Очередное высказывание героя касается женщины, которой он интересуется:

Нынче что-то ее не встретил. [...] Обожду. Завтра еще и лучше. [...] Завтра [...] долг мне Сережка Петухов отдаст. А вдруг – не отдаст? Отдаст. Скажу, дескать, ужасно как требуются деньги. Нужда, скажу, в презренных дензнаках. А причина, хе-хе, – *шерше ля фам...* *Шерше ля фам!* Этакое, правда, великолепное изречение! Французы это придумали. (1, 120)

Степень адаптации чужеродных вкраплений различна. Небезынтересно то обстоятельство, что некоторые из них получили в русском языке достаточно широкое распространение и перешли в ранг разговорно-просторечных. Такими являются, к примеру, лексемы *баста* (итал. *basta*), *пардон* (франц. *pardon*), *мерси* (франц. *merci*), производные семемы слова *шабаш* (от др.-евр. *Šabbath*)³. Они встречаются в таких произведениях писателя как: *Протокол*, *Семейное счастье*, *Суконное рыло*, *Контролер*, *Гибель человека*, *Мерси*, *Анна на шее*, *Последняя неприятность*, *Счастливы случай* и др. Ср. примеры:

...мы теперь, знаете ли, на кухне бросили стряпать... Без плиты обходимся. В столовую ходим. – Да с! – воскликнул довольный хозяин. – *Баста!* Новую жизнь начали. [...] Пущай и баба свободу узнает... (1, 263);

³ См. описание указанных единиц в *Словаре русского языка в 4-х т.*, изд. 2-е, испр. и доп., Москва 1981–1984. Отметим одновременно, что эти слова не включаются в СИС, в то время как фиксируются в нем единицы типа: *бис* (лат. *bis*), *рандеву* (франц. *rendez-vous*), *мадам* (франц. *madame*). Кстати, последние употребляются в зощенковских текстах, а иной раз регулярно воспроизводятся в речи литературных героев. См. тексты: *Анна на шее*, *Живые люди*, *Вынужденна посадка*, *Врачевание и психика*, *Гости*, *Дамское горе*, *Монтер*, *Валя*.

Организм у слесаря Гаврилыча был неважный. [...] Как, например, получит человек деньги, отойдет от кассы, так и *шабаши*. Такая настает жажда – беда. Прямо беги в первую портерную и пей дюжину. И то мало. Не залить всей жажды. (1, 290)⁴

Имеются контексты, в которых рассматриваемые лексемы дублируют соответствующие русские наименования, выполняя особую стилистическую функцию. В этом случае одно и то же значение передается вкраплением и русским словом. Проиллюстрируем такие параллельные смыслы:

Его, голубчика, как раз вселили в этом году. Конечно *мерси и спасибо*, что вселили, а то он у своих родственников проживал (1, 439),

ср. также синонимическое образование:

В довоенное время давали [...] всякие медали с разными словами: «*Мерси, благодарю*, вот вы какой». И так далее (2, 249);

Я ничего. Ну, пихнули. Эка штука. В трамвае ведь. Это свидетели требуют: иди, говорят, обязательно в милицию. – *Извиняюсь, пардон*, – сказал один из свидетелей. – Я тоже видел... Нельзя допустить... Протокол чтобы... (1, 164);

Кончено. Баста. Никакой жалости к людям не осталось в моем сердце (1, 352).

Следует отметить, что все иноязычные вкрапления передаются в текстах Зощенко при помощи букв русского алфавита. Это показательно, поскольку фонологические системы языков имеют немало различий. Иноязычные вкрапления в данном случае осваиваются русским языком, получая соответствующее оформление, отражающее особенности русского произношения. Чужие по происхождению единицы подчиняются законам фонетики русского языка, претерпевая порой существенные звуковые изменения. Особенно хорошо это показано писателем в речи персонажей-иностранцев. Ср. некоторые высказывания зощенковского повествователя: «Немцы говорят: – *Шпрехен зи дейч?*» (2, 236), вместо

⁴ Определенный интерес представляют в этом отношении дериваты. Ср., напр.: «Он, может, в пять часов *шабашит* и сразу домой прет. Он может маляра». И дальше: «В пять часов он пошабашил, взял, конечно, на плечи стремянку и ведрышко с остатней краской и пошел себе к дому» (1, 360 и 361).

Sprechen Sie deutsch?? «Француз отвечает: – *Коман?* В чем дело? Об чем речь? [...]» (1, 421), вместо *Comment?* Транслитерация иностранных слов и фраз не отражает здесь их правильного произношения. В ряде случаев такой прием воспроизведения иностранной речи приобретает гротескную форму.

Язык произведений Зощенко являет собой образец прямой противоположности шаблонной, трафаретной речи. Этим обеспечивается оригинальность и самобытность слога писателя, в котором стилистическая значимость иноязычных вкраплений играет большую роль. Они способствуют созданию особой эмоциональной настроенности и экспрессивной насыщенности литературного произведения.

Иноязычные вкрапления в русской художественной речи имеют давнюю традицию. Они являются существенным компонентом речевой структуры в произведениях А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Л. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова и др. авторов.

Творчество Зощенко перекликается с произведениями ряда писателей, и это проявляется во многих отношениях. Наиболее тесная связь прослеживается у него с Чеховым, хотя исследователи справедливо отмечают одновременно гоголевское начало у автора *Аристократки*⁵.

При сопоставлении функционирования иноязычных вкраплений у этих мастеров слова, нетрудно заметить, что в произведениях Зощенко они даются только в русском написании, тогда как в сочинениях Гоголя и Чехова их графика дифференцируется, хотя при этом заметно использование вкраплений в оригинальном начертании – французских у Гоголя (*Портрет, Нос, Шинель, Записки сумасшедшего, Мертвые души, Отрывок, Театральный разъезд после представления новой комедии, Ревизор*)⁶, немецких у Чехова (*Нервы, В аптеке, Забыл!!, Признательный немец, Огни, Три года, Вишневый сад*)⁷. Вкрапления у обоих писателей имеют место и в речи иностранцев, и в речи русских.

⁵ О гоголевско-чеховской традиции в творчестве Зощенко см. указанные работы Д.М. Молдавского, Л.Ф. Ершова, М.О. Чудаковой и др.

⁶ Значительны также у Гоголя итальянские вкрапления. См., напр., тексты: *Рим, Тарас Бульба, Женитьба*.

⁷ Данный вопрос исследовала Листрова (1981). В текстах писателя широко представлены также франц. вкрапления. Ср., напр.: *Приданое, Теща-адвокат, Первый любовник*.

Немецкие вкрапления у Гоголя редки и, что интересно, они переданы в русской графике, но с заметным числом искажений. Ср. одну реплику немца из повести *Невский проспект*:

– *Мейн фрау!* – закричал он.
Вас волен зи дох? – ответила блондинка.
– *Гензи на кухня!*⁸

Чехов также любил „ломанные” вкрапления. См., например, фрагмент диалога помещика Гауптвахтова с продавцом-немцем в рассказе *Забыл!!*:

Сколько эта рояля стоит?
– Восемьсот рублей!
– Фу-фу фу... Батюшки! Это называется: купи себе роялю и без штанов ходи! Хо-хо-хо! Восемьсот руб... лей!!! Губа не дура! Прощайте-с! *Шпрехензи! Гебензи...* обедал я, знаете ли, однажды у одного немца... После обеда спрашиваю [...] как сказать по-немецки: «Покорнейше вас благодарю за хлеб, за соль»? А он мне и говорит... и говорит...
Позвольте-с... И говорит: «*Их либе дих фон ганцен герцен!*» А это что значит?
– Я... я люблю тебя, – перевел немец, стоявший за стойкой, – от всей сердца!
... – Ну вот! Я подошел к хозяйской дочке, да так прямо и сказал... С ней конфуз... Чуть до истерики дело не дошло...⁹

Приведенные материалы показывают, что иноязычные вкрапления заслуживают специального изучения в сравнительном плане. В произведениях Зоценко они включаются в основном в речь персонажей – носителей русского языка для того, чтобы показать необоснованное употребление ими чужеродных элементов. Герой пытается создать ложное впечатление о себе и о своих возможностях путем обращения к иностранной речи, стремясь показать себя лучше, чем это есть на самом деле. Однако мизерный уровень владения этой речью лишь усиливает его карикатурный образ: использование обычно искаженных по смыслу отдельных чужих слов и фраз усиливает момент его малограмотности

⁸ Н.В. Гоголь, *Сочинения в двух томах*, т. 1, Москва 1975, с. 454. Там же в сноске содержится толкование вкрапления: «– Моя жена! – Что вам угодно? – Ступайте на кухню? (искаж. нем. – *Meine Frau!* – *Was wollen sie doch?* – *Gehen sie in die Küche!*)».

⁹ А.П. Чехов, *Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Сочинения в 18-ти томах*, т. 1, Москва 1974, с. 128. Выражения *Шпрехензи! Гебензи...* поясняются там же в сноске: «Говорите!. Дайте... (нем. *sprechen Sie, geben Sie*)».

и беспомощности в языковом поведении. Часто такая речь сопровождается нарушением элементарных правил грамматики.

Построения, получаемые путем сочетания слов и выражений, принадлежащих к различным языкам, производят в произведениях Зощенко наибольший эффект. Такие конструкции приводят к значительным словесно-семантическим контрастам, являясь безусловно действенным приемом, оживляющим слог писателя.

Словари

Словарь русского языка в 4-х т., под ред. А.П. Евгеньевой, изд. 2-е, испр. и доп., Москва 1981–1984.

Словарь иностранных слов, под ред. А.Г. Спиркина и др., изд. 7-е, перераб., Москва 1980 (сокр. СИС).

Słownik wyrazów obcych, red. J. Tokarski, Warszawa 1980.

Источники

Гоголь Н.В., *Сочинения в 2-х т.*, т. 1, Москва 1975.

Зощенко М., *Собрание сочинений в 3-х т.*, Ленинград 1986–1987.

Чехов А.П., *Полное собрание сочинений и писем в 30-ти т. Сочинения в 18-ти т.*, т. 1, Москва 1974.

Библиография

Ардов М. (1992), *Феномен Зощенко*, «Столица», № 8, с. 56–60.

Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. (2004), *Лингвистический анализ художественного текста: Теория и практика*, Москва.

Борботько В.Г. (2007), *Принципы формирования дискурса. От психолингвистики к лингвосинергетике*, Москва.

Вежбински Я. (1991), *Заметки о языке и стиле Михаила Зощенко (Лингвистический аспект)*, «Болгарская русистика», № 4, с. 31–41.

Виноградов В.В. (1928), *Язык Зощенки (Заметки о лексике)*, [в:] *Михаил Зощенко. Статьи и материалы*, Ленинград, с. 51–92.

Гиршман М.М. (2002), *Литературное произведение: Теория художественной целостности*, Москва.

Гореликова М.И., Магомедова Д.М. (1989), *Лингвистический анализ художественного текста*, изд. 2-е, испр. и доп., Москва.

- Григорьев В.П. (1983), *Грамматика идиостиля*. В. Хлебников, Москва.
- Демидова М.П. (1988), *Лингвистический анализ текста*, Минск.
- Ершов Л.Ф. (1973), *Из истории советской сатиры. М. Зощенко и сатирическая проза 20-40-х годов*, Ленинград.
- Жолнина Е.В. (2007), *«Голубая книга» М.М. Зощенко: текст и контекст*, Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Санкт-Петербург.
- Захариева И. (1989), *Рассказы Михаила Зощенко*, «Болгарская русистика», № 1, с. 9–19.
- Иванчикова Е.А. (1992), *Язык художественной литературы: синтаксическая изобразительность*, Красноярск.
- Колева И.П. (2013), *Михаил Зощенко: искусство пародии: традиции отечественной юмористики XIX века в творчестве М.М. Зощенко*, Москва.
- Листрова Ю.Т. (1981), *Немецкие вкрапления в произведениях А.П. Чехова*, [в:] *Язык прозы А.П. Чехова*, Ростов н/Д., с. 112–119.
- Маслова В.А. (2004), *Поэт и культура. Концептосфера Марины Цветаевой*, Москва.
- Михайлов В.Н. (1987), *Специфика собственных имен в художественном тексте*, «Филологические науки», № 6, с. 78–82.
- Молдавский Д.М. (1977), *Михаил Зощенко. Очерк творчества*, Ленинград.
- Носов С.Н. (1989), *О стилистике романа А. Платонова «Чевенгур»*, «Русская речь», № 1, с. 22–28.
- Попов К. (1990), *О языке и стиле одного стихотворения Льва Озерова*, «Болгарская русистика», № 4, с. 76–82.
- Попов К. (1991), *Идейно-художественная значимость слова (О слове ТИШИНА в произведениях А. Платонова «Котлован», «Ювенильное море», «Чевенгур»*, «Русский язык в СССР», № 3, с. 29–33.
- Салагаев В. (1973), *О стилистико-синтаксической композиции сатирических рассказов Михаила Зощенко*, [в:] *Филологический сборник*, вып. 12, Алма-Ата, с. 238–245.
- Синявский А. (1989), *Мифы Михаила Зощенко*, «Вопросы литературы», № 2, с. 50–67.
- Старков А. (1974), *Юмор Зощенко*, Москва.
- Шанский Н.М. (1984), *Лингвистический анализ художественного текста*, Ленинград.
- Червинский П.П. (1984), *Неоднозначные единицы стихотворного текста*, [в:] *Семантика слова и предложения. Сборник научных трудов*, Ставрополь, с. 19–30.
- Чудакова М.О. (1979), *Поэтика Михаила Зощенко*, Москва.
- Языкова Ю.С. (1985), *Слово о языке М. Горького*, Горький.
- Drawicz A. (1985), *Moralista z powołania, humorysta mimo woli*, [в:] *Michał Zoszczenko. Punkt widzenia. Opowiadania i opowieści*, Warszawa, с. 529–540.

- Jackiewicz M. (1991), *Elementy groteski w krótkich opowiadaniach Michaiła Zoszczenki*, [B:] *Małe formy w literaturze rosyjskiej. Słowo w tekście rosyjskim. Literaturoznawstwo*, „Studia i materiały WSP w Olsztynie”, nr 30, Olsztyn, c. 97–105.
- Kania S., Tokarski J. (1984), *Zarys leksykologii i leksykografii polskiej*, Warszawa.
- Kotkiewicz A. (2013), *Nowy człowiek Michaiła Zoszczenki. Trylogia: „Przywrócona młodość”, „Niebieska księga”, „Przed wschodem słońca”*, Kraków.
- Mucha W. (1985), *Opowiadania satyryczne i humorystyczne Michaiła Zoszczenki (1921–1932). Z zagadnień poetyki i komunikacji literackiej*, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź.

ГЛАВА VI

ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА ЗОЩЕНКОВСКОГО СКАЗА

Исходные положения:

Первое. Изучение языка отдельного писателя неизбежно влечет за собой наблюдения стилистические и структурно-семантические. Целесообразность такого двуединого, взаимосвязанного и взаимообусловленного подхода достаточно обоснована в лингвистической литературе. Свидетельствуют об этом, в частности, работы В.В. Виноградова (1976, 1981), Б.А. Ларина (1962), У. Хендрикса (1980), Р. Харвега (1980).

Второе. Особенности языка и стиля произведений того или иного художника слова обуславливаются как составом речевых средств, так и принципами их употребления, способами организации таких средств.

Объектом наших разысканий являются закономерности языковой структуры произведений Михаила Зощенко, характер оформления словесного материала в его текстах.

Под пристальное наблюдение исследователей попали различные средства и приемы развертывания дискурса в произведениях М. Зощенко (см., напр.: Молдавский 1977; Чудакова 1979; Поляков 1981; Малинин 1994; Муромский, Семкин (ред.) 2015; Рубен 2001; Томашевский 2004; Федоров 2011; Крепс 1986; Рyykkö 1993; Drawicz 1974; Mucha 1985; Scatton 1993), однако проблематика языкового своеобразие у этого писателя нуждается в дальнейших исследованиях, требует дополнений и комментариев.

Семантику и стилистику произведений Зощенко в значительной мере предопределяет повествовательная форма сказа¹, имитирующая живой

¹ Эта форма повествования имеет в русской литературе давнюю традицию. Дмитрий Молдавский считает, что сказ сформировался уже в XVII столетии в сатирических повестях (Молдавский 1977: 10). Об истоках данной формы в русской литературе и ее особенностях пишут и другие исследователи (см., напр.: Виноградов 1980: 42–54; Чудакова 1979: 64–97; Муценко, Скобелев, Кройчик 1978). По мнению В.В. Виноградова, сказ в значительной степени предопределяет язык автобиографии Аввакума (1621–1682), т.е. *Житие протопопа Аввакума, им самим написанное* (Виноградов 1980а: 8–11). Повествовательная форма сказа прослеживается, в част-

язык, непринужденную беседу. Сказ создает иллюзию свободной разговорной речи. В зощенковских текстах он имеет свои особенности. Его природу обуславливает в большой степени специфический ситуативный комизм, которому сопутствует комизм характеров и, прежде всего, языковой комизм. Последний часто детерминируется необычным сочетанием лексических единиц, их неожиданным объединением. Неповторимость сказа в текстах Зощенко создается совмещением лексем, которые характеризуются стилистическим размежеванием. Они восходят и к книжной речи, и к деловому языку, и к стилю газет, и к просторечной, подчас арготической лексике и т.д. Сказ у Зощенко демонстрируется новым типом повествователя, который действует в исторически изменившихся реалиях.

В специфику повествовательной формы сказа зощенковских текстов вводят, в частности, следующие формулировки: «Вот как это было» (3, 300)², «Мельник такой жил-был. Болезнь у него, можете себе представить, – жаба болезнь» (1, 26), «Вот какой случай произошел со мной этим летом» (2, 407), «Вот, братишки, истинное происшествие на днях случилось» (1, 246), «Вот какую сравнительно небезынтересную историю рассказал мне один работник городского транспорта» (2, 431), «Рассказ этот – истинное происшествие. Случилось в Астрахани» (1, 268), «Я вот на днях слышал разговор» (1, 264), «Жили себе в Ленинграде муж и жена» (3, 247), «Вот как это случилось. Это было» (3, 358), «Это истинное происшествие случилось, к сожалению, в Москве» (2, 461), «Это дельце, граждане, развернулось в селе Арбузове» (1, 487).

Речь зощенковского повествователя наделяется большим правдоподобием. Рассказчик часто ссылается на истинность происходящего, пользуясь при этом разными материалами и источниками, что делает высказывание достоверным. В этой манере выдержаны и отдельные названия зощенковских произведений. Один из его фельетонов озаглавлен *Истинное происшествие*, тогда как рассказ *Поимка вора оригинальным способом* снабжен дополнительно названием *Быль*, что означает ‘рассказ о действительном происшествии’.

ности, в произведениях Николая Некрасова, Николая Гоголя, Николая Лескова, Владимира Даля, Павла Бажова и других.

² Иллюстративный материал приводится с указанием на том и страницу по изданию: М. Зощенко, *Собрание сочинений в 3-х т.*, Ленинград 1986–1987. (Курсив везде наш. – Я.В.)

Среди речевых средств, поиски которых в творчестве Зощенко идут в различных направлениях, видное место занимает словесный повтор. Рассмотрим фрагмент текста из *Рассказа о подлеце*, в котором герой получает условное название „три звездочки”:

И вот, *едет* этот три звездочки в трамвае. Вот он *едет в* трамвае. А по виду никак не скажешь, что это подлец *едет*. По виду – это *едет* скромный работник в валенках. Он *едет в* гости. Он *едет к* своему приятелю на именины. Вот он *едет в* трамвае к нему в гости, думает, может, там про свои всякие подлости – чего он сожрет, и хорошо, думает, что подарка имениннику не купил [...] и вот он *едет* на именины без подарка. И на углу Седьмой линии он слезает. (3, 312)

Приведенное высказывание отличается в ряде случаев воспроизведением тождественной информации. Дискурс содержит буквально каскад повторений. Стержневым повтором является глагол передвижения *ехать*. Этот факт передают очередные сегменты высказывания восьмикратно. Трижды упоминается то, что персонаж едет в трамвае, дважды то, что он едет в гости, на именины и без подарка. Уже известное дополняется в ходе повествования новыми сведениями, которые в свою очередь тоже воспроизводятся. Прием повтора каждый раз обыгрывает ситуацию действия.

Основным структурным компонентом данного текста является, по существу, синтаксический параллелизм. Он основывается на анафорических построениях (ср.: *и вот*; *по виду*; *он едет*) и на воспроизводимости связей эпифорического характера (ср.: *в трамвае*; *в гости*). В структуре текста воспроизводятся также полностью отдельные выражения: *он едет в трамвае*; *он едет на именины*. Такой параллелизм безусловно выступает в качестве механизма связи между частями текста, однако он является прежде всего средством организации разговорной речи и, тем самым, имманентным компонентом сказа.

Глагол *ехать* является сквозным элементом также в рассказе *Происшествие*. Ср. фрагмент текста:

И едет, между прочим, в этом вагоне среди других такая вообще бабешечка. Такая молодая женщина с ребенком. У нее ребенок на руках. Вот она с ним *и едет*. Она *едет с* ним в Новороссийск. У нее муж, что ли, там служит на заводе. Вот она к нему *и едет*. И вот она *едет к* мужу. Все как полагается: на руках у ней малютка, на лавке узелок и корзинка. И вот она *едет в* таком виде в Новороссийск. *Едет* она к мужу в Новороссийск. А у ней малютка на руках очень такой звонкий. (3, 431–432)

Данный способ построения речи с многократным повторением не только глагола *ехать*, но и усилительного слова *вот*, местоимения *такая*, союза *и*, который каждый раз интенсифицирует действие, к тому же, повторением ряда конструкций, где меняется лишь порядок лексем, – является характерным приемом передачи живой речи. Расширенные синтаксические построения определяют динамику высказывания, т.е. воспроизводят естественный темп речи, когда рассказчик возвращается к прежнему высказыванию и оформляет новую мысль, передает очередную информацию.

Повтор является главным структурным элементом в фельетоне *Игра природы*. Семь раз выступает в нем выражение *наш знакомый*, дважды *идет по шпалам*, четыре раза указывается время года, правда, каждый раз в измененном порядке, ср. *дело было еще весной / весной было дело / дело весной было / дело еще весной было*. Описываемое событие неодинаково определяется по времени, хотя исходным моментом является пасха, ср. *перед самой пасхой / после пасхи / на пасху* (1, 508). Имеется, таким образом, некоторая непоследовательность, даже противоречивость, но такая несвязность воспроизводит ведь специфику разговорной речи, где сведения часто страдают неточностью, некоторой неопределенностью, где допускается предположение и т.д.

Сравним функционирование данной особенности в фельетоне *Социальная грусть*:

Давно я, братцы мои, собирался рассказать про Гришку Степанчикова, да все как-то позабывал. А время, конечно, шло [...] *Произошло это кажется что в Москве. А может, и не в Москве. Но сдается нам, что в Москве*. По размаху видим. Однако точно не утверждаем. (1, 500)

Интересно представлен синтаксический параллелизм также в рассказе *Жених*. Образуется событийная цепочка с тождественными и/или похожими формулировками. Сравним очередные высказывания (они пронумерованы для удобства):

1. *Время было, конечно, горячее – тут и косить, тут и носить, и хлеб собирать. А тут, братцы мои, помирает моя баба.*
2. *И к ночи помирает. Взыл я конечно. Время, думаю, горячее – тут и носить, тут и косить, а без бабы невозможно.*
3. *Приезжаю в местечко. Хожу по знакомым. – Время, говорю, горячее, разговаривать много не приходится, нет ли, говорю, среди вас какой ни на есть захудалой бабочки, хотя бы слепенькой. Интересуюсь, говорю, женитьбой.*

4. – Есть, говорят, конечно, но *время горячее*, браком никто не интересуется. Сходите, говорят, к Анисье, к солдатке, может ту обломаете. Вот я и пошел. Прихожу.

5. – Ну, говорю, *время горячее, спорить с вами много не приходится*, вы да я – нас двое, третьего не требуется, окрутимся, говорю, и завтра выходите на работу снопы вязать. [Затем герой выясняет, сколько Анисье лет. – Я.В.]

6. – Ну, говорю, *время горячее, долго считать не приходится*. Ежели не врете, то ладно. [И тут Егорка замечает, что Анисья хромает, оказывается, что одна нога у нее короче. – Я.В.]

7. – Пол, говорю, вершка или вершок – это, говорю, не речь. *Время*, говорю, *горячее – мерить не приходится*. Но, говорю, это немислимо. [Егорка везет Анисью обратно. – Я.В.]

8. *Время*, думаю, *горячее, разговаривать много не приходится*, а тут извольте развозить невест по домам. (1, 176–178)

Лексический повтор имеет множество конкретных проявлений. Ср. конструкцию с предлогом *на*:

И вот, конечно, выезжаю. Хорошо-с. В город Смоленск прибыл, а оттуда славным образом *на пароходе на пассажирском* в родные места старого князя. (1, 29)

Теперь конструкция с предлогом *по*, в которой героиня заявила: «... иная коза при случае и забодать может человека». На это последовала ответная реплика Забежкина:

– А человек, Домна Павловна, козу палкой, палкой *по башке по козлиной*. (2, 25)

И еще одна конструкция с предлогом *в* (*во*):

В приметы во всякие я, товарищи, не верю. Ерунда это. (1, 230)

Нормативная модель не требует повторения одного и того же предложения, однако то, что, с одной стороны, не свойственно кодифицированной речи, с другой – характеризует просторечное изложение. Иной раз повтор деформирует устойчивое выражение, ср.:

Я, говорит, всегда определенно рад пятьдесят рублей взять *за ни за что*. (3, 208)

В рамках одного выражения нередко заложена смысловая повторяемость. О том, что предпринял один пассажир, чтобы у него не украли чемодан, говорится следующее:

Он, так сказать, для чуткости слуха и чтоб не унесли *во время процесса сна*, ложился на него головой. (3, 303)

Фраза *во время процесса сна* содержит смысловое тождество, поскольку уже в самом выражении *во время сна* заключено значение процесса. Это слово повторяет то, что уже известно. Однако то, что является лишним с точки зрения языковой нормы, – отличительная особенность авторского слога.

Тавтологические выражения всегда окрашивают речь и вызывают эмоциональное отношение к описываемому. Показательна в этом отношении также иллюстрация, в которой повествуется о неожиданной встрече священника с Синебрюховым. Священник считал, что Синебрюхов погиб во время военных действий:

– Ой-е-ей, говорит, *взаправду ли это ты, Назар Ильич Синебрюхов [...]*? Я по тебе, живому, панихидки служу, и все мы почитаем тебя *умершим покойником*, а ты вон как... (1, 47).

К рассматриваемому вопросу примыкают многие плеонастические выражения. Ср.: *стою стоя* (1, 279), *я шутку пошутил* (1, 237), *мелкие мелочи* (2, 110), *родной родственник* (1, 239), *у сторожа психология на двоє раздвоилась* (2, 219), (он) *кипяток кипятит* (1, 431), *старый стари-кашка* (1, 297), *старая старуха* (1, 476), *какие ужасные ужасты* (1, 336), *жалкая жалость* (2, 110). Весьма образны и такие объединения слов: *кражи воруют* (3, 361), *пожар горит* (1, 512), *они оба два* (2, 222), *будет-произойдет драка* (1, 368), *мелкая крошка* (1, 317). Не менее выразительны сцепления слов типа *детишки ребятишки* (1, 296), *люди-человеки* (1, 511) и др.

Основным структурным элементом в языке писателя являются разговорные средства выражения. Показательны в этом отношении следующие примеры контекстного употребления выделенных слов:

...Былинкин слегка *ударился даже в поэзию*, написав с десятков различных стихотворений и одну балладу. (2, 116):

удариться в поэзию – т.е. ‘с увлечением заниматься стихотворчеством’;

...он любил *марать карандашом и красками* разные картинки и рисуночки.
(2, 152):

марать – ‘наспех, небрежно рисовать’;

Как поэт он ничего особенного из себя не представлял. Но все-таки *стишки* там кое-как *кропал*. (3, 342):

кропать – ‘писать, сочинять стихи’ (данное значение реализуется с оттенком пренебрежительности);

...если есть руки и ноги, и башка на плечах, то, безусловно, как-нибудь можно *расстараться* и найти себе пропитание. (2, 151):

расстараться – ‘очень постараться’;

В другом каком-нибудь заграничном учреждении на этой почве развели бы форменную волокиту, потребовали бы документы, *засняли бы морду* на фотографическую карточку. (1, 411):

заснять – ‘сфотографировать’.

Рассмотренные значения слов сопровождаются в МАС пометой „разговорное”. Значительный слой лексики в текстах писателя имеет просторечный характер, о чем свидетельствует отчасти уже приведенный иллюстративный материал.

Признаком разговорного стиля являются слова с оценочными суффиксами, которые придают не только значение уменьшения, но и различные оттенки: ласкательности, сочувствия и т.д. Ср.: *счастьишко* (1, 214), *глазенки* (3, 168), *лапченка* (3, 169), *мелкая собаченка* (1, 294), *мелкие делишки* (2, 158), *извещеньице* (1, 497), *именьице* (2, 185), *послеловьице* (3, 219), *квартирка* (1, 495), *квартиренка* (1, 330), *домишко* (2, 109), *городишко* (2, 185), *комнатенка* (3, 243), *комнатушка* (2, 62), *мелкой торговлишкой* *заниматься* (2, 151), *в маленькой зальце* (1, 175), *крошечный рассказ* (3, 245), *извещеньице* (1, 497), *именьице* (2, 185), *послеловице* (3, 219).

В ряде случаев словообразовательный формант выполняет прежде всего экспрессивную функцию, о чем свидетельствуют следующие дериваты: *письмишко* (1, 84), *письмишечко* (1, 104), *письмецо* (3, 180), *землишка* (1, 31), *окопчики* (1, 333), *мыслишка* (1, 108), *картишки* (1, 41), *лю-*

дишки добрые (1, 91), *умильный барончик* (1, 185), *рублишко* (3, 368), *дружбишка* (1, 241), *дача* (3, 443), *родственнички* (2, 62), *мужичок* (1, 33), *мужиченка* (2, 184), *папенька* (2, 277), *папанька* (2, 278), *мелкий человечико* (3, 273), *силенка* (1, 485), *силушка* (1, 73), *барахлишко* (1, 298), *шпажонка* (2, 181), *натуришка* (1, 498), *старикашечка* (1, 486), *башима-ченки* (3, 195), *красоточки* (3, 223), *службенка* (1, 413), *работишка* (1, 252), *сезончик* (1, 350), *добришко* (1, 37), *времечко* (3, 254), *женишок* (1, 37), *князьенко* (1, 29).

Внимания заслуживают также дериваты с негативной оценкой неодобрения и осуждения, напр.: *поэмка* (1, 284), *написал пьеску* (3, 427), *газетина* (1, 494), *слабенький, убогий рассказец* (2, 467), *паршивые стишки* (2, 116), *артистишка* (1, 148), *идейки* (3, 443), *воришка* (1, 308), *репортеришка* (2, 30), *грязная душонка* (3, 166), *какой-то человечишка* (1, 352), *немчик* (1, 365), *мелкие нуждишки* (3, 181), *людишки* (2, 106), *человечки* (2, 59), *жадная бабенка* (3, 201), *ядовитая бабенка* (2, 273), *крикливая подслеповатая бабенка* (3, 166), *бешеная и преступная бабенка* (3, 183), *такой вообще счетоводишка* (3, 216).

В связи с сатирической направленностью текстов Зоценко в них преобладают дериваты с шутивно-ироническим оттенком, как напр.: *коллективчик* (1, 354), *темные людишки* (1, 64), *злосчастный писателишка* (3, 427), *интеллигентик* (2, 221), *дряхлый интеллигентишка* (1, 349), *престарелый господинчик* (3, 242), *простой кардиналишка* (3, 242), *правили какие-то кровавые царьки* (3, 278), *с пятилетним буржуйчиком* (1, 137), *врачи из бывших барончиков* (1, 450). Степень пренебрежения, презрения и порой даже иронии в приведенных названиях и определениях самая различная.

Признаком разговорного стиля являются также аугментативные образования, придающие значение увеличения, нередко с шутивно-ироническим оттенком, как напр.: *ножища* (1, 282), *ручищи* (1, 207), *усища* (3, 229), *бородища* (1, 30), *собачища* (1, 181), *народищу уйма* (1, 355), *громадные деньжищи* (1, 500), *нагадили табачищем* (1, 96). В этот перечень можно также включить: *коврище* (1, 59), *бочища* (1, 338), *высокущий* (1, 53), *стеклище* (1, 197), *юбища широченные* (1, 207), *лягуха* (1, 185), *мостище* (1, 529), *кухнища* (1, 391), *кнутовище* (1, 113), *богатое добрище* (1, 31), *идешь в огромной тощище* (2, 130), *талантище* (1, 494).

Такого типа дериваты со значением деминутивным и аугментативным являются постоянным компонентом в структуре зоценковских текстов, придавая особую тональность сказа повествовательной речи. Многие из них обладают яркой выразительностью и выполняют особую экспрессивную функцию, напр.:

Собственно, мы даже не знаем, каким образом этот забавный протокол попал к начальству. Скорей всего *какой-нибудь там типус* [...] подложил эту бумажку на стол директору. (2, 403)

Закусили, заплатили, выпили... [...] А после, конечно, подходит *какой-то субчик*. (1, 258)

Это была *простодушная, доброватая бабенция*, по странной причине интересующаяся чем угодно, кроме политических событий. (2, 68)

Вдруг открывается окно и *какая-то вредная старушенция* подает свой голос: – Чего, говорит, тебе, батюшка? (1, 319)

Разговорные формы строятся и по другим схемам: префиксальной, префиксально-суффиксальной и безаффиксным способом. При образовании превосходной степени прилагательных с обозначением полноты проявления признака широко используется приставка *наи-*, напр.:

И вот, запомнил, пришел в деревню, выбрал хату *наибогатенькую*. (1, 54);

...у него – пущай публика знает – происхождение очень отличное. И родной дед его был коровьим пастухом, и мамаша его была *наипростая баба*... (1, 311);

Из всех дивных явлений и чувств, рассыпанных щедрой рукой природы, нам [...] *наимжальче* всего будет расстаться с любовью. (3, 222);

К ночи, скажем, уснула *наипоследняя* собака... Беру лопату – и в гусиный сарай. (1,32);

...дозвольте, мол, сапожечки ваши снять и тряпочкой *наисухонькой* обтереть – мужик это любит... (1, 68).

Выразительны также дериваты с префиксом *пре-*, который обычно интенсифицирует семантику слова, ср.:

Главное, что можно заключить, – наши характеры уж очень *препаршивые*. (3,273)

И такой, провалился он совсем [пулемет – Я.В.], *протяжженный* был. (1, 42)

Приведем пример употребления смешанного способа словообразования:

Фотограф Патрикеев [...], ужасно как ругался, называя его прохвостом, золотопогонником и бывшим *беспорточным* барином. (2, 152).

Прилагательное *беспорточный* образовано на базе сочетания существительного *портки* (просторечное название штанов) с предлогом *без*, который в составе производного слова преобразуется в приставку. Реализуется значение ‘отсутствия’, причем в контексте ему сопутствуют более конкретные смыслы: ‘крайней бедности, нищеты, безденежья’.

Важно оттенить в повествовательной речи зошенковских героев обильное употребление сниженной лексики, в том числе слов неодобрительных, презрительных, пренебрежительных. Среди них немало обценизмов и вульгаризмов, напр.: *шельма* (3, 175), *мерзавцы* (3, 171), *старая кикимора* (2, 334), *мракобес* (1, 350), *каналья* (2, 243), *хитрая каналья* (1, 29), *стерва* (1, 77), *стервец* (1, 82), *мымра* (1, 115), *старая хрычевка* (2, 334), *падаль такая* (1, 124), *арав* (2, 334), *клюква* (1, 147), *старый хрен* (3, 198), *балда* (1, 296), *холера* (2, 240), *какое-нибудь дерьмо* (3, 261), *чучело* (1, 292), *какое чучело* (3, 258), *чучело окаянное* (1, 229), *язвой называли* (1, 201), *курская аномалия* (3, 362), *паразит* (1, 323), *крупный прохвост* (3, 292), *дрянь* (1, 126), *дрянь такая худая* (1, 41), *кровопийцы* (2, 334), *прохвост такой* (2, 417), *иуда* (2, 412), *сиволапые олухи* (2, 199), *какая раззява* (3, 412), *крапивное семя* (3, 282), *последний мазурик и проходимец* (2, 119), *негодяй* (3, 347), *большой негодяй* (3, 285), *сволочь* (3, 437), *какая сволочь* (3, 234), *идиот какой* (1, 297), *ирод* (1, 257), *подлюга* (1, 281), *тварь такая* (1, 331), *дерьмо* (1, 356).

В ряде контекстов наблюдается нагромождение данного типа лексики в одном синтагматическом ряду, ср.:

Пройдоха, сукин сын и жулик, грязная душонка которого при других обстоятельствах вызывала бы омерзение, делался почетным лицом, которому охота была пожать руку. (3, 166)

Варька Двуколкина в подметки ей не годится. Варька Двуколкина перед ней *дрянь, сопля, пуговица*. (1, 121)

[...] Мишелю приходилось убеждать, кричать, даже ругать тетку, обзывая ее *скупердяйкой, держимордой и сволочью*. (2, 198)

Василий Иванович чуть не заплакал от обиды. – Ах ты, говорит, *старая мымра, верзила-мученик*. (1, 372)

Постоянно приходится говорить окружающим какие-то колкости, какие-то грубые слова – «*дураки*», «*шантрапа*», «*подхалимы*», «*заелись*» и так далее. (3, 275)

Полоумный дурак, тупица или полный идиот, еле ворочающий своим косноязычным языком, становился остроумным малым, поминутно говорящим афоризмы житейской мудрости. (3, 166)

Обращают внимание сочетаемостные возможности рассматриваемой лексики. Показательны в этом отношении сочетания со словом *черт* и производными от него, напр.: *черт лохматый* (1, 499), *черт серый* (1, 220), *черт паршивый* (1, 280), *длинновязый черт* (2, 416), *черти шершавые* (1, 486), *черти ситцевые* (1, 464), *черт рваный* (3, 368), *черт драповый* (1, 185), *черт седой* (1, 343), *черт плешивый* (1, 342), *черт лысый* (1, 341), *черт сопатый* (1, 287), *черт такой* (1, 281), *черти липовые* (1, 216), *чертов медик* (1, 342), *чертова перечница* (1, 323), *чертов старик* (1, 185), *чертовые девицы* (1, 356).

Использование зоонимов и различных ругательств является сильнейшим средством характеристики персонажей, ср.: *свинья* (3, 314), *свиная душа* (3, 347), *чертова свинья* (1, 503), *корова* (3, 342), *как лошадь* (1, 118), *называл себя ослом и бараном* (2, 174), *скотина* (2, 227), *какая скотина* (3, 342), *гадина* (1, 121), *форменные гады* (2, 222), *гадюка* (1, 48), *щенок* (3, 194), *надо делиться вот с этим крокодилом* (3, 311).

Определения пейоративного характера, оскорбления и ругательства включают самые различные зоонимы при описании зощенковских персонажей, напр.: *куриная нога* (3, 302), *очкастая кобыла* (3, 310), *рыбий глаз* (3, 268), *дурак я, дурак, курица гнусная, тетерка* (1, 122), *рыжий пес* (1, 417), *щучьи дети* (1, 463), *волчья сыть* (1, 83), *старый сыч* (1, 185), *баранья голова* (1, 392), *куриная голова* (1, 390), *козлиная голова* (1, 383), *ах, сволочь, едят вас мухи!* (1, 250), *комар тебе в нос* (2, 14), *в рот ему клоп!* (1, 183), *в рот им муха* (1, 258), *едят его блохи* (1, 314).

При характеристике персонажей один и тот же зооним предстает в своих разновидностях, ср.: *собачий сын* (1, 41), *собачий нос* (2, 12), *собачье жало* (1, 162), *собачье мясо* (1, 33), *собачий хвост* и *хвост собачий* (1, 91), *собачий прохвост* (1, 155), *прохвост этакий, идол собачий* (2, 26), *собачья кровь* (1, 372), *черт собачий* (1, 175), *дурак собачий* (1, 155).

Показательны в этом отношении также примеры употребления с определением *сукин* или *сучий*: *сукин сын* (3, 298), *сукин ты сын* (1, 297), *какой-то ненормальный сукин сын* (1, 413), *хитрый сукин сын* (3, 272), *работаешь как собака, как сукина дочь, а тут суп несоленый* (1, 268), *сукины дети* (2, 223), *сукин кот* (1, 243), *молчишь-то, сукин кот?* (1, 187), *пилат-мученик, сукин кот* (2, 101), *сукин кот и мазурик* (1, 182), *сукинов сын* (2, 91), *сучий сын* (1, 41), *сучьи дети* (1, 405).

Зощенковские тексты позволяют выделить и такую особенность: в один ряд включаются разговорные, даже просторечные формы и книжные. Контактное расположение разнотильных лексем иллюстрирует словосочетание *отечественная морда* (3, 176) или выражение *разбивать морды... и делать все, что ему заблагорассудится* (3, 178).

Такого типа сочетания слов обильно представлены в текстах Зощенко. Рассмотрим пример из рассказа *Землетрясение*, в котором герой, будучи в нетрезвом состоянии, не заметил происходящих событий:

Только рано утром, часов, может, около шести, *продрал свои очи* наш Снопков. Проснулся наш Снопков под кипарисом и, значит, свой родной двор нипочем не узнает. (1, 442)

Компоненты словосочетания *продрал очи* различаются стилистически: *продрал* имеет разговорный характер, *очи* принадлежит к книжной речи. Слова, составляющие данное выражение, рассматриваются здесь отдельно, чтобы подчеркнуть их стилевую разноплановость. Такое деление условно, поскольку само значение не выводится из сложения смыслов слов. Контекст употребления позволяет рассматривать словосочетание в качестве фразеологического оборота со значением 'проснулся'. Указанное значение фиксируется в ФС по отношению к фразеологизмам *продрать глаза* или *продрать зенки* (последний квалифицируется как просторечный), словосочетание же *продрать очи* в данном словаре отсутствует.

Рассмотрим также функционирование словосочетания *глядеть в очи* в следующем контексте:

Автор вот знал одного такого городского человека. Жил он тихо, как и все живут. Пил и ел, и даме своей на колени руки клал, и *в очи ей глядел*, и вареньем на скатерть капал; и три рубля денег в долг без отдачи занимал. (2, 92)

В данном примере смысл выражения *в очи глядел* выводится непосредственно из значений составляющих его компонентов. Однако аддитивностью не исчерпывается семантика словосочетания. Контекстная ситуация приводит к тому, что выражение *глядеть в очи*, кроме буквального значения, получает дополнительный смысл. Оно приобретает черты фразеологического оборота по аналогии с фразеологизмом *смотреть (глядеть) в глаза*: 'заискивать перед кем-либо, стараться угодить'. Интересующее нас выражение отличается, таким

образом, двойственностью смысла – имеет значение свободного сочетания слов и значение фразеологическое. Нетрудно заметить к тому же, что компоненты выражения характеризуются стилистическим размежеванием.

Зощенковские произведения дают интересный материал, свидетельствующий о превратном интерпретировании смысла слов. Послереволюционный уклад жизни вызвал своеобразные семантические преломления и модификации с политическими акцентами в речевой деятельности. Различные слова и выражения, в том числе терминологического характера, стали использоваться упрощенно и извращенно. Это явление отражают различные зощенковские тексты, ср., к примеру: *Рабочий костюм, Мещанство, Испытание героев, Врачевание и психика* и др. В связи со сказанным, вспомним также героиню знаменитой *Аристократки*, приглашенную в театр своим поклонником, которую тот приостановил при желании съесть очередное (уже четвертое) пирожное. В его речи прозвучала такая фраза:

В театре-то все и вышло. В театре она и *развернула свою идеологию во всем объеме*. (1, 170)

Рассказчиком внушается, якобы аристократка своим поведением проявила мещанские черты, что достойно порицания и осуждения. Между тем, слово *идеология* в контексте рассказа никак не соответствует своему назначению³. Его употребление произвольное и совершенно неуместное в приведенной конситуации.

В рассказе *Рабочий костюм* описывается случай в ресторане, куда не пускают Конопатова – он в рабочем костюме:

Тут поднялась катавасия. Потому народ видит – *идеология нарушена*. Стали пищевиков оттеснять в сторону. Кто бутылкой машет, кто стулом... (1, 302)

Любопытно также мнение рассказчика о Катюше из трепального отделения:

По виду никогда не скажешь, что мещанка. Потому поступки видны, *идеология заметна*, ругаться по матери может. (1, 287)

³ Более обстоятельно затронутой здесь проблематикой занимаюсь в статье: Wierzbński 1996.

Сравним еще обращение мужа к жене, которая пересела на другой стул после его замечаний о несоленом супе:

– Пересаживаетесь! – завизжал Фиолетов. – Демонстрации мне устраиваете? Довольно *мещанской идеологии*! Я вам покажу кузькину мать... (1, 268)

Во всех текстах, из которых извлекаются примеры, речь идет о самых простых, заурядных и мелких происшествиях, которые, однако, в речи героев выдвигаются в ранг значительных, принципиально важных событий. Рассказчики „вооружены” по существу одним словом *идеология*, которое сориентировано ими на поиски политических смыслов в этих обыкновенных поступках. В первом примере, по мнению рассказчика, „аристократка” своим поведением ‘проявила типичные черты, свойственные реакционным (буржуазным) кругам общества’; во втором – ‘нарушены интересы рабочего класса’; в третьем – ‘обнаруживаются мещанские отклонения от пролетарских принципов’; в четвертом – супруга обвиняется в идеологической некорректности. То, что должно оцениваться в аспекте нравственности, моральных качеств, переключается в серьезную политическую оценку.

Изложенное в целом относится как к смыслообразующим, так и стилеобразующим факторам. Предпринятый анализ можно было бы продолжить, так как оформление зощенковских текстов изобилует множеством других приемов и синтаксических построений. В этом отношении заслуживают внимания эллиптические образования, деривационные структуры, стилистическое размежевание словаря и ряд других вопросов, которые, однако, не укладываются в рамки одного раздела. Рассмотренный здесь языковой материал лишь частично проливает свет на языковую специфику текстов писателя. Более полную и целостную картину зощенковского слога обеспечивает данная монография в целом.

Принятые сокращения названий словарей

МАС – *Словарь русского языка в 4-х т.*, изд. 2-е, испр. и доп., под ред. А.П. Евгеньевой, Москва 1981–1984.

Ож – Ожегов С.И., *Словарь русского языка*, изд. 10-е, стереотип., под ред. Н.Ю. Шведовой, Москва 1973.

СИС – *Словарь иностранных слов*, изд. 7-е, перераб., Москва 1980.

ФС – *Фразеологический словарь русского языка*, под ред. А.И. Молоткова, Москва 1967.

Библиография

- Вежбиньски Я. (1995), *Слово в структуре художественных текстов Михаила Зощенко. Языковые деформации*, „Slavica Quinqueecclesiensia” I, Pecs, с. 163–173.
- Виноградов В.В. (1976), *Избранные труды. Поэтика русской литературы*, Москва.
- Виноградов В.В. (1980), *Проблема сказа в стилистике*, [в:] В.В. Виноградов, *Избранные труды. О языке художественной прозы*, Москва, с. 42–54.
- Виноградов В.В. (1980а), *О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума*, [в:] В.В. Виноградов, *Избранные труды. О языке художественной прозы*, Москва, с. 8–11.
- Виноградов В.В. (1981), *Проблемы русской стилистики*, Москва.
- Крепс М. (1986), *Техника комического у Зощенко*, Benson, Vermont.
- Ларин Б.А. (1962), *Основные принципы Словаря автобиографической трилогии М. Горького*, Ленинград, с. 3–11.
- Муромский В.П., Семкин А.Д. (ред.) (2015), *Творчество Михаила Зощенко. Новые материалы. Исследования. Библиография: сб. статей*, Санкт-Петербург.
- Молдавский Д.М. (1977), *Михаил Зощенко. Очерк творчества*, Ленинград.
- Мущенко Е., Скобелев В., Кройчик Л. (1978), *Поэтика сказа*, Воронеж.
- Поляков В. (1981), *Зощенко заменить нельзя*, [в:] *Михаил Зощенко в воспоминаниях современников*, Москва, с. 181–199.
- Рубен Б. (2001), *Алиби Михаила Зощенко*, Москва.
- Томашевский Ю.В. (2004), «Литература – производство опасное...» (М. Зощенко: жизнь, творчество, судьба), Москва.
- Федоров В.С. (2011), «Голубая книга» М.М. Зощенко глазами читателей, [в:] *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009–2010 гг.*, отв. ред. Т.С. Царькова, Санкт-Петербург, с. 977–994.
- Хендрикс У. (1980), *Стиль и лингвистика текста*, [в:] *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. 9. Лингвостилистика, Москва, с. 172–211.
- Харвег Р. (1980), *Стилистика и грамматика текста*, [в:] *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. 9. Лингвостилистика, Москва, с. 212–226.
- Чудакова М.О. (1979), *Поэтика Михаила Зощенко*, Москва.
- Drawicz A. (1974), *Aż do kresu ironii (Michał Zoszczenko)*, [в:] A. Drawicz, *Zaproszenie do podróży. Szkice o literaturze rosyjskiej XX wieku*, Kraków, с. 46–73.
- Mucha W. (1985), *Opowiadania satyryczne i humorystyczne Michała Zoszczenki (1921–1932). Z zagadnień poetyki i komunikacji literackiej*, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź.

- Pyykkö R. (1993), *Отражение лексических изменений послереволюционного периода в рассказах Михаила Зощенко*, „Studia Slavica Finlandensia”, Tomus X, Helsinki, c. 119–131.
- Scatton L.H. (1993), *Mikhail Zoshchenko. Evolution of a Writer*, Cambridge University Press, Cambridge.
- Wierzbński J. (1996), *Manifestowanie się nowomowy w tekstach Michaila Zoszczenki*, „Acta Universitatis Lodzensis. Folia Linguistica”, z. 35, c. 87–98.

ГЛАВА VII

ПРИЕМЫ СИНОНИМИЗАЦИИ И АНТОНИМИЗАЦИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ В СОЧИНЕНИЯХ ЗОЩЕНКО

Язык произведений Михаила Зощенко характеризуется значительным размежеванием словарного состава на разных уровнях: фонетическом, словообразовательном, лексико-семантическом, грамматическом и стилистическом. Данным свойством предопределяются во многом творческие аспекты языка Зощенко, которые нашли отражение в различных филологических разработках. См., напр.: Ершов 1973; Захариева 1989; Крепс 1986; Молдавский 1977; Муромский, Семкин (ред.) 2015; Рубен 2006; Чудакова 1979, Старков 1974; Синявский 1989; Томашевский 1992; Дравич – Drawicz 1974; Грау – Grau 1986; Муха – Mucha 1985; Яцкевич – Jackiewicz 1991; Пююккё – Pyukko 1993 и др.

Анализ зощенковского словоупотребления требует специальных разысканий в области функционирования разных категорий лексической семантики. Настоящий раздел посвящается синонимическим и антонимическим образованиям в структуре текстов писателя.

Насыщенность произведений Зощенко лексическими синонимами трудно переоценить. Они являются важнейшим средством смыслового и эмотивно-экспрессивного своеобразия писательского слога. Словарные синонимические образования регулярно скрещиваются с такими сцеплениями слов, которые осуществляются по принципу семантической близости в определенном контексте. Ср. с этой точки зрения некоторые реализации:

Про малютку и про жену он ничего не сказал вверенным ему девицам, а напел им разных небылиц про свою *одинокую, холостую* жизнь. (2, 370)¹

Человек [о слесаре Коленкорове – Я.В.] пропадал буквально и персонально. И вообще жил как последняя курица. По будням после работы *ел* и *жрал*. А по праздникам и по воскресным дням напивался... (1, 324)

¹ Примеры приводятся с указанием на том и страницу по изданию: М. Зощенко, *Собрание сочинений в 3-х т.*, Ленинград 1986–1987. (Курсив везде наш – Я.В.)

Одна женщина ударяет его *по лицу*, или, правильной сказать *по морде*, делает ему истерику в общественном месте и вообще устраивает скандал. (2, 371)

А Петр Петрович, ее супруг, человек *горячий и вспыльчивый* [...] ударил меня, бродяга, поленом по лицу. (3, 305)

Я не люблю эту самую поэзию, где *грусть*, и *печаль*, и разные вздохи, и разные меланхолические восклицания [...] и так далее. (2, 237)

С удивлением вижу, что и этот вариант никуда не годится. *Слабенький, убогий* рассказец, который надо было тотчас вернуть автору. (2, 467)

А в степи ничего. А над головой – небо и звезды. А где-то, может быть, идет жизнь, полная *веселья и радости*... (2, 245)

Давали свое согласие и женились, так сказать, *втемную, заглазно*. И невесту только в последний момент видели. (3, 231)

[...] все уверяли его в полной своей преданности, *божились, клялись* и даже оскорблялись, что на них падает такое темное подозрение. (2, 226)

[...] перелистав всю историю, мы не увидели ни одного случая, когда бы деньги потерпели *крах и поражение*. (3, 185)

– Довольно стыдно в двадцатом веке иметь свои *предрассудки и суеверия*. (1, 234)

И вот тут началась *канитель* и *волынка*, которая до сего времени продолжается. (2, 403)

Сначала нам под руку лезут какие-то, черт возьми, *мелкие* любовные дела и *чепуховые, ерундовые* делишки из повседневной жизни... (3, 228)

И вот решили умертвить его [...]. Хотелось, одним словом, сделать *тихо, бесшумно* и главное, с христианским смирением. (3, 185)

И давали там всякие медали с разными словами: «*Мерси, благодарю, вот вы какой*». (2, 249)

Жена, супруга то есть, Марья Игнатьевна, насквозь все дни сидит на сундучке и плачет... (1, 242)

Надвигающаяся старость изменила мое мировоззрение. *Дерзость, нахальство* и *надменность* покинули меня уже давно. (2, 317)

[...] к ней стали заходить в голову разные *легкие, воздушные* мысли о супружестве. (3, 206)

[...] они с тобой поступили *грубо, нетактично* и, я бы сказал, *некультурно*. (2, 340)

Итак, согласно доказательству Брема, звери не имеют коварства. Они живут *бодро* и *энергично*, некоторые из них поют, некоторые все-таки крикают, рычат, вопят... (3, 277)

Кардинал выпрямил стан и заговорил с собравшимися таким *резким* и *суровым* тоном, что привел всех в трепет. (3, 283)

Начальник открывает окно, чтобы посмотреть, что случилось. И видит, что среди ожидающих пассажиров происходит *суматоха, беготня* и *суетня*. (2, 347)

Синонимические свойства проиллюстрированы также в контекстах с фразеологизмом, напр.:

И действительно, взял этот ученый со старичка недоброго, впрыснул ему что следует, и через два дня старичок и *ноги протянул – помер*. (1, 154)

И он [...], как говорится, сразу, без сопротивления, *отдал богу душу*. То есть он *скончался*. (3, 308)

[...] *умер* один человек [...] после смерти начались пышные разговоры [...] при жизни ему никто такого не говорил, и он, так сказать, *отправился в дальний путь*, сам того не подозревая, что он собой представляет в фантазии окружающих людей. (2, 335)

[...] он, будучи неглупым человеком, своевременно в двадцать четвертом году *умер* со спокойной улыбкой на устах – дескать, эх вы, дураки, не знаю, как вы, а я прилично нажил и дочке все передаю. И сам, как говорится, *сыграл в ящик*. (3, 215)

Различия в области синонимических образований преимущественно идеографического характера, т.е. касаются оттенков значения. В ряде случаев обнаруживаются функционально-стилистические расхождения синонимичных слов. Имеются также примеры, напоминающие собой лексические дублеты, но это не лишает их экспрессивности, которая создается за счет наличия в синтагматическом ряду иноязычной лексики. Показательны в этом отношении следующие контексты:

Его, голубчика, как раз вселили в этом году. Конечно *мерси* и *спасибо*, что вселили, а то он у своих родственников проживал. (1, 439)

Весовщик отвечает: – Ах, *пардон, пардон! Извиняюсь!* Сейчас ваша тара крепкая, но она была слабая. Мне это завсегда в глаза бросается. Что пардон, то пардон. (3, 311)

Кончено. Баста. Никакой жалости к людям не осталось в моем сердце. (1, 352)

Сколько лет, говорит, я сдерживался [...] И то нельзя, и это не так, и жену не поколотить. Но теперь это *кончилось, аминь*. (3, 382)

Хотел народ расположиться на этой площадке, ан нет. Начальники говорят: – *Атанде, погодите*, товарищи. (1, 480)

Слова в очередных парах при их неизменном значении не являются тождественными. Иноязычные лексемы, выражающие соответственно благодарность (*мерси* – франц. *merci*), просьбу о прощении (*пардон* – франц. *pardon*), конец, предел в проявлении чего-либо; здесь: чув-

ства (*баста* – итал. *basta*), решительную констатацию, что пора все изменить (*аминь* – др.-евр. *amen*) и просьбу остаться на своем месте (*аманде* – франц. *attendre*) – приобретают в приведенных конситуациях разговорный характер и передают скорее шутливое отношение к изображаемому. Иноязычные вкрапления² по сравнению с их русскими эквивалентами различаются на уровне коннотации. *Мерси, пардон* и *баста* обладают маркерами (ср. описание данных слов в МАС³), отсутствующими у *спасибо*, *извиняюсь* и *кончено*. Синонимические группировки слов в текстах Зощенко неоднократно образуют лексические объединения, исчерпывающие количественный состав синонимов, которые составляют словарную статью. В ряде случаев такие объединения выходят за пределы словарных статей, в чем убеждает сравнение с материалами синонимических словарей: ССЭ, СС-СП и ССРЯ.

Синонимическую группировку, возглавляемую нейтральным словом *лицо* в его основном значении, образуют по текстам писателя следующие единицы: *лик* (3, 254), *физиономия* (1, 75), *личико* (2, 189), *морда* (3, 172), *мордочка* (2, 156), *харя* (3, 192), *рыло* (1, 220), *рыльце* (3, 310), *рожа* (1, 288), *физия* (1, 334), *мурло* (3, 267), *личность* (1, 37) и *физика* (1, 308). Хотя приведенные слова имеют отношение к одному денотату („передняя часть головы человека”) и их семантическое ядро с этой точки зрения обнаруживает много общего, то они различаются признаками оценочного характера (ср. описание этих слов в указанных словарях русского языка). Приведенные лексические единицы по сравнению со словом возглавляющим, исходным, т.е. доминантой, дифференцируются как своей семантикой, так и стилистической принадлежностью. Слова *морда*, *рожа*, *рыло*, *харя*, *мурло* и *личность* в синонимических словарях сопровождаются пометой „просторечное”, слово *физия* имеет маркер „разговорное”, а *лик* снабжается пометой „традиционно-поэтическое”.

Данный ряд синонимов обогащают в текстах Зощенко слова и выражения, которые не фиксируются в синонимических словарях в понятийном поле *лицо*. Ср. с этой точки зрения отмеченные примеры в следующих контекстах:

² Вопрос о функционировании иноязычных вкраплений в структуре зощенковских текстов подробно анализируется в статье: Вежбиньски 1995.

³ Сокращения названий словарей см. в конце раздела.

Впоследствии обнаружилось, что ему надуло *фотографическую карточку*, и три недели он ходил с *флюсом*. (1, 364)

Побили его даже там за что-то такое. Вернулся назад – не узнать. *Карточку* во как раздуло на правую сторону. (1, 310)

Все, говорю, подходит: и *мордovorot* ваш мне нравится, и лета – одна тыща восемьсот восемьдесят шесть, но не могу [жениться – Я.В.]. Извините – промигал ногу. (1, 177–178)

И вот тогда представители уголовного мира [...] ударили его по *мордасам* и обобрали до последней нитки. (2, 253)

– Я, говорит [...] это дело я так не оставлю. Руки, свои я не хочу пачкать о ваше *хайло*, но подам ко взысканию. (1, 169)

Синонимические словари не фиксируют отмеченных единиц в рассматриваемом понятийном поле с доминантой *лицо*. В контексте рассматриваемых синонимов весьма показательны сочетаемостные возможности соответствующих лексических единиц. В текстах Зощенко засвидетельствованы при слове *лицо* следующие определения: *вдохновенное* (2, 36), *серьезное*, *вдумчивое* (3, 672), *умное и дерзкое* (3, 502), *удивительное – умное*, *грубоватое и совсем не простое* (3, 504), *добродушное* (2, 143), *спокойное, бездумное* (2, 47), *строгое и совсем спокойное* (3, 495), *темное, удивительно красивое* (3, 535), *гладкое* (3, 396), *чистое* (3, 637), *приветливое* (3, 504), *некрасивое, желтое, почти старое* (3, 490), *опухшее* (2, 210), *одутловатое* (2, 214), *тусклое, однообразное* (2, 154), *унылое* (3, 484), *невеселое* (3, 513), *темное, напряженное* (3, 494), *бледное* (3, 508), *растерянное* (2, 140), *изможденное* (2, 40), *измученное, необыкновенно усталое* (3, 630), *заплаканное* (3, 517), *каменное* (3, 544), *морицинистое* (3, 519), *мертвое* (3, 533), *злое, оскорбленное* (2, 195), *загрязненное* (2, 40), *запачканное* (3, 525), *небритое, хмурое* (3, 505), *разбухшее* (3, 687), *брезгливое выражение лица* (2, 51), *оскорбительное выражение лица* (2, 134), *постное лицо* (2, 403), *белое* (1, 98), *серое* (2, 168), *желтое старухино лицо* (2, 136), *желтоватое, увядшее* (2, 214), *коричневое от загара* (3, 502), *рябоватое* (2, 194). Данный перечень значительно обогащает сочетаемость слов по сравнению со словарным материалом (см. определения в УСС).

Воспроизводимость синонимов у Зощенко различная, причем наибольшей частотностью обладают разговорные и просторечные формы. В рассматриваемой группировке лексических единиц выделяется в этом отношении синоним *морда*, который сопровождается множеством определений: *небритая* (3, 261), *немытая* (3, 225), *неинте-*

ресная (2, 231), *жуткая* (1, 508), *распухшая* (3, 176), *вспухшая* (3, 212), *потрепанная* (3, 243), *поколоченная* (3, 382), *развороченная* (2, 229), *выпуклая* (1, 111), *ехидная* (3, 298), *красная* (3, 229), *отчаянно белая* (1, 352), *черная* (1, 350), *лиловая* (3, 257), *цветущая* (3, 216), *грустная* (2, 363), *грустноватая* (2, 362), *подлая* (1, 299), *пьяная* (1, 220), *растроенная* (2, 239), *отечественная* (3, 177).

Хотя остальные синонимы обладают меньшей частотностью и не имеют столь развернутой сочетаемости, то они достаточно выразительны, образны и экспрессивны. Напр.: слово *рыло* сочетается с определениями: *бульенное* (1, 208), *суконное* (1, 289), *кувшинное* (2, 368). В свою очередь, слово *физиономия* получает определения: *лощенная* (2, 315), *ангельская* (3, 166), *надутая* (2, 389–390) и т.д.

В текстах Зощенко небезынтересны смысловые трансформации в кругу синонимичных лексем. Достаточно сравнить с этой точки зрения лексико-семантические варианты, которые отмечаются в МАС для лексемы *морда* и значение в следующем контексте:

Другой бы при всех ситуациях был как стеклышко. А ты чуть что – обнаружил свою *свиную морду*. (3, 383),

т.е. „проявил свое настоящее лицо” (в пейоративном смысле). И следующий пример, в котором иное определение оттеняет пренебрежительное и оскорбительное отношение к адресату:

Торговец с палкой около края ямы говорит [философу – Я.В.]: – А ну, куда вылезашь, подлюга. Вот я тебе сейчас трахану по переносью. Философ... *Ученая морда...* (3, 350)

По текстам Зощенко можно составить обширные ряды синонимов. Такой ряд возглавляет существительное *шум*, для которого ССЕ приводит лишь одно слово *гул*. У писателя выстраиваются следующие синонимические связи: *шум и крики* (2, 413), *шум и вой* (3, 386), *шум и грохот* (3, 266), *шум, визг и крики* (1, 295), *шум, грохот, треск* (1, 323). Синонимические отношения передают также: *крик и вопль* (1, 395), *крики, вопли* (3, 358), *крики, гул* (3, 317), *крики. Тарарам* (3, 304), *визг и крик* (3, 287), *визг и крики* (3, 259), *визг, шум и крики* (1, 295), *треск и шум* (2, 228), *гул, треск, грохот, шум* (2, 393), *Скандал. Крики. Вопли* (2, 453).

Синонимическими отношениями охвачены лексемы *радость* и *веселье*, напр.: *радость и восторг* (2, 212), *радость и счастье* (2, 142), *веселье*

и радость (2, 245), смех и веселье (2, 405), прелесть и радость (2, 114). От них развиваются очередные пары: счастье и удача (2, 124), счастье и слава (2, 37), слава, известность (2, 34), слава, популярность (2, 95) и др.

Значительную активность в этом отношении проявляет также лексема *грусть* и производные от нее слова, ср.: *грусть и печаль* (2, 237), *грустный, печальный* (2, 237), *грустный, скучный* (1, 371), *грустно, уныло* (2, 239). Синонимические связи развиваются в очередных парах: *печальный и томный* (2, 183), *печальное, ужасное* положение (2, 214), *тосковать, грустить* (3, 377), *скучая и грустя* (2, 434), *страдать и огорчаться* (3, 211), *мучиться и страдать* (2, 313).

Рассмотрим другие манифестации синонимических объединений. Понятийное поле *побить (избить)* „нанести удары, побои” заполняют, во-первых, единицы разговорного характера: *поколотить* (3, 391), *оттузить* (2/2, 361)⁴, *отлупцевать* (1, 299), *отхлопать* (3, 375) и, во-вторых, просторечные формы: *отутюжить* (3, 430), *наклепать* (3, 428), *отвозить* (2/2, 361), *накостылять* (1, 488). Тематическую близость к данному ряду синонимов обнаруживают: *ударить* (3, 430), разговорные: *трахнуть* (3, 350), *тиснуть бутылкой* (3, 262) и просторечные: *съездить* (1, 323), *смазать* (1, 323), *ляпнуть* (1, 278), *бьякнуть* (2/1, 57), *хватить* (1, 37), *крыть* (1, 323), *заехать* (3, 190). Такая группировка синонимов, в свою очередь, пересекается со следующими просторечными формами: *тюкнуть* (1, 182), *стукнуть* (1, 195), *угробить* (3, 179), *запороть* (3, 351).

В этот достаточно обширный разряд слов подключаются также другие единицы. В синонимические отношения с глаголом *биться* вступает не только разговорная форма *драться*, но и просторечные выражения: *лезть в морду, лезть в физиономию*. Ср. их контекстное употребление:

А на Кулькова составляют протокол. И потом за мордобой дают ему месяц заключения. И правильно. Нельзя так поступать и горячиться. А уж лучше пожаловаться, чем *лезть в физиономию*. (3, 376)

Давеча, например, я Васькино пальто накинул. [...] Так Васька сразу *в морду лезет*. Дерется. (1, 287)

⁴ Здесь и в дальнейшем при таком описании первая цифра указывает на двухтомное издание, за косой линией указан соответствующий том и страница. См.: М. Зошенко, *Избранное в 2-х т.*, Минск 1983.

Сравнение синонимических группировок, отраженных в текстах Зошенко, с теми, которые отмечены в СС-СП, свидетельствует о расширении синонимических рядов у писателя. Показательны в этом плане следующие контексты с синонимичными словами *наклепать*, *отвозить*, *хлопать*, *смазать*, *крыть*:

Схватились два человека, и слабый человек, то есть совершенно ослабевший, золотушный парнишка, *наклепал* сильному. (3, 428)

И здорово она вас *отвозила*, между нами говоря? (2/2, 361)

И если, говорит, меня натошак по морде еще *хлопать* начнут в этом учреждении, то я, говорит, категорически от этого отказываюсь. (3, 375)

А кухня, знаете, узкая [...] А тут двенадцать человек вперлось. Хочешь, например, одного по харе *смазать* – троих *кроешь*. (1, 322)

Определенный интерес представляют те синонимические группировки, которые извлекаются у Зошенко по отдельным его текстам. В рассказе *Гости* повествуется о вечеринке с крепкими напитками. Их употребление передается следующим образом: *дамы наливались* (1, 363), *старик нажрался* (1, 364), хозяин же – *набрался до полного безобразия* (1, 364). В рассказе *Землетрясение* выстраивается такой ряд выражений: *выкушал полторы бутылки русской горькой* (1, 441), *выпил человек полторы бутылки горькой* (1, 441), *набрался горькой, сильно захмелел* (1, 441), *в дым напиваться* (1, 442).

Зошенковские тексты содержат различные наименования для выражения значения „выпив спиртных напитков, стать пьяным”: *налакаться*, *насосаться* (1, 220), *нахлестаться* (3, 382), *наклюкаться* (2, 398), *набраться* (1, 257), *надраться* (3, 383), *надраться до шариков* (2, 253), *надрызгаться* (2, 279). Приведенные слова и выражения являются просторечными. Некоторые из них не отмечены в синонимических словарях. Языковой материал писателя позволяет внести в этом отношении ряд дополнений. Они могут осуществляться, например, за счет отмеченных единиц в следующих контекстах:

– Некрасиво поступаете, святой отец. Зачем же вы с утра пораньше *надрались*... Вот теперь вы *под мухой* и этим снижаете религиозное настроение у родственников. (2, 318)

И вот они подсели до него. Сказали ему пару комплиментов. И тот, увидев ласку чужих людей, вдохновился, выпил еще и *надрался*, как говорится, *до шариков*. (2, 253)

Состояние опьянения передают также выражения: *сильно под мухой* (1, 269), *слегка под мухой* (2, 422), *перелить через край* (2, 252), *налиться пивом* (2, 305). К отмеченной группировке слов имеет опосредованное значение просторечный глагол *вспрыснуть* в значении „ознаменовать выпивкой какое-либо событие”:

– Не было у тебя лошади, да и эта не лошадь. Ну пропил – эка штука. Зато, браток, *вспрыснул*. Есть что вспомнить (1, 75).

Проиллюстрируем еще синонимический ряд с доминантой *украсть*. Его образуют в текстах Зощенко разговорные слова и просторечные формы: *спереть* (3, 301), *упереть* (1, 493), *хапнуть* (3, 214), *слимонить* (1, 482), *уволочь* (1, 527), *стибрить* (1, 469), *увести* (3, 303), *свистнуть* (3, 304) и др. Их синонимия часто реализуется в рамках предложения или нескольких синтаксических конструкций, расположенных рядом. Ср.:

[...] он строил частные дома и при этом неимоверно разбогател. Ну, может быть, там *хапнул* или вообще *украл*, я не знаю. (3, 214)

В газетах то и дело читаем: то здесь бронзовый памятник *сперли*, то там чугунную решетку *уволкли*. (1, 527)

Недалеко от Жмеринки у одного гражданина *свистнули*, или, как говорится, «увели» чемодан. Дело было, конечно, в скором поезде. И это прямо надо было удивляться, каким образом у него *взяли* этот чемоданчик. (3, 303)

Показательны в произведениях Зощенко также синонимические образования, которые осуществляются по принципу их противопоставления. Контраст в этом случае является своеобразным приемом семантизации одного из синонимов, актуализации его компонентов значения. Проиллюстрируем сказанное следующим примером:

– Она поправилась. [...] Мне нравятся поэтические особы, а она после поправки весь свой стиль потеряла. [...] – А глаза? – говорю. – А глаза, говорит, какие-то у ней *буркалы* стали, а не *глаза*. Никакой поэзии не осталось. (2, 239)

Отмеченные слова различаются функционально-стилистически: „просторечное” / „общеупотребительное”. Противопоставление этих лексем не имплицитно, а эксплицитно, в смысловой поляризации. Реализуется противопоставление в пределах одного понятия; уточняется один и тот

же референт, которым является орган зрения. Осуществляется значение „некрасивые глаза”, в границах которого могут актуализироваться, например, семы: ‘выпученные’, ‘вытаращенные’ глаза; глаза ‘навыкате’. Возможны также другие коннотации, допускается проявление иных смысловых оттенков при характеристике глаз: ‘мутные’, ‘тусклые’, ‘невыразительные’, ‘впавшие’ и т.д. Прием противопоставления синонимов несомненно оживляет слог, обогащает его, наделяет речь эмоциональностью и экспрессивностью.

Значительным фрагментом зощенковского словоупотребления являются также антонимические реализации. В определенной мере это системные оппозиции, традиционно отмеченные в антонимических словарях: САВ, САК и САЛ, напр.: *счастье – несчастье* (3, 290), *старый – молодой* (3, 237), *старость – молодость* (2/2, 392), *светлый – темный* (3, 189), *живой – мертвый* (2, 335), *добро – зло* (3, 187), *удача – неудача* (3, 370), *умный – глупый* (3, 356), *бедный – богатый* (1, 67), *бедняк – богатый* (3, 354), *нищий – богач* (3, 396), *грубо – нежно* (2, 341), *любить – ненавидеть* (2, 283), *реальность – нереальность* (3, 389), *благородный – неблагородный* (1, 247), *грамотный – неграмотный* (2, 291), *интересно – неинтересно* (2, 441).

Однако Зощенко неоднократно такие словарные антонимы подвергает семантическим модификациям. В этом случае антонимичные определения относятся к разным понятиям, что приводит к нестандартным контрастам, напр.:

У них [в больнице – Я.В.] *маленькие* больные, как правило, были в *больших* рубашках, а *большие* в *маленьких*. (2, 269)

Первый компонент оппозиции в данном контексте обозначает ‘невысокого роста’, второй – ‘размер указанного вида одежды’. Рассмотрим также другие примеры:

[...] удивительно читать эти *маленькие* заметки о *больших* и замечательных людях. Они отдали свою жизнь, для того чтобы перестроить старый мир крови, слез и огорчений. (3, 410)

В данном случае определение *маленькие* обозначает ‘небольшие, скорее короткие записи’, определение же *большие* характеризует ‘значительных, выдающихся людей, которые отличились мужеством, отвагой, успехами в определенной сфере деятельности.

В своем письме М. пишет: «Я убедительно прошу вас сличить эти два варианта моего рассказа. И вы увидите, как может *плохой* и неопытный редактор испортить *хорошее* произведение. Вот где, по-моему, беда нашей литературы». (2, 467)

Противопоставление *плохой* – *хороший* реализует смыслы ‘заслуживающий порицания из-за своей некомпетентности’ и ‘отличающееся художественностью и заслуживающее высокой оценки’.

[...] просим у читателя сердечное извинение и за натурализм, и за *мелкую* философию на *глубоком* месте. (2, 439)

В данном случае *мелкий* обозначает поверхностность выводов, *глубокий* определяет важность и значимость дела.

Такого типа противопоставления в лингвистической литературе определяются как антонимы, несоотносительные в понятийном плане (Введенская 1981). В приведенных нами контекстах противопоставляемые слова функционируют, по существу, как неантонимичные семемы, поскольку вступают в сочетание со словами разных понятийно-тематических групп. Нарушается, таким образом, принцип единства антонимического противопоставления, разрываются линейные связи соотносимых семем. Однако «отсутствие логико-семантической соотносительности понятий не мешает воспринимать противопоставляемые в речи слова как антонимы» (Введенская 1981: 40). Данный прием антонимизации слов имеет прежде всего художественно-речевую природу. При помощи таких оппозиций Зощенко разнообразит способы поэтического выражения содержания в своих произведениях.

Не менее показательны в текстах Зощенко сочетания оксюморонного типа. Примеры:

Недавно Володьке Гусеву припаяли на суде. Его признали отцом младенца с обязательным отчислением третьей части жалования. *Горе* молодого *счастливого отца* не поддается описанию. [...] – Мне, – говорит, – на младенцев завсегда противно было глядеть. (1, 317);

Девушка висла на его руке, щебеча про свои невинные мелкие делишки и про то, что многие *женатые кавалеры* вообще стремятся к разным несбыточным фантазиям, но что она, несмотря на теперешнюю некоторую распушенность, глядит все же совершенно иначе. (2, 158)

В первом примере обращает на себя внимание выражение *горе счастливого отца*, где сочетаются слова, которые обычно не вступают в синтагматические связи. Это своеобразный парадокс, чтобы оказаться в роли счастливого отца и одновременно испытывать горе по этому поводу. Такие понятия в одном ряду исключают друг друга.

Нестандартное также выражение *женатые кавалеры* во втором примере. Нормативное, словарное толкование слова *женатый* это состоящий в браке, т.е. имеющий жену, а значение слова *кавалер* в данном случае это скорее свободный, т.е. неженатый мужчина, который ухаживает за дамой, ее поклонник. Объединение в одном ряду данных смыслов имеет противоречивый характер, поскольку повествование касается поведения женатого мужчины.

Оксюморонный характер выражений могут иллюстрировать также следующие примеры:

Дело случилось, конечно, в Екатеринославле. В доме по Чумацкому переулку. Может, знаете – третий дом от угла, *двухэтажный такой небоскреб*. (1, 495)

[...] отстраивается дом в виде *небольшого небоскреба-халупы*, в котором людям как-то неважно живет. (2, 376)

[...] он выразил желание, чтоб она непременно где-нибудь служила. Поскольку он сам на себя не надеялся, создавая *слабые, маловысокохудожественные книги*, не отражающие в полной мере величие эпохи. (3, 425)

Например, представьте себе набор таких, я бы сказал, *простых и маловысокохудожественных слов*: Вот бегают дворовый мальчик, / В салазки жучку посадив... / Шалун уж заморозил пальчик... (2, 419)

Отмеченные выражения в нормативной речи не встречаются, зато становятся выразительным художественно-речевым приемом в текстах Зощенко, которые могут быть с оксюморонным заголовком, как напр.: *Живой труп*⁵ (*Истинное происшествие*).

Зощенко в своих произведениях нередко расширяет семантические возможности слов за счет функционирования их вопреки принятым, узуальным смыслам. В этом случае имеем дело с внутрисловной ан-

⁵ Заметен здесь, конечно, параллелизм с пьесой Льва Толстого с таким же заголовком.

тонимией (энантиосемией)⁶. Данный прием иллюстрируют следующие примеры:

Там уж все съели, и ему подают лишь стакан чаю и какие-то пустяки. ***, расстроившись от такой подачи, думает про себя: «Ничего! Я ему тоже *хороший* подарок преподнес. Он у меня теперь, свинья, побеждает!» И снова в хорошем настроении уходит домой. (3, 314)

– Мне же, говорит, морду набили, меня же и судить будут. Очень, говорит, удивительно – какие *хорошие* юристы попались! (2, 371)

[...] у нас коварство, конечно, есть. И даже у нас специальные названия подобрали для обозначения этого – двурушники, комбинаторы, авантюристы, аферисты, арапы и так далее. Из чего вполне видать, что у нас этого *добра* еще достаточно. (3, 299)

– Квартиру вы мне не предоставили. А теперь вы, собаки, около моей двери шум поднимаете и разбили мне окно. Очень это *красиво*, благодарю вас. (2, 325)

Антонимические образования составляют семантическое ядро ряда произведений писателя. Смысловое противопоставление понятий осуществляется в структуре его текстов как непосредственно, по словарным моделям, так и нестандартным путем. Своеобразный прием антонимизации обнаруживается в названиях некоторых текстов. Заголовок при своей семантической сжатости, иной раз имплицитности смысла, все же ориентирует на определенное развертывание текста, на его содержание. Зощенковские заголовки: *Счастливое детство*, *Приятные встречи*, *Родные люди*, *Об уважении к людям*, *Богатая жизнь*, *Любовь*, *Легкая жизнь*, *Чудный отдых* и др. настраивают достаточно определенно на движение смысла соответствующих текстов. Однако семантическая заявка приведенных названий по мере движения текстов превращается в свою противоположность. Их смысл не соответствует тому содержанию, которое узואльно заключено в заглавных словах. То значение, которое сконцентрировано в структуре текстов, порождает специфическую заглавную энантиосемию. Такие неожиданные контрасты индивидуализируют речь, наделяя ее эмоциональностью и экспрессивностью.

⁶ Сущность данного типа антонимии и причины ее развития рассматривают, напр.: Балалыкина 1985; Горелов 1986.

В связи с рассматриваемыми категориями лексической семантики в текстах Зощенко целесообразно отметить тот факт, что в его произведениях неоднократно на синонимические связи слов наслаиваются отношения антонимии. Ср. такую реализацию в следующих контекстах:

Оно [коварство – Я.В.] посещало *пышные дворцы и великолепные чертоги*. Оно заглядывало в *бедные хижины и жалкие лачуги*. И дух его присутствовал то там, то там. (3, 299)

Мы видим, как наряду с *жалкими и низкими* поступками происходят *удивительные* поступки, достойные наивысшего на звание и одобрения. (3, 422)

Может, и в самом деле надо писать легко и весело [...] Чтoб дорогой покупатель из книг черпал бы *бодрость и радость*, а не *тоску и уныние*. (2, 125)

Синонимо-антонимические отношения в этих примерах отличаются от традиционной схемы таких контактов. Отметим сразу, что слова, вступающие непосредственно и регулярно в подобные связи, не обладают той выразительностью, которая обеспечивается нарушением стандартных отношений. Отклонения от словарных образцов, тем более синонимов и антонимов в двуединстве, приводят к выдвигению семантических признаков, характеризующих явлений, и значительно повышают художественную образность. Часто в таких синонимо-антонимических объединениях участвуют фразеологизмы, ср.:

[...] прочитав историю, мы заметили, что даже при таком делении [жизни на хорошую и плохую – Я.В.] *хорошего* было слишком *мало*, а *плохого* было достаточно повсюду и *куда ни плюнь*. (3, 187)

Просторечное выражение в приведенном комментарии *куда ни плюнь* обозначает, что в человеческих судьбах в разные периоды и эпохи плохого было много, так что данный фразеологизм вступает в отношения противоположности с антонимом *мало*.

В заключение данного обзора об особенностях синонимов и антонимов в произведениях Зощенко, отметим следующие положения:

Соотносимость с определенным референтом в представленных рядах синонимов переплетается каждый раз с функцией дифференцирующей. Последняя выражается оттенками значения в пределах

соответствующего понятия. Различиям в степени интенсивности проявления данного признака или в разном объеме значения часто сопутствуют различия в эмоционально-экспрессивной окраске слов или в их стилевой принадлежности.

Своеобразие синонимических и антонимических образований у Зошенко предопределяется в большой степени избытком в его произведениях обиходно-разговорной, жаргонной, диалектной и просторечной лексики. Многие синонимические и антонимические образования объясняются условиями контекста, что приводит к обновлению устоявшихся моделей синонимии и антонимии, к семантическим сдвигам в структуре слов и к расширению смысловых контактов слов. Поэтому как синонимические, так и антонимические образования являются весьма существенным звеном в системе слагаемых зошенковского идиостиля.

Предложенная нами разработка ни в коей мере не претендует на полное решение вопросов, связанных с функционированием синонимов и антонимов в ткани художественных произведений Зошенко. Анализ языкового материала в этой области ждет своего продолжения и дальнейшего обоснования.

Принятые сокращения названий словарей

МАС – *Словарь русского языка в 4-х т.*, изд. 2-е, испр. и доп., под ред. А.П. Евгеньевой, Москва 1981–1984.

СAB – Введенская Л.А., *Словарь антонимов русского языка*, изд. 2-е, испр. и доп., Ростов-на-Дону 1982.

САК – Колесников Н.П., *Словарь антонимов русского языка*, под ред. Н.М. Шанского, Тбилиси 1972.

САЛ – Львов М.Р., *Словарь антонимов русского языка*, под ред. Л.А. Новикова, Москва 1978.

ССЕ – *Словарь синонимов русского языка в 2-х т.*, под ред. А.П. Евгеньевой, Ленинград 1970–1971.

ССРЯ – З.Е. Александрова, *Словарь синонимов русского языка*, изд. 2-е, стереотип., под ред. Л.А. Чешко, Москва 1969.

СС-СП – *Словарь синонимов. Справочное пособие*, под ред. А.П. Евгеньевой, Ленинград 1975.

УСС – *Учебный словарь сочетаемости слов русского языка*, под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина, Москва 1978.

Источники

Зощенко М., *Собрание сочинений в 3-х т.*, Ленинград 1986–1987.

Зощенко М., *Избранное в 2-х т.*, Минск 1983.

Библиография

Балалыкина Э.А. (1985), *Энантисемия как лексико-грамматическое явление*, „Przegląd Rusycystyczny”, z. 1–2, с. 75–84.

Введенская Л.А. (1981), *Антонимы, несоотносительные в понятийном плане*, [в:] *Парадигматические и синтагматические отношения в лексике и фразеологии*, Ростов-на-Дону, с. 39–46.

Вежбиньски Я. (1995), *Слово в структуре художественных текстов Михаила Зощенко. Языковые деформации*, „Slavica Quinqueecclesiensia” I, Pécs, с. 163–173.

Вежбиньски Я. (1995), *Иноязычные вкрапления в русской художественной литературе (на материале произведений Михаила Зощенко)*, „Beiträge zur Slavistik“ 27: *Innerslavischer und slavisch-deutscher Sprachvergleich*, H. Jelitte, T. P. Troškina (Hrsg.), Frankfurt am Main–Berlin–Bern–New York–Wien, с. 241–253.

Вежбиньски Я. (1999), *О семантике и стилистике синонимических образований в творчестве Михаила Зощенко*, „Beiträge zur Slavistik“ 39: *Textsemantik und Textstilistik*, H. Jelitte, J. Wierzbński (Hrsg.), Frankfurt am Main–Berlin–Bern–New York–Paris–Wien, с. 161–169.

Горелов И. (1986), *Энантисемия как столкновение противоречивых тенденций языкового развития*, «Вопросы языкознания», № 4, с. 86–96.

Ершов Л.Ф. (1973), *Из истории советской сатиры. М. Зощенко и сатирическая проза 20–40-х годов*, Ленинград.

Захариева И. (1989), *Рассказы Михаила Зощенко*, «Болгарская русистика», № 1, София, с. 9–19.

Крепс М. (1986), *Техника комического у Зощенко*, Benson, Vermont.

Молдавский Д.М. (1977), *Михаил Зощенко. Очерк творчества*, Ленинград.

Муромский В.П., Семкин А.Д. (ред.) (2015), *Творчество Михаила Зощенко. Новые материалы. Исследования. Библиография: Сб. статей*, Санкт-Петербург.

Рубен Б. (2006), *Зощенко. Серия: Жизнь замечательных людей*, Москва.

Синявский А. (1989), *Мифы Михаила Зощенко*, «Вопросы литературы», № 2, с. 50–67.

Старков А. (1974), *Юмор Зощенко*, Москва.

Томашевский Ю. (1992), *Пятнадцать минут из жизни Музы*, «Столица», № 8, с. 61–62.

Чудакова М.О. (1979), *Поэтика Михаила Зощенко*, Москва.

- Drawicz A. (1974), *Aż do kresu ironii (Michał Zoszczenko)*, [w:] A. Drawicz, *Zaproszenie do podróży. Szkice o literaturze rosyjskiej XX wieku*, Kraków, s. 46–73.
- Grau M. (1986), *Нарушения лексической, лексико-семантической и семантической сочетаемости в рассказах двадцатых годов М.М. Зощенко*, „Hamburger Beiträge für Russischlehrer“, Bd. 35, Hamburg, s. 67–79.
- Jackiewicz M. (1991), *Elementy groteski w krótkich opowiadaniach Michaiła Zoszczenki*, [w:] *Małe formy w literaturze rosyjskiej. Słowo w tekście rosyjskim. Literaturoznawstwo*, Olsztyn, s. 97–105.
- Mucha W. (1985), *Opowiadania satyryczne i humorystyczne Michaiła Zoszczenki (1921–1932). Z zagadnień poetyki i komunikacji literackiej*, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź.
- Pyykkö R. (1993), *Отражение лексических изменений послереволюционного периода в рассказах Михаила Зощенко*, „Studia Slavica Finlandensia“, Tomus X, Helsinki, s. 119–131.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Проведенный нами анализ раскрывает феномен зощенковского слога с различных точек зрения и в различных его проявлениях. Структура книги подчинена анализу творческих аспектов языка художественных произведений Михаила Зощенко. Анализ позволяет проникнуть отчасти в глубинный смысл его сочинений с тем, чтобы раскрыть сложную и многогранную систему языковых средств, а также подтекстных связей.

Поиски речевых средств в творчестве Зощенко осуществляются в различных направлениях. В суммарном изложении они сводятся к следующим показателям:

Во-первых, действенным языковым приемом в произведениях писателя является скрещивание разных стилистических традиций. Особых эффектов Зощенко достигает путем пересечения языковых структур, которые различаются в хронологическом и функционально-стилистических планах. С этой целью он прибегает к письменным источникам, а также историческим экскурсам и сообщениям;

Во-вторых, незаурядных результатов писатель достигает использованием значащих наименований – имен и фамилий исторических личностей с нарушением устоявшихся языковых моделей (стилистический прием антономазии). В итоге такие номинации звучат диссонансом в сравнении с официальными и общепринятыми названиями их носителей;

В-третьих, слог писателя в немалой степени предопределяется достаточно произвольным совмещением русской и иноязычной, а вернее квазииноязычной лексики, к чему регулярно прибегает его повествователь. Словесные объединения по этой причине доведены зощенковскими героями до семантических искажений вплоть до абсурда;

В-четвертых, наблюдается переосмысление слов и выражений в речи его персонажей; часто они лишаются своего нормативного значения. Заметна при этом смысловая несообразность и синтаксическая неслаженность многих контекстов. Часты нарушения языкового регламента, к которым прибегают его герои. Такие деформации заметны на всех уровнях языка;

В-пятых, своеобразие зощенковской фразы обусловлено функционально-стилистическим размежеванием словаря и нестандартным сце-

плением слов, а также расширением семантических контактов слов. Различные слова и выражения обрастают у Зощенко непривычными смыслами, подвергаются переосмыслению;

В-шестых, самобытность зощенковского слога в немалой степени обусловлена использованием повествовательной формы сказа, которая предоставляет различные возможности словесной организации речи. Стилистику сказа определяют в основном приемы лексических повторов, плеонастические выражения, деминутивные и аугментативные образования, а также различные просторечные формы и разговорные синтаксические построения;

В-седьмых, образным звеном в системе поэтических средств Зощенко являются антонимические и синонимические образования. В ряду первых наиболее показательны антонимы, несоотносительные в понятийном плане, энантиосемия и построения оксюморонного характера. Синонимические образования, в свою очередь, богаты смысловыми трансформациями и развернутой сочетаемостью.

Искусство Зощенко направлено на контрастное сопоставление и ломку традиционных объединений слов. Поэтическое слово подвергается у писателя своеобразной трансформации и значительным сдвигам, становясь часто элементом вербальной игры. Произведения Зощенко – это безусловно манифестация средств собственной выразительности слова, хотя в его творчестве скрещиваются лучшие литературные традиции, идущие от Николая Гоголя, Михаила Салтыкова-Щедрина, Антона Чехова и других художников словесного искусства.

БИБЛИОГРАФИЯ

а. Работы автора по теме книги¹

1. *Заметки о языке и стиле Михаила Зоценко (лингвистический аспект)*, „Болгарская русистика” 1991, № 4, София, с. 31–41.
2. *Michail Zoszczenko – burzyciel stalinowskiego „sacrum”*, „Literatura na Świecie” 1993, nr 10, с. 196–207 (соавтор: T. Stepnowska).
3. *Zmiażdżony prześmiewca, czyli słów kilka o Michaile Zoszczence*, „Przekrój” 1993, nr 19, с. 18–19 (соавтор: T. Stepnowska).
4. *Иноязычные вкрапления в русской художественной литературе (на материале произведений Михаила Зоценко)*, „Beiträge zur Slavistik“, t. XXVII: *Innerslavischer und slavisch-deutscher Sprachvergleich*, H. Jelitte, T.P. Troškina (Hrsg.), Frankfurt am Main–Berlin–Bern–New York–Paris–Wien 1995, с. 241–253.
5. *Język utworów Michaila Zoszczenki w konfrontacji przekładowej*, „Slavia Orientalis” 1995, nr 2, t. XLIV, с. 239–250.
6. *Świadomość językowa bohaterów Michaila Zoszczenki a kwestia cudzoziemców*, [В:] *Streszczenia odczytów: XII Konferencja Międzynarodowej Komunikacji Językowej oraz Sympozjum Sekcji Indoeuropejskiej Polskiego Towarzystwa Filologicznego nt. „Idee, działalność i dorobek niezależnych stowarzyszeń uniwersyteckich: Ausra i Philokaloï”*, Łódź 25–27 listopada 1994, Łódź 1995, с. 14–15.
7. *Projekcja „Ruskiej Prawdy” w „Niebieskiej księdze” Michala Zoszczenki (aspekt lingwistyczny)*, „Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica” 1995, z. 33, с. 91–99.
8. *Слово в структуре художественных текстов Михаила Зоценко. Языковые деформации*, „Slavica Quinqueecclesiensia” I, Pécs 1995, с. 163–173.
9. *«Русская Правда» в «Голубой книге» Михаила Зоценко (Лингвистический аспект)*, „Beiträge zur Slavistik“, Bd. XXIX: *Das Adjectiv im Russischen. Geschichte, Strukturen, Funktionen*, H. Jelitte, E.A. Balalykina (Hrsg.), Frankfurt am Main–Berlin–Bern–New York–Paris–Wien 1996, с. 147–156.
10. *Manifestowanie się nowomowy w tekstach Michaila Zoszczenki*, „Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica” 1996, z. 35, с. 87–98.

¹ Автор обобщил в книге тот материал, который частично отражен в сборниках и периодических изданиях как в Польше, так и за рубежом: в России, Беларуси, Литве, Болгарии, Венгрии, Чехии и Германии.

11. *Языковое своеобразие произведений Михаила Зоценко*, „Beiträge zur Slavistik“, Bd. XXXVII: *Slavistische Studien zum XII. Internationalen Slavistenkongreß in Krakau 1998*, H. Jelitte (Hrsg.), Frankfurt am Main–Berlin–Bern–New York–Paris–Wien 1998, с. 301–308.
12. *Uwielbiany i pogardzany, czyli żywa legenda Michaila Zoszczenki*, „Literatura” 1998, nr 4, с. 27–29 (соавтор: T. Stepnowska).
13. *Борис Шекспир – в поисках секретов зоценковского слога*, [в:] *Teksto analize irinterpretacija. Tarptautines konferencijos pranešimai Šiauliai, 1998 m. lapkričio 11–12 d.*, Šiauliai 1998, с. 142–146.
14. *Цитата в структуре «Голубой книги» Михаила Зоценко*, [в:] *Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе (проблемы теоретической и исторической поэтики). Материалы международной научной конференции 15–17 апреля 1998 г. в Гродненском государственном университете, в 2 частях*, Гродно 1998, часть 1, с. 110–115.
15. *О семантике и стилистике синонимических образований в творчестве Михаила Зоценко*, „Beiträge zur Slavistik“, Bd. XXXIX: *Textsemantik und Textstilistik*, H. Jelitte, J. Wierzbński (Hrsg.), Frankfurt am Main–Berlin–Bern–New York–Paris–Wien 1999, с. 161–169.
16. *Kontaminacja nazw osobowych w utworach Michała Zoszczenki*, „Beiträge zur Slavistik“, Bd. XXXIX: *Textsemantik und Textstilistik*, H. Jelitte, J. Wierzbński (Hrsg.), Frankfurt am Main–Berlin–Bern–New York–Paris–Wien 1999, с. 91–100.
17. *Stylistyczny fenomen języka artystycznego Michała Zoszczenki*, Wydawnictwo UŁ, Łódź 1999, 176 с.
18. *Своеобразии черты на Зошченковия стил. Отклонения от езиковия регламент*, „Foreign Language Teaching Journal / Чуждоезиково обучение” 1999, № 1, Sofia, с. 56–62.
19. *Typowe i niekonwencjonalne kontrasty leksykalne w utworach Michaila Zoszczenki (Uwagi wstępne)*, „Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica” 1999, z. 39, с. 95–101.
20. *O idiolekcie artystycznym Michała Zoszczenki. Uwag kilka o strukturach kolokwialnych*, „Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica” 2000, z. 2, с. 107–116.
21. *Komizm a idiolekt artystyczny Michała Zoszczenki*, „Stylistyka” 2001, t. X, с. 431–442.
22. *Słowo w języku artystycznym Michała Zoszczenki*, „Beiträge zur Slavistik“, Bd. XLVII: *Slovo v tekste, perevode i slovare*, Frankfurt am Main–Berlin–Bern–Bruxelles–New York–Oxford–Wien 2002, с. 199–210.
23. *Композиционно-коммуникативная структура зоценковского текста (на материале рассказа «Обезьяний язык»)*, [в:] *Aktualne problemy semantyki i stylistyki tekstu (studia opisowe i komparatywne)*, red. J. Wierzbński, Łódź 2004, с. 119–124.

24. *Думата в художествения език на Михаил Зошченко*, „Български език” 2005, кн. 1, с. 105–111.
25. *On Specific Features of Idiolect in Mikhail Zoshchenko's Literary Works*, „Zeszyty Naukowe PWSZ w Płocku, Neofilologia” 2006, t. 9, Płock, с. 75–82.
26. *Своеобразие зощенковского слога. Отклонения от языкового регламента*, „Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica” 2007, z. 3, с. 177–185.
27. *Intertekstualność z perspektywy interpretacyjnej dzieła literackiego (na materiale utworów Michaila Zoszczenki)*, [в:] *Świat wartości w literaturze. Tom jubileuszowy dedykowany Profesor Oldze Główko*, red. E. Sadzińska, A. Szymańska, Łódź 2009, с. 173–182.
28. *Исторический дискурс в литературном тексте Михаила Зощенко (лингво-культурологический аспект)*, [в:] *Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании. Сборник научных статей*, вып. 8, т. 1, Москва 2009, с. 247–251.
29. *Синтаксическая структура зощенковского сказа (к постановке вопроса)*, [в:] *Rossica Olomuciensia XLVIII. Sborník příspěvků z mezinárodní konference. XX. Olomoucké Dny Rusistů 02.09.–04.09.2009*, Olomouc 2009, с. 55–58.
30. *Лексический повтор и синтаксический параллелизм в структуре художественных текстов Михаила Зощенко*, [в:] *Ученые записки Московского гуманитарного педагогического института*, т. 9, Москва 2011, с. 343–350.
31. *Zagadnienie komunikacji tekstowej z perspektywy utworów literackich Michaila Zoszczenki*, [в:] *Komunikatywizm – przyszłość nauki XXI wieku*, red. G. Hnabrjaska, Łódź 2016.

6. Литература о языке и творчестве М. Зощенко

- Ардов 1992 – Ардов М., *Феномен Зощенко*, «Столица» 1992, № 8, с. 56–60.
- Астафьев 2012 – Астафьев А.Ю., *Окказионализмы в рассказах М.М. Зощенко*, «Русская речь» 2012, № 4, с. 25–26.
- Аулов 1998 – Аулов А.М., *Рассказы М. Зощенко 20-х годов. Проблема жанра и стиля*, Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Москва 1998.
- Барсукова 2004 – Барсукова О.А., *Музыка, живопись и театр в прозе М. Зощенко*, Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Барнаул 2004.
- Белая 1975 – Белая Г., *Умная ирония Зощенко*, «Новый мир» 1975, № 9, с. 258–262.
- Брякин 1981 – Брякин В.В., *Речевые средства создания комического в сказке: (На материале рассказов М. Зощенко)*, Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Москва 1981.
- Бурдин 1974 – Бурдин В.И., *Идейно-художественное своеобразие рассказов Михаила Зощенко 20-х годов*, «Ученые записки Пермского педагогического института, т. 140. *Метод и творческая индивидуальность писателя в советской литературе*, вып. 3, 1974, с. 87–103.

- Вертянкина** 2001 – Вертянкина Н.Н., *Поэтика анекдота в рассказах М.М. Зощенко 1920-х годов*, Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Самара 2001.
- Виноградов** 1928 – Виноградов В.В., *Язык Зощенки (Заметки о лексике)*, [в:] *Михаил Зощенко. Статьи и материалы*, Ленинград 1928, с. 51–92.
- Гор** 1981 – Гор Г., *На канале Грибоедова, 9*, [в:] *Михаил Зощенко в воспоминаниях современников*, Москва 1981, с. 153–168.
- Гранин** 1988 – Гранин Д.А., *Мимолетное явление*, «Огонек» 1988, № 6, с. 9–11, 29.
- Гринева** 1974 – Гринева Г., *У Михаила Зошенко*, «Вопросы литературы» 1974, № 7, с. 316–319.
- Гулыга** 1988 – Гулыга А., *Разум побеждает (О научно-художественных повестях М. Зощенко)*, [в:] М. Зощенко, *Возвращенная молодость, Голубая книга, Перед восходом солнца: Повести*, Ленинград 1988, с. 700–715.
- Гуль** 1993 – Гуль Р., *Михаил Зощенко*, «Дружба народов» 1993, № 8, с. 201–203.
- Даниленко** 2011 – Даниленко В.П., *На грани науки и искусства. О книге М.М. Зощенко «Перед восходом солнца»*, «Вестник Иркутского государственного лингвистического университета» 2011, № 1, с. 6–10.
- Даренская** 2000 – Даренская Н.А., *Проза М.М. Зощенко в литературном контексте XIX–XX вв.*, Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Барнаул 2000.
- Думченко** 2004 – Думченко О.Е., *Рецептивный эффект «своего писателя» в творчестве М.М. Зощенко*, Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Томск 2004.
- Дымшиц** 1974 – Дымшиц А., *О Михаиле Зощенко*, [в:] М. Зощенко, *Рассказы*, Москва 1974, с. 3–10.
- Дымшиц** 1978 – Дымшиц А., *О Михаиле Зощенко*, [в:] М. Зощенко, *Избранное в двух томах*, т. 1, Ленинград 1978, с. 3–27.
- Дымшиц** 1981 – Дымшиц А., *Человек, который не смеялся*, [в:] *Михаил Зощенко в воспоминаниях современников*, Москва 1981, с. 232–241.
- Ершов** 1973 – Ершов Л.Ф., *Из истории советской сатиры. М. Зощенко и сатирическая проза 20–40-х годов*, Ленинград 1973.
- Ершов** 1983 – Ершов Л., *Михаил Зощенко*, [в:] М. Зощенко, *Избранное в двух томах*, т. 1, Минск 1981, с. 3–26.
- Жолковский** 2007 – Жолковский А.К., *Михаил Зощенко: поэтика недоверия*, изд. 2-е, испр., Москва 2007.
- Жолнина** 2006 – Жолнина Е.В., *Философия истории в «Голубой книге» М.М. Зощенко*, «Вестник молодых ученых. Серия: Филологические науки» 2006, № 1, с. 15–20.
- Жолнина** 2007 – Жолнина Е.В., *«Голубая книга» М.М. Зощенко: текст и контекст*, Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Санкт-Петербург 2007.
- Журбина** 1974 – Журбина Ю., *Повесть с двумя сюжетами*, Москва 1974.
- Журбина** 1981 – Журбина Ю., *Пути исцеления*, [в:] *Михаил Зощенко в воспоминаниях современников*, Москва 1981, с. 137–144.

- Захариева 1989 – Захариева И., *Рассказы Михаила Зощенко*, «Болгарская русистика» 1989, № 1, с. 9–19.
- Зощенко 1928 – Зощенко М.М., *О себе, о критиках и о своей работе*, [в:] Михаил Зощенко. *Статьи и материалы*, Ленинград 1928, с. 5–11.
- Зощенко 1981 – Зощенко В., *Так начинал М. Зощенко*, [в:] Михаил Зощенко в воспоминаниях современников, Москва 1981, с. 67–90.
- Исаева 2012 – Исаева Л.А., *Коммуникативный и коннотативный аспекты книжных лексических и фразеологических единиц в художественных текстах (на материале рассказов М.М. Зощенко)*, Назрань 2012.
- Карякин 1988 – Карякин Ю., «Ждановская жидкость» или против очернительства, «Огонек» 1988, № 19, с. 25–27.
- Каверин 1981 – Каверин В., *Молодой Зощенко*, [в:] Михаил Зощенко в воспоминаниях современников, Москва 1981, с. 91–109.
- Колева 2013 – Колева И.П., *Михаил Зощенко: искусство пародии: традиции отечественной юмористики XIX века в творчестве М.М. Зощенко*, Москва 2013.
- Крепс 1986 – Крепс М., *Техника комического у Зощенко*, Benson, Vermont 1986.
- Кротова 2010 – Кротова Д.В., «Голубая книга» М.М. Зощенко как симфония, «Вестник Московского университета. Серия 9: Филология» 2010, №5, с. 121–134.
- Курошина 2009 – Курошина З.В., *Проблема чистоты русского языка в рассказе М. Зощенко «Обезьянин язык»*, «Русский язык в школе» 2009, № 4, с. 43–46.
- Лавут 1981 – Лавут П., *Неповторимый рассказчик*, [в:] Михаил Зощенко в воспоминаниях современников, Москва 1981, с. 200–211.
- Ленч 1981 – Ленч Л., «Живой с живыми...», [в:] Михаил Зощенко в воспоминаниях современников, Москва 1981, с. 242–252.
- Лифшиц 1981 – Лифшиц В., *Последняя встреча*, [в:] Михаил Зощенко в воспоминаниях современников, Москва 1981, с. 253–262.
- Лысаков 1995 – Лысаков П., «Возвращенная молодость» Михаила Зощенко как текстовое целое: структура, контекст и интерпретация, «Русский текст» 1995, № 3, с. 118–125.
- Малинин 1994 – Малинин Н., *Сделавший шаг от смешного к великому*, «Столица» 1994, № 28, с. 55.
- Меттер 1981 – Меттер И., *Свидетельство современника*, [в:] Михаил Зощенко в воспоминаниях современников, Москва 1981, с. 169–180.
- Милашевский 1970 – Милашевский В., *В доме на Мойке. Из записок художника*, «Звезда» 1970, № 12, с. 187–201.
- Молдавский 1970 – Молдавский Д.М., *Повести М. Зощенко конца 20-х–30-х годов*, «Русская литература» 1970, № 4, с. 37–61.
- Молдавский 1975 – Молдавский Д.М., *Последние рассказы Михаила Зощенко. К восьмидесятилетию со дня рождения писателя*, «Нева» 1975, № 8, с. 204–207.

- Молдавский 1977 – Молдавский Д.М., *Михаил Зоценко. Очерк творчества*, Ленинград 1977.
- Молдавский 1987 – Молдавский Д.М., *Об одной повести Михаила Зоценко, «Нева»* 1987, № 7, с. 161–166.
- Молдавский 1987 – Молдавский Д.М., *Превышавший обычную меру*, «Звезда» 1987, № 12, с. 177–184.
- Мунблит 1981 – Мунблит Г., *Слезы сквозь смех*, [в:] *Михаил Зоценко в воспоминаниях современников*, Москва 1981, с. 181–199.
- Муромский, Семкин (отв. ред.) 2015 – *Творчество Михаила Зоценко. Новые материалы. Исследования. Библиография: сб. статей*, отв. ред. В.П. Муромский, А.Д. Семкин, Санкт-Петербург 2015.
- Поляков 1981 – Поляков В., *Зоценко заменить нельзя*, [в:] *Михаил Зоценко в воспоминаниях современников*, Москва 1981, с. 181–199.
- Рахманов 1981 – Рахманов Л., *«Уважаемые читатели!»*, [в:] *Михаил Зоценко в воспоминаниях современников*, Москва 1981, с. 212–227.
- Ридзевская (сост.) 2010 – *Мир уцелел, потому что смеялся. Ко дню рождения Михаила Зоценко*, составитель Т.В. Ридзевская, ред. В.В. Жучкова, Уфа 2010.
- Рубен 2001 – Рубен Б., *Алиби Михаила Зоценко*, Москва 2001.
- Рубен 2006 – Рубен Б., *Зоценко* (Серия: Жизнь замечательных людей), Москва 2006.
- Салагаев 1973 – Салагаев В., *О стилистико-синтаксической композиции сатирических рассказов Михаила Зоценко*, [в:] *Филологический сборник*, вып. 12, Алма-Ата 1973, с. 238–245.
- Салагаев 1975 – Салагаев В.Г., *О стилистической системе М. Зоценко*, [в:] *Русское языкознание*, вып. 3, Алма-Ата 1975, с. 22–28.
- Сарнов, Чуковская 1988 – Сарнов Б., Чуковская Ю., *Случай Зоценко (Повесть в письмах и документах с прологом и эпилогом, 1946–1958)*, «Юность» 1988, № 8, с. 69–86.
- Сарнов 1987 – Сарнов Б., *Зоценко в дневниках Чуковского*, «Знамя» 1987, № 6, с. 185–196.
- Сарнов 1993 – Сарнов Б., *Пришествие капитана Лебядкина. Случай Зоценко*, Москва 1993.
- Синявский 1989 – Синявский А., *Мифы Михаила Зоценко*, «Вопросы литературы» 1989, № 2, с. 50–67.
- Слонимский 1965 – Слонимский М., *Из воспоминаний о Михаиле Зоценко (К 70-летию со дня рождения)*, «Звезда» 1965, № 8, с. 200–207.
- Слонимский 1981 – Слонимский М., *Михаил Зоценко*, [в:] *Михаил Зоценко в воспоминаниях современников*, Москва 1981, с. 110–128.
- Старков 1974 – Старков А., *Юмор Зоценко*, Москва 1974.
- Старков 1990 – Старков А., *Михаил Зоценко. Судьба художника*, Москва 1990.
- Сухих (сост.) 2015 – *Мих. Зоценко: pro et contra, антология*, изд. 2-е, испр.; сост., вступ. статья, коммент. И.Н. Сухих, Санкт-Петербург 2015.

- Томашевский 1973 – Томашевский Ю., *На подступах к себе*, «Вопросы литературы» 1973, № 10, с. 283–290.
- Томашевский 1977 – Томашевский Ю., *Как работал Михаил Зощенко, что думал о Пушкине и какие имел взгляды на оплату литературного труда*, «Вопросы литературы» 1977, № 3, с. 296–307.
- Томашевский 1984 – Томашевский Ю., *Зощенко-журналист*, «Вопросы литературы» 1984, № 7, с. 253–268.
- Томашевский 1984 – Томашевский Ю., *М.М. Зощенко. Из писем и дневниковых записей (1917–1921 гг.)*, «Новый мир» 1984, № 11, с. 211–229.
- Томашевский 1985 – Томашевский Ю., *Об одном посвящении. Попытка психологического комментария*, «Октябрь» 1985, № 10, с. 195–200.
- Томашевский 1986 – Томашевский Ю., *Рассказы и повести Михаила Зощенко*, [в:] М. Зощенко, *Собрание сочинений в трех томах*, т. 1, Ленинград 1986, с. 5–24.
- Томашевский 1988 – Томашевский Ю., „...Писатель с перепуганной душой – это уже потеря квалификации”. *М.М. Зощенко: письма, выступление, документы 1943–1958 годов*, «Дружба народов» 1988, № 3, с. 168–189.
- Томашевский 1992 – Томашевский Ю., *Пятнадцать минут из жизни Музы*, «Столица» 1992, № 8, с. 61–62.
- Томашевский 1994 – Томашевский Ю., *Судьба Михаила Зощенко*, [в:] М. Зощенко, *Собрание сочинений в 5-ти томах*, т. 1, Москва (1993) 1994, с. 9–18; т. 5, Москва 1994, с. 339–407.
- Томашевский (сост.) 1994 – *Лицо и маска Михаила Зощенко*, сост. Ю.В. Томашевский, Москва 1994.
- Томашевский (сост. и предисл.) 1995 – *Воспоминания о Михаиле Зощенко*, сост. и предисл. Ю.В. Томашевский, Санкт-Петербург 1995.
- Томашевский 2004 – Томашевский Ю.В., *«Литература – производство опасное...» (М. Зощенко: жизнь, творчество, судьба)*, Москва 2004.
- Утесов 1981 – Утесов Л., *Большой человек*, [в:] Михаил Зощенко в воспоминаниях современников, Москва 1981, с. 228–231.
- Федин 1981 – Федин К., *Михаил Зощенко*, [в:] Михаил Зощенко в воспоминаниях современников, Москва 1981, с. 3–12.
- Федоров 2011 – Федоров В.С., *«Голубая книга» М.М. Зощенко глазами читателей*, [в:] *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009–2010 гг.*, отв. ред. Т.С. Царькова, Санкт-Петербург 2011, с. 977–994.
- Федоров 2015 – Федоров В.С., *Проблема аутентичности зощенковского текста*, [в:] *Творчество Михаила Зощенко. Новые материалы. Исследования. Библиография*, Санкт-Петербург 2015, с. 104–112.
- Филимонова 1996 – Филимонова А.А., *Ритмико-звуковая и лексическая организация сатирической прозы М.М. Зощенко*, Борисоглебск 1996.

- Худенко** 2014 – Худенко Е.А., *Двойники истинные и мнимые в »письмах к писателю« М.М. Зоценко*, «Вестник Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова» 2014, № 1, с. 33–37.
- Чудакова** 1968 – Чудакова М.О., *Литературные пародии Михаила Зоценко*, «Вопросы литературы» 1968, № 11, с. 233–239.
- Чудакова** 1969 – Чудакова М.О., *Михаил Зоценко и герои его книг*, «Новый мир» 1969, № 3, с. 256–262.
- Чудакова** 1978 – Чудакова М.О., *Поэтика Михаила Зоценко (Проблема авторского слова)*, «Вопросы литературы» 1978, № 2, с. 166–186.
- Чудакова** 1979 – Чудакова М.О., *Поэтика Михаила Зоценко*, Москва 1979.
- Чуковский** 1981 – *Из воспоминаний*, [в:] *Михаил Зоценко в воспоминаниях современников*, Москва 1981, с. 13–66.
- Щербакова** 2013 – Щербакова П.О., *Сознание «массового героя» и формы его выражения в цикле М. Зоценко «Рассказы Назара Ильича господина Синябрюхова»*, «Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика» 2013, № 1, с. 119–123.
- Эвентов** 1968 – Эвентов И., *Юмор Михаила Зоценко*, «Нева» 1968, № 10, с. 166–172.
- Яхияева** 2014 – Яхияева С.Х., *Роль и функция «говорящих» фамилий в произведениях М. Зоценко (из опыта работы)*, «Вестник Дагестанского государственного университета» 2014, № 4, с. 305–313.
- Drawicz** 1965 – Drawicz A., *Podróż do kresu ironii (Michał Zoszczenko)*, „Przegląd Humanistyczny” 1965, nr 5, с. 47–64.
- Drawicz** 1974 – Drawicz A., *Aż do kresu ironii (Michał Zoszczenko)*, [в:] A. Drawicz, *Zaproszenie do podróży. Szkice o literaturze rosyjskiej XX wieku*, Kraków 1974, с. 46–73.
- Drawicz** 1985 – Drawicz A., *Moralista z powołania, humorysta mimo woli*, [в:] M. Zoszczenko, *Punkt widzenia. Opowiadania i opowieści*, tłum. E. Siemaszkiewicz, S. Pollak, wyboru dokonał i posłowiem opatrzył A. Drawicz, Warszawa 1985, с. 529–540.
- Granin** 1988 – Granin D., *Sąd nad Zoszczenką*, „Forum” 1988, nr 10, с. 18–19.
- Grau** 1986 – Grau M., *Нарушения лексической, лексико-семантической и семантической сочетаемости в рассказах двадцатых годов М.М. Зоценко*, „Hamburger Beiträge für Russischlehrer” 1986, Bd. 35, с. 67–79.
- Jackiewicz** 1991 – Jackiewicz M., *Elementy grotesku w krótkich opowiadaniach Michała Zoszczenki*, [в:] *Małe formy w literaturze rosyjskiej. Słowo w tekście rosyjskim. Literaturoznawstwo*, „Studia i Materiały WSP w Olsztynie” 1991, nr 30, с. 97–105.
- Kotkiewicz** 2013 – Kotkiewicz A., *Nowy człowiek Michaiła Zoszczenki. Trylogia: „Przywrócona młodość”, „Niebieska księga”, „Przed wschodem słońca”*, Kraków 2013.

- M**ucha 1985 – Mucha W., *Opowiadania satyryczne i humorystyczne Michaila Zoszczenki (1921–1932). Z zagadnień poetyki i komunikacji literackiej*, Wrocław –Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź 1985.
- Mucha 1991 – Mucha W., *Zoszczenko w Polsce. O niektórych aspektach teorii i praktyki przekładu artystycznego*, [в:] *Przekład artystyczny*, t. 1: *Problemy teorii i krytyki. Prace Naukowe Uniwersytetu Śląskiego w Katowicach*, Nr 1146, Katowice 1991, с. 110–119.
- P**yykkö 1993 – Pyykkö R., *Отражение лексических изменений послереволюционного периода в рассказах Михаила Зощенко*, „*Studia Slavica Finlandensia*”, Tomus X, Helsinki 1993, с. 119–131.
- Scatton** 1993 – Scatton L.H., *Mikhail Zoshchenko. Evolution of a writer*, Cambridge University Press, Cambridge 1993.
- Śliwowski** 1959 – Śliwowski R., *Zoszczenko*, „*Twórczość*” 1959, nr 8, с. 142–144.
- Śliwowski** 1967 – Śliwowski R., *O śmiechu – poważnie. Michał Zoszczenko*, [в:] R. Śliwowski, *Dawni i nowi. Szkice o literaturze radzieckiej*, Warszawa 1967, с. 65–72.

в. Литература по языкознанию, лингвистике текста, семантике и стилистике

- Абрамова** 2006 – Абрамова Е.И., *Интертекстуальные связи в художественном тексте*, [в:] *Имя и слово. Сборник научных и учебно-методических трудов*, вып. 2, Брест 2006, с. 45–59.
- Аверинцев и др.** 1994 – Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Михайлов А.В., *Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания*, Москва 1994.
- Агранович, Стефанский** 2003 – Агранович С.З., Стефанский Е.Е., 2003, *Миф в слове: продолжение жизни (Очерки по мифолингвистике)*, Самара 2003.
- Алефиренко** 2006 – Алефиренко Н.Ф., *Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова*, Волгоград 2006.
- Алефиренко** 2010 – Алефиренко Н.Ф., *Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. Учебное пособие*, Москва 2010.
- Арнольд** 1981 – Арнольд И.В., *Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования)*, изд. 2-е, перераб., Ленинград 1981.
- Арутюнова** 1972 – Арутюнова Н.Д., *Синтаксис*, [в:] *Общее языкознание. Внутренняя структура языка*, Москва 1972.
- Бабенко, Казарин** (ред.) 1997 – *Художественный текст: структура, семантика, прагматика*, ред. Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин, Екатеринбург 1997.
- Бабенко, Казарин** 2004 – Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В., *Лингвистический анализ художественного текста: Теория и практика*, Москва 2004.
- Бабенко** 2000 – Бабенко Л.Г., *Лингвистический анализ художественного текста*, Екатеринбург 2000.

- Барт 1978 – Барт Р., *Лингвистика текста*, [в:] *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. 8, Москва 1978, с. 442–449.
- Богданова 2011 – Богданова Е.В., *О некоторых аспектах изучения термина идиолект в отечественной и западной лингвистике*, «Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина» 2011, № 4, т. 1, с. 100–108.
- Болдырев 2000 – Болдырев Н.Н., *Когнитивная семантика*, Тамбов 2000.
- Борботько 2007 – Борботько В.Г., *Принципы формирования дискурса. От психолингвистики к лингвосинергетике*, Москва 2007.
- Брагина 1976 – Брагина А.А., *Синонимы или quasi-синонимы? (Семантика отражения)*, «Вопросы языкознания» 1976, № 1, с. 62–72.
- Брагина 1979 – Брагина А.А., *Семантические отношения между синонимами и антонимами (Роль негативных форм)*, «Русский язык в школе» 1979, № 5, с. 95–97.
- Будагов 1971 – Будагов Р.А., *История слов и история общества*, Москва 1971.
- Бухбиндер, Розанов 1975 – Бухбиндер В.А., Розанов Е.Д., *О целостности в структуре текста*, «Вопросы языкознания» 1975, № 6, с. 73–86.
- Васильев 1990 – Васильев Л.М., *Современная лингвистическая семантика*, Москва 1990.
- Введенская, Гончаренко 1980 – Введенская Л.А., Гончаренко Г.Е., *Окказиональные антонимы*, «Изв. Северо-Кавказского науч. центра высшей школы. Общественные науки» 1980, № 1, с. 34–37.
- Введенская 1981 – Введенская Л.А., *Антонимы, несоотносительные в понятийном плане*, [в:] *Парадигматические и синтагматические отношения в лексике и фразеологии*, Ростов-на-Дону 1981, с. 39–46.
- Вежбиньски 2008 – Вежбиньски Я., *Семантико-культурологический аспект интертекстуальности в художественном тексте*, „Acta Universitatis Lodzensis. Folia linguistica Rossica”, z. 4, с. 179–187.
- Вежбицкая 1999 – Вежбицкая А., *Семантические универсалии и описание языков*, Москва 1999.
- Виноградов 1941 – Виноградов В.В., *Стиль Пушкина*, Москва 1941.
- Воркачев 2001 – Воркачев С.Г., *Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании*, «Филологические науки» 2001, № 1, с. 64–72.
- Воркачев 2007 – Воркачев С.Г., *Лингвокультурная концептология. Становление и перспективы*, „Известия РАН. Серия литературы и языка” 2007, № 2, с. 13–22.
- Воробьев 1997 – Воробьев В.В., *Лингвокультурология. Теория и методы*, Москва 1997.
- Вострякова 2001 – Вострякова Н.А., *Понятие коннотации в современной лингвистике*, [в:] *Разноуровневые характеристики лексических единиц*, ч. 1, Смоленск 2001, с. 35–42.
- Гальперин 1981 – Гальперин И.Р., *Текст как объект лингвистического исследования*, Москва 1981.

- Гаспаров 2002 – Гаспаров М.Л., *Литературный интертекст и языковой интертекст*, «Известия АН. Сер. лит. и яз.» 2002, т. 61.
- Гиндин 1977 – Гиндин С.И., *Советская лингвистика текста. Некоторые проблемы и результаты (1948–1975)*, «Известия АН СССР. Сер. лит. и яз.» 1977, т. 36, № 4, с. 348–361.
- Гиндин 1981 – Гиндин С.И., *Что такое текст и лингвистика текста*, [в:] *Аспекты изучения текста*, Москва 1981, с. 25–32.
- Гинзбург 1979 – Гинзбург Л.Я., *Устная речь и художественная проза*, «Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Семиотика устной речи. Лингвистическая семантика II» 1979, вып. 481, с. 54–88.
- Гиршман 2002 – Гиршман М.М., *Литературное произведение: Теория художественной целостности*, Москва 2002.
- Глухов 2005 – Глухов В.П., *Основы психолингвистики*, Москва 2005.
- Гореликова, Магомедова 1989 – Гореликова М.И., Магомедова Д.М., *Лингвистический анализ художественного текста*, изд. 2-е, испр. и доп., Москва 1989.
- Григорьев 1983 – Григорьев В.П., *Грамматика идиостиля. В. Хлебников*, Москва 1983.
- Григорьев 2006 – Григорьев А.А., *Концепт и его лингвокультурологические составляющие*, «Вопросы философии» 2006, № 3, с. 64–76.
- Дейк ван, Кинч 1988 – Дейк ван Т.А., Кинч В., *Стратегия понимания связного текста*, [в:] *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. 23, Москва 1988, с. 153–211.
- Дейк ван 1989 – Дейк ван Т.А., 1989, *Язык. Познание. Коммуникация*, Москва 1989.
- Демидова 1988 – Демидова М.П., *Лингвистический анализ текста*, Минск 1988.
- Демьянков 2001 – Демьянков В.З., *Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке*, «Вопросы филологии» 2001, № 1, с. 35–46.
- Долинин 1985 – Долинин К.А., *Интерпретация текста*, Москва 1985.
- Дымарский 2006 – Дымарский М.Я., *Проблемы текстообразования и художественный текст. На материале русской прозы XIX–XX веков*, Москва 2006.
- Дюбуа, Эделин и др. 1986 – Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкаенберг Ж.-М., Мэнге Ф., Пир Ф., Трианон А., *Общая риторика*, Москва 1986.
- Задорнова 1984 – Задорнова В.Я., *Восприятие и интерпретация художественного текста*, Москва 1984.
- Залевская 1990 – Залевская А.А., *Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование*, Воронеж 1990.
- Иванова 1982 – Иванова В.А., *Антонимия в системе языка*, Кишинев 1982.
- Иванцова 2012 – Иванцова Е.В., *Методологические проблемы создания словаря языковой личности*, «Вопросы лексикографии», № 1, с. 27–51.
- Иванчикова 1992 – Иванчикова Е.А., *Язык художественной литературы: синтаксическая изобразительность*, Красноярск 1992.
- Ильин 1989 – Ильин И.П., *Стилистика интертекстуальности: теоретические аспекты*, [в:] *Проблемы современной стилистики. Сборник научно-аналитических трудов*, Москва 1989.

- Ищук-Фадеева (ред.) 2004 – *Имя текста, имя в тексте*, ред. Н.И. Ищук-Фадеева, Тверь 2004.
- К**азарин 2000 – Казарин Ю.В., *Лингвистический анализ художественного текста*, Екатеринбург 2000.
- Карасик 2004 – Карасик В.И., *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*, Москва 2004.
- Карасик 2009 – Карасик В.И., *Языковые ключи*, Москва 2009.
- Карпова 1989 – Карпова О.М., *Словари языка писателей*, Москва 1989.
- Клюев 1999 – Клюев Е.В., *Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция)*, Москва 1999.
- Колесов 1999 – Колесов В.В., *Жизнь происходит от слова*, Санкт-Петербург 1999.
- Колшанский 1980 – Колшанский Г.В., *Контекстная семантика*, Москва 1980.
- Костомаров 2005 – Костомаров В.Г., *Наш язык в действии: очерки современной стилистики*, Москва 2005.
- Котюрова (ред.) 2000 – *Стереотипность и творчество*, ред. М.П. Котюрова, Пермь 2000.
- Крейдлин 1993 – Крейдлин Г.Е., *Таксономия и аксиология в языке и тексте (Предложения таксономической характеристики)*, [в:] *Логический анализ языка. Ментальные действия*, Москва 1993.
- Кривоносов 1986 – Кривоносов А.Т., «Лингвистика текста» и исследование взаимоотношения языка и мышления, «Вопросы языкознания» 1986, № 6, с. 23–37.
- Кронгауз 2001 – Кронгауз М.А., *Семантика*, Москва 2001.
- Кузьмина 2004 – Кузьмина Н.А., *Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка*, Москва 2004.
- Л**арин 1962 – Ларин Б.А., *Основные принципы Словаря автобиографической трилогии М. Горького*, [в:] *Словоупотребление и стиль М. Горького*, Ленинград 1962, с. 3–11.
- Лещак 2002 – Лещак О.В., *Очерки по функциональному прагматизму: Методология – онтология – эпистемиология*, Тернополь–Кельце 2002.
- Лосева 1973 – Лосева Л.М., *Текст как единое целое высшего порядка и его составляющие (сложные синтаксические целые)*, «Русский язык в школе» 1973, № 1, с. 61–67.
- Лосева 1980 – Лосева Л.М., *Как строится текст*, Москва 1980.
- Лотман 1970 – Лотман Ю.М., *Структура художественного текста*, Москва 1970.
- Лотман 1992 – Лотман Ю.М., *Текст в тексте. Избранные статьи в 3-х т.*, т. 1, Таллин 1992.
- Лотман 2002 – Лотман Ю.М., *Статьи по семиотике культуры и искусства*, Санкт-Петербург 2002.
- М**амонтов 2000 – Мамонтов А.С., *Язык и культура: сопоставительный аспект изучения*, Москва 2000.

- Маслова 2000 – Маслова В.А., *Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста*, Минск 2000.
- Маслова 2001 – Маслова В.А., *Лингвокультурология. Учебное пособие*, Москва 2001.
- Маслова 2004 – Маслова В.А., *Поэт и культура. Концептосфера Марины Цветаевой*, Москва 2004.
- Матвеева 1990 – Матвеева Т.В., *Функциональные стили в аспекте текстовых категорий*, Свердловск 1990.
- Мошь 2007 – Мошь А., *Социодинамика культуры*, Москва 2007.
- Москвин 1996 – Москвин В.П., *Классификация русских метафор*, [в:] *Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр.*, Волгоград 1996, с. 102–110.
- Н**иколаева 1977 – Николаева Т.М., *Лингвистика текста и проблемы общей лингвистики*, «Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.» 1977, т. 36, № 4, с. 304–313.
- Новиков 1973 – Новиков Л.А., *Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике)*, Москва 1973.
- Новиков 1979 – Новиков Л.А., *Лингвистическое толкование художественного текста*, Москва 1979.
- Новиков 1983 – Новиков А.И., *Семантика текста и ее формализация*, Москва 1983.
- О**динцов 1980 – Одинцов В.В., *Стилистика текста*, Москва 1980.
- П**адучева 1996 – Падучева Е.В., *Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива)*, Москва 1996.
- Петров, Герасимов 1988 – Петров В.В., Герасимов В.И., *На пути к когнитивной модели языка*, [в:] *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. 23, Москва 1988, с. 5–11.
- Попов 1993 – Попов К.Г., *Роль художественной стилистики в обучении русскому языку*, «Съпоставително езикознание / Сопоставительное языкознание / Contrastive Linguistics», XVIII, София 1993, кн. 3–4, с. 155–161.
- Р**озанова (ред.) 1996 – *Поэтика. Стилистика. Язык и культура*, ред. Н.Н. Розанова, Москва 1996.
- С**авченко 1986 – Савченко А.Н., *Лингвистика речи*, «Вопросы языкознания» 1986, № 3.
- Слышкин 2000 – Слышкин Г.Г., *От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе*, Москва 2000.
- Солганик 1997 – Солганик Г.Я., *Стилистика текста*, Москва 1997.
- Смирнов 1995 – Смирнов И.П., *Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака*, Санкт-Петербург 1995.
- Старкова 2015 – Старкова Е.В., *Проблема понимания феномена идиостиля в лингвистических исследованиях*, «Вестник Вятского государственного гуманитарного университета» 2015, № 5, с. 75–81.
- Т**араненко 1989 – Тараненко А.А., *Языковая семантика в ее динамических аспектах*, Киев 1989.

- Токарев 2003 – Токарев В.Г., *К вопросу о типологии культурных коннотаций*, «Филологические науки» 2003, № 3, с. 56–63.
- Фатеева 1998 – Фатеева Н.А., *Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе*, „Stylistyka” 1998, VII, с. 159–178.
- Харченко 1976 – Харченко В.К., *Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова*, «Русский язык в школе» 1976, № 3, с. 66–71.
- Цветкова 1993 – Цветкова Д., *Беглые штрихи к „веществу” идиостиля Андрея Платонова*, «Болгарская русистика» 1993, № 2, София, с. 13–17.
- Чернухина 1977 – Чернухина И.Я., *Очерк стилистики художественного прозаического текста (факторы текстообразования)*, Воронеж 1977.
- Чернышева 2010 – Чернышева Т.А., *Идиостиль: лингвистические контуры изучения*, «Вестник Череповецкого государственного университета» 2010, № 1, с. 30–34.
- Чернявская 1999 – Чернявская В.Е., *Интертекстуальное взаимодействие как основа научной коммуникации*, Санкт-Петербург 1999.
- Чинки 1996 – Чинки А., *Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях*, «Вопросы языкознания» 1996, № 2, с. 68–78.
- Чиркова 1993 – Чиркова Н.И., *Аспекты лингвистического изучения текста. Методические рекомендации к спецкурсу*, Ижевск 1993.
- Шабес 1989 – Шабес В.Я., *Событие и текст*, Москва 1989.
- Шанский 1984 – Шанский Н.М., *Лингвистический анализ художественного текста*, Ленинград 1984.
- Шахнарович, Юрьева 1990 – Шахнарович А., Юрьева Н., *Психолингвистический анализ семантики и грамматики*, Москва 1990.
- Шведова 1970 – Шведова Н.Ю., *Несколько замечаний по поводу статьи Ю.Д. Апресяна «Синонимия и синонимы»*, «Вопросы языкознания» 1970, № 3, с. 36–44.
- Шейгал 2000 – Шейгал Е.И., *Семиотика политического дискурса*, Москва–Волгоград 2000.
- Шмелев 1964 – Шмелев Д.Н., *Очерки по семасиологии русского языка*, Москва 1964.
- Шмелев 1977 – Шмелев Д.Н., *Русский язык в его функциональных разновидностях*, Москва 1977.
- Шумарина 2009 – Шумарина М.Р., *Семантика слова в зеркале художественного*, [в:] *Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании: Сб. науч. ст.*, вып. 8, т. 1, Москва 2009, с. 273–276.
- Щирова 2010 – Щирова И.А., *Концептуальный анализ художественного текста: границы и возможности*, [в:] *Интеграционные процессы в коммуникативном пространстве регионов*, Волгоград 2010, с. 338–343.
- Яблоков 2002 – Яблоков Е.А., *Текст и подтекст в рассказах М. Булгакова («Записки юного врача»)*, Тверь 2002.

Яковлева 1994 – Яковлева Е.С., *Фрагменты русской языковой картины мира*, Москва 1994.

Ajdukiewicz 1985 – Ajdukiewicz K., *Język i poznanie*, t. 1–2, Warszawa 1985.

Anusiewicz 1995 – Anusiewicz J., *Lingwistyka kulturowa. Zarys problematyki*, Wrocław 1995.

Bartmiński, Mazurkiewicz-Brzozowska (red.) 1993 – *Nazwy wartości. Studia leksykalno-semantyczne*, red. J. Bartmiński, M. Mazurkiewicz-Brzozowska, Lublin 1993.

Beaugrande, Dressler 1990 – Beaugrande R.-A. de, Dressler W.U., *Wstęp do lingwistyki tekstu*, tłum. A. Szwedek, Warszawa 1990.

Boksański, Piotrowski, Ziółkowski 1977 – Boksański Z., Piotrowski A., Ziółkowski M., *Socjologia języka*, Warszawa 1977.

Borek 1988 – Borek H., *Co możemy wiedzieć o języku osobniczym*, [w:] *Język osobniczy jako przedmiot badań lingwistycznych*, Zielona Góra 1988.

Brinker 1972 – Brinker K., *Textlinguistik. Zum Forschungsstand einer neuen linguistischen Teildisziplin*, [w:] *Gegenwartssprache und Gesellschaft*, Düsseldorf 1972.

Burzyńska 2002 – Burzyńska A., *Dekonstrukcja i interpretacja*, Kraków 2002.

Cieślukowska 1995 – Cieślukowska T., *W kręgu genologii, intertekstualności i teorii sugestii*, Warszawa 1995.

Dobrzyńska 1993 – Dobrzyńska T., *Tekst. Próba syntezy*, Warszawa 1993.

Duszek 1998 – Duszek A., *Tekst, dyskurs, komunikacja międzykulturowa*, Warszawa 1998.

Harweg 1968 – Harweg R., *Textologische Analyse einer Zeitungsnachricht*, „Replik“ 1968, Nr. 2.

Jelitte H. (1984), *Sowjetische Textlinguistik*, [w:] *Handbuch des Russisten*, red. von H. Jachnow, Wiesbaden, c. 280–309.

Jelitte, Wierzbicki (red.) 1999 – *Textsemantik und Textstilistik*, „Beiträge zur Slavistik“, Bd. XXXIX, red. H. Jelitte, J. Wierzbicki, Frankfurt am Main–Berlin–Bern–New York–Paris–Wien 1999.

Kalaga 2001 – Kalaga W., *Mgławice dyskursu. Podmiot, tekst, interpretacja*, Kraków 2001.

Kowalska-Paszut i in. (red.) 2006 – *Intertekstualność w literaturach i kulturach słowiańskich*, red. I. Kowalska-Paszut, M. Kuczyńska, J. Czaplińska, A. Wątorski, Szczecin 2006.

Kozłowska 2015 – Kozłowska A., *Miejsce badań nad idiolektem w obrębie językoznawstwa*, „Poznańskie Spotkania Językoznawcze” 2015, nr 30, c. 71–83.

Kurcz 1976 – Kurcz I., *Psycholingwistyka. Przegląd problemów badawczych*, Warszawa 1976.

Kurcz 1987 – Kurcz I., *Język a reprezentacja świata w umyśle*, Warszawa 1987.

Kurcz 1992 – Kurcz I., *Język a psychologia. Podstawy psycholingwistyki*, Warszawa 1992.

- Majmieskułow**, Trojanowska (red.) 2012 – *Повтор в художественном тексте. Powtórzenie w tekście artystycznym*, red. A. Majmieskułow, B. Trojanowska, Bydgoszcz 2012.
- Muszyński (red.) 1991 – *Język, znaczenie, rozumienie i relatywizm*, red. Z. Muszyński, Warszawa 1991.
- Nowikow** 1977 – Nowikow L., *Tekst literacki i jego badanie jako problem metodyczny*, tłum. S. Siatkowski, [B:] *Elementy realizacyjne i literackie nauczania języka rosyjskiego*, red. S. Siatkowski, Warszawa 1977, c. 102–111.
- Nycz 1990 – Nycz R., *Intertekstualność i jej zakresy: teksty, gatunki, światy*, „Pamiętnik Literacki” 1990, z. 2, c. 95–116.
- Pfütze** 1970 – Pfütze M., *Grundgedanken zu einer funktionalen Textlinguistik*, [B:] *Textlinguistik I*, Dresden 1970.
- Puzia 2004 – Puzia O., *Techniki aktywizujące w analizie tekstów literackich*, „Zeszyty Naukowe PWSZ w Płocku. Neofilologia” 2004, t. VI, c. 189–198.
- Schaff** (red.) 1980 – Schaff (red.), *Zagadnienia socjo- i psycholingwistyki*, Warszawa 1980.
- Sławiński 2008 – *Intertekstualność*, [B:] *Słownik terminów literackich*, pod red. J. Sławińskiego, Wrocław–Warszawa–Kraków 2008, c. 218–219.
- Soszeń (red.) 2003 – *Intertekstualność i wyobrażeniowość*, red. B. Soszeń, Kraków 2003.
- Tabakowska** 2001 – Tabakowska E., *Językoznawstwo kognitywne a poetyka przekładu*, Kraków 2001.
- Wierzbicka** 2007 – Wierzbicka A., *Słowa i kultury. Różne słowa – różne sposoby myślenia? Model kultury a słownictwo języka*, [B:] *Słowa klucze. Różne języki – różne kultury*, Warszawa 2007, c. 16–34.
- Wierzbński (red.) 2004 – *Aktualne problemy semantyki i stylistyki tekstu. Studia opisowe i komparatywne*, red. J. Wierzbński, Łódź 2004.
- Wilkoń 1999 – Wilkoń A., *Język artystyczny. Studia i szkice*, Katowice 1999.
- Zaron** 1985 – Zaron Z., *Wybrane pojęcia etyczne w analizie semantycznej*, Wrocław 1985.

г. Словари²

- Большая Советская Энциклопедия*, Москва 1950–1958. (БСЭ)
- Введенская Л.А., *Словарь антонимов русского языка*, изд. 2-е, испр. и доп., Ростов-на-Дону 1982 (изд. 1-е, Ростов-на-Дону 1971). (СAB)
- Введенская Л.А., *Словарь антонимов русского языка*, Ростов-на-Дону 1995. (СAB)

² Принятые в книге сокращения названий словарей даются в круглых скобках после полного их описания.

- Даль В.И., *Толковый словарь живого великорусского языка, в 4-х т.*, изд. 7-е, Москва 1978–1980. (Даль)
- Евгеньева (ред.) 1970–1971 – *Словарь синонимов русского языка в 2-х т.*, под ред. А.П. Евгеньевой, Ленинград 1970–1971. (ССЕ)
- Евгеньева (ред.) 1981–1984 – *Словарь русского языка в 4-х т.*, изд. 2-е, испр. и доп., под ред. А.П. Евгеньевой, Москва 1981–1984 (изд. 1-е, Москва 1957–1961). (МАС)
- Ефремова 2000 – Ефремова Т.Ф., *Новый словарь русского языка. Толково-слово-образовательный*, Москва 2000.
- Колесников Н.П., *Словарь антонимов русского языка*, под ред. Н.М. Шанского, Тбилиси 1972. (САК)
- Львов М.Р., *Словарь антонимов русского языка*, под ред. Л.А. Новикова, Москва 1978. (САЛ)
- Львов М.Р., *Школьный словарь антонимов русского языка*, Москва 1980. (ШСАЛ)
- Ожегов С.И., *Словарь русского языка*, Москва 1975. (Ож)
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю., *Толковый словарь русского языка*, Москва 2000. (ОШ)
- Розенталь Д.Э., Теленкова М.А., *Словарь-справочник лингвистических терминов*, изд. 2-е, испр. и доп., Москва 1976. (С-СЛТ)
- Словарь синонимов. Справочное пособие*, Ленинград 1975. (СС-СП)
- Словарь современного русского литературного языка, в 17-ти т.*, Москва–Ленинград 1950–1965. (БАС)
- Словарь иностранных слов*, под ред. А.Г. Спиркина и др., изд. 7-е, перераб., Москва 1980. (СИС)
- Толковый словарь русского языка в 4-х т.*, под ред. Д.Н. Ушакова, Москва 1935–1940. (ТСУ)
- Цыганенко Г.П., *Этимологический словарь русского языка*, Киев 1989. (ЦЭС)
- Энциклопедический словарь, в 3-х т.*, под ред. Б.А. Введенского, Москва 1953–1955. (ЭС)

ОТ РЕДАКЦИИ ОБ АВТОРЕ

Ярослав Вежбиньски – языковед, доктор филологических наук, профессор, директор Института русистики Лодзинского университета, заведующий Кафедрой языкознания, главный редактор ученых записок „Acta Universitatis Lodzensis. Folia Linguistica Rossica”.

В 1971 г. поступил на филологический факультет Университета им. Адама Мицкевича в Познани. После первого курса был направлен по решению Министерства Высшего Образования в качестве стипендиата в Ростов-на-Дону, где продолжил обучение на отделении русской филологии и журналистики Ростовского университета.

Дипломную работу о языковом своеобразии *Тихого Дона* Михаила Шолохова защитил в 1976 г., получив диплом с отличием и рекомендацию в аспирантуру.

В 1984 г. защитил в Ростовском университете кандидатскую диссертацию *Антонимо-синонимические отношения в лексике (на материале художественных произведений А.П. Чехова)*.

В 2000 г. защитил на филологическом факультете Лодзинского университета докторскую диссертацию об идиолекте Михаила Зоценко *Stylistyczny fenomen języka artystycznego Michała Zoszczenki* (изд-во Лодзинского университета, 1999).

Занимается вопросами семантики, прагматики и стилистики художественных текстов, функционирования в них категорий лексической семантики, изучением идиолекта А. Чехова, М. Шолохова, В. Маяковского, М. Зоценко и др. Интересуется теоретическими проблемами лингвистики текста и вопросами функциональной стилистики. Круг научных интересов связан также с политическим дискурсом, лексикологией и ономастикой. Значительное внимание уделяет в своих разработках проблемам социолингвистическим, лингвокультурологическим и лингвокогнитологическим.

Имеет более 150 опубликованных работ, среди них: четыре монографии, два учебные пособия, редактирование и соредактирование 12 книг вместе с соавторством в них, автореферат, более 80 статей, около 40 других разработок (рецензии, тезисы, предисловия, научные биографии), а также 18 переводов с польского языка на русский и наоборот.

Его труды опубликованы как в Польше, так и за рубежом: в России, Беларуси, на Украине, в Киргизии, Казахстане, Литве, Чехии, Болгарии, Венгрии, Германии, Испании и США.

Книжные публикации (монографии и пособия):

Stylistyczny fenomen języka artystycznego Michała Zoszczenki, Wydawnictwo UŁ, Łódź 1999, 176 с.

Языковой монументализм в России XX века (Диахроническая экспликация научных парадигм) / Monumentalizacja języka w Rosji XX wieku (Eksplikacja diachroniczna paradygmatów naukowych), Wydawnictwo UŁ, Łódź 2012, 263 с.

Семантика идиостиля А.П. Чехова (на материале антонимических и смежных образований) / Semantyka idiolektu Antoniego Czechowa (na materiale relacji antonimicznych i zjawisk pokrewnych), Wydawnictwo Primum Verbum, Łódź 2013, 116 с.

Михаил Зоценко: текстологические исследования и анализы, семантика и стилистика / Michał Zoszczenko: studia i analizy tekstologiczne, semantyka i stylistyka, Wydawnictwo UŁ, Łódź 2017.

Морфемика. Морфонология. Словообразование (учебное пособие по русскому языку) / Morfemika. Morfonologia. Słowotwórstwo (skrypt do nauki języka rosyjskiego), Издательство „Studia Methodologica”, Тернополь 2009, 58 с.

Semantyka słowa. Kategorie semantyki leksykalnej (podręcznik do nauki języka rosyjskiego) / Значение слова. Категории лексической семантики (учебное пособие по русскому языку), Wydawnictwo Primum Verbum, Łódź 2011, 95 с.

Сотрудничает с вузами в Польше, а также с заграничными научными центрами в Гиссене, Магдебурге, Москве, Волгограде, Смоленске, Казани, Киеве, Алматы, Софии, Великом Тырнове, Шумене. Сотрудничество проявляется в организации и участии в международных конференциях и в совместных публикациях, свидетельством чего являются, в частности, два тома, изданных с Институтом славистики в Гиссене трудов серии „Beiträge zur Slavistik“ (том 39: *Textsemantik und Textstilistik*, Peter Lang, Frankfurt am Main–Berlin–Bern–New York–Paris–Wien 1999, 328 с.; том 47: *Слово в тексте, переводе и слове*, Peter Lang, Frankfurt am Main–Berlin–Bern–Bruxelles–New York–Oxford–Wien 2002, 497 с.), а также, совместно с тем же институтом, двух томов академической серии „Folia Linguistica Rossica”: третий том на тему *Semantyka i pragmatyka tekstu* (Łódź 2007, 200 с.) и шестой том на тему *Język – komunikacja międzykulturowa – tekst i jego interpretacja* (Łódź 2010, 198 с.). Периодически выступает с докладами по программе мобильности Эразмус (Гиссен, Вильнюс, София, Велико Тырново, Шумен) и в рамках договоров о сотрудничестве (Москва, Волгоград, Гиссен).